

ISSN 0869-3129

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

2. 2023

25.03.2023 г. в «Ореховой роще» состоялись митинг и церемония возложения цветов, посвященные 13-й годовщине присвоения городу Нальчику почетного звания «Город воинской славы».

12+

**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

**Учредители
(соучредители):**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

Главный редактор – В. М. МАМИШЕВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Лариса Маремкулова
Светлана Моттаева
Александр Мусукаев
Юрий Тхагазитов
Мадина Хакушева
Пётр Хатуев (отв. секр.)
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

---

2. 2023 МАРТ–АПРЕЛЬ

БЕГ

*Одноактная пьеса с элементами
гротеска и юмора.
Для молодежного театра*

Перевод с кабардино-черкесского – автора

Действующие лица

Л и н а и Л е о н – влюбленные.
З и т а и Г и т а – сестры-близнецы.
Л о т и А д а м – соседи.
Б е к и Ч у к – спортсмены.
К и р а – одинокая девушка.
Б и д о н – герой-одиночка.
Д а н а – любимица бабушки.
Т и р е с и й – распорядитель.

Место действия: Кавказ, можно точнее – Северный Кавказ.

Время действия: возможно, наши дни.

На сцене стоит стул, на него падает свет. Звучит музыка. Появляются Кира и Бидон, останавливаются у стула. Появляется Дана, тоже становится рядом.

Б и д о н. Бывают дни, когда ты вроде и сделал что-то, но собой не доволен. Сегодня как раз такой день.

К и р а. Чаще так и бывает, что ты не доволен собой.

Д а н а. Сегодня именно так! И так снова и снова! Изо дня в день.

Б и д о н (*говорит сам себе*). Я всем утёр нос. И этим соперничкам, и влюбленной парочке, и соседям, и близнецам. А на душе покоя нет. Был бы доволен собой, успокоился бы.

К и р а. И я, если б собой довольна была, улыбалась бы. Но я никогда не улыбаюсь. Не улыбка у меня, а оскал. (*Скалит зубы.*)

Д а н а. Моя бабушка говорит: нужно уметь увлекать людей. Мило улыбаться им. Притворная улыбка не может украсить чело-века. Улыбаться нужно сердцем. Вот так! (*Показывает, как нужно улыбаться.*)

Б и д о н. Меня отец обычно спрашивал: разве ты не мужчина?

Тяжело на сердце – а ты виду не подавай! С ног сбили – поднимайся! Тебя гнут к земле, а ты тянись вверх! Не давай никому себя одолеть!

Д а н а. Про меня говорили: бабушкина любимица. Бабушка! Пока ты жива, я ребенок. Пока ты жива, я избалованная. Пока ты меня балуешь, я буду неженкой!

К и р а. Терпеть не могу этих живых кукол, изображающих из себя невесть кого. Одно удовольствие ставить таких на место. *(Берёт стул, садится, с самодовольным видом, скрестив ноги.)*

Д а н а. Бабушка учила меня: старайся не задевать людей резким словом, будь ласковой, а потихоньку своё проталкивай. Будешь хитрее – добьешься большего. *(Подходит к Кире, показывает ей что-то пальцем. На это невидимое что-то Кира реагирует, встаёт, Дана в этот момент забирает её стул и с довольным видом садится на него. Аккуратно, манерно ставит ноги, сидит, чуть склонив голову набок, расплывшись в улыбке. Кира стоит рядом, злится.)*

Б и д о н *(почти не глядя в сторону девушки)*. Что вы знаете о пути одинокого всадника? Вот достойный путь. Одиноким всадником поднимись на вершину. Или хоть бы на пригорок пешком залезь...

Там, на высоте, почувствуй, осознай, что ты лучший. Пусть другим тебя никогда не понять. Не трать свои силы и время на тех, кто увяз в мелких делах и не умеет мыслить масштабно. Не опускайся до них, проходи мимо с гордо поднятой головой.

Смотрит в сторону Даны, подходит к ней. Свистит ей в ухо, та пугается, вскакивает. Бидон садится на освободившееся место. Звучит музыка. Появляются другие, каждый со своим стулом. Кто-то несёт два стула. Бидон встаёт и со всеми ставит стулья в круг. Стульев десять, людей одиннадцать. Распорядитель Тиресий появляется с флейтой в руке.

Т и р е с и й. И снова начинаем бег!

К и р а. Сколько же нам бегать?

Т и р е с и й. Ленивый, сонливый, трусливый – уходи, дверь закрой! Ретивый, игривый – в строй, в строй!

Д а н а. Мне бабушка говорила: Даночка, играй, будь легкой, не спорь ни кем. *(Обращаясь к Тиресию.)* Хорошо, согласна, как скажете!

Б и д о н. Только не мешайте мне одиноким всадником продолжить путь. Буду с высоты смотреть на вас.

Т и р е с и й. Начинаем?

В с е. Начинаем!

Игроки выходят на авансцену.

Тиресий играет на флейте (звучит музыка), игроки начинают бег по кругу по часовой стрелке. Музыка замолкает, игроки занимают ме-

ста. Бек и Чук не могут разделить один стул, они ухватились за него, не уступают друг другу.

Б е к. А ну дай!
Ч у к. Ага, щас. Мой стул!
Б е к. Серьёзно?
Ч у к. Серьёзно.
Б е к. Типа, сесть хочешь?
Ч у к. Моё место!
Б е к. Ты уверен?
Ч у к. Ещё как.
Б е к. Жди, надейся.

Бек овладевает стулом, садится на него. Другие игроки встают, расходятся по углам, заняты своими делами. Зита и Гита под ручку прогуливаются, Лина и Леон мило беседуют, смеются, Лот и Адам смотрят вдаль, что-то обсуждают. Кира расчёсывает волосы невидимым гребнем. Дана смотрит в невидимое зеркало. Бидон стоит сердитый, скрестив руки на груди. Тиресий с довольным видом наблюдает за всеми.

Ч у к (*не видя никого, кроме соперника*). Сам жди, надейся. Тебе не одолеть меня никогда. Каждый наш с тобой бой закончится моей победой. Каждый раз тебя будут выносить вниз головой.

Б е к. Один раз одолел меня и возомнил себя непобедимым?

Ч у к. Так с тех пор и не привелось побороться. Как встретимся на ринге, я тебе покажу...

Б е к. Уверен в силёнках?

Ч у к. И в силёнках, и в технике.

Б е к. А шеф твой?

Ч у к. А что шеф? Он знает, что я его не подведу.

Б е к. Дурачок, ничего ты не знаешь о спорте. С тобой будет, как решат. Если захотят, то не успеешь пошевелить ни рукой, ни ногой, как устроят тебе на ринге кровавое побоище.

Ч у к. Не-е, мой тренер на такое не подпишется.

Б е к. Твой тренер против своего начальства не пойдёт. Нужно будет – тебя принесут в жертву.

Ч у к. Не суди по своим.

Б е к (*вставая*). А мои и есть твои! Мы-то с тобой... в одной лодочке плывем.

Ч у к (*забирая стул, садясь на него*). В одной, но гребём по-разному.

Б е к. Как ни гребь, им решать, плыть тебе до конца или...

Переходит на шепот, Чуку интересно, что он там шепчет, приподнимается, Бек выхватывает из-под него стул и садится.

... выкинуть тебя к черту!

Ч у к (*уже не пытаюсь забрать обратно стул*). Ошибаешься! Я там свой!

Б е к. Тебя держат до поры до времени. Но, вот увидишь, один раз не уступишь, взбрыкнешь – придавят, прихлопнут.

Ч у к. Жди, надейся!

Т и р е с и й. Продолжаем, продолжаем!

Бидон убирает свой стул, игроки готовы к бегу. Чук выходит из игры, Тиресий «включает» музыку. Молодые люди бегут по кругу. Музыка прекращается, все садятся, Леон остаётся без стула, Лина вскакивает со своего места и подбегает к нему.

Л е о н. Ты почему вскочила? Садись давай!

Тиресий с флейтой в руке следит за влюбленными, игроки сидят на своих местах.

Л и н а. Я не могу сидеть, когда у тебя нет места.

Л е о н. Сядь же!

Л и н а. Нет, нет. Ты садись!

Л е о н. Ни за что я не сяду! Твое место – тебе досталось!

Л и н а. Это твоё место по праву!

Л е о н. Л и н а, стул твой! Ты его заняла, все чётко, ясно!

Л и н а. А я говорю, что в том твоя заслуга! Я с тобой стала такой уверенной, твоя любовь окрыляет меня!

Л е о н. Будь это так, ты в небе парила бы, а не дралась за какой-то стул.

Л и н а. Без тебя не нужны мне ни стул, ни баул, ни аул.

Л е о н. То есть игра тоже не нужна?

Л и н а. Игра?

Л е о н. Возвращайся на место. Неизвестно, кому где повезёт. Не бросай из-за меня игру. От жизни нужно брать всё, что даёт, а что не даёт, отнять.

Л и н а. Вот! Ты всё знаешь! Это ты научил меня, как вести себя с людьми, как жить!

Л е о н. Я, как говорят, сапожник без сапог. Всем советы даю, а сам не знаю, как жить.

Л и н а. И мой отец так же про тебя говорит: неприспособленный к жизни. Он беспокоится, что я за тебя замуж выйду, а потом разочаруюсь (*Явно жалеет о сказанном.*)

Л е о н. Твой отец сам в рубашке родился? Откуда ему знать, на что я гожусь?!

Л и н а. Я тоже так думаю! Ты многим нос утрёшь, если... захочешь.

Л е о н. А ты веришь в меня?

Л и н а. Верю (*с сомнением в голосе*).

Л е о н. Если ты в меня веришь, большего мне не нужно.

Л и н а. Да, мы должны держаться вместе! Вдвоем мы всех победим!

Тиресий покашливает, давая понять, что игру нужно продолжить.

Л е о н. Садись. Я выбыл.

Л и н а. Нет.

Л е о н. Я все знаю, Лина.

Л и н а. Что ты знаешь?

Л е о н. Ты встречаешься с другим. И я знаю, что ты обо мне сказала.

Л и н а. Что я сказала?

Л е о н. Парней мало, и все нарасхват, пока не найду кого получше, буду встречаться с ним – вот что ты сказала.

Л и н а. Люди врут! Не слушай, что говорят!

Л е о н. Я тоже не хотел бы верить в это.

Л и н а. Не верь, не верь. Вранье!

Т и р е с и й. Если сегодня в беге по кругу победит девушка, ей достанется принц заморский.

Лина с удивлением смотрит в зал, переводит взгляд на Леона, тихонечко идет к свободному стулу и садится.

Т и р е с и й. Ленивый, сонливый – уходи, дверь закрой! Ретивый, игривый – в строй, в строй!

Леон выбывает. Другие игроки бегут по кругу. Зита и Гита выходят из круга, семят на месте.

З и т а. Гита, ты скажи.

Г и т а. Нет, Зита, ты скажи.

З и т а. Я не могу.

Г и т а. Я тоже не могу.

О б е р а з о м. Тиресий!

Музыка становится тише.

Т и р е с и й. Болтливый, ленивый – уходи, дверь за собой закрой.

З и т а (*поднимает руку*). Можно?

Г и т а. Нет, я! Можно?!

Т и р е с и й. Ну, что?

З и т а (*бежит на месте, семят*). Мы всегда бежим по часовой стрелке. А можно, мы побежим против часовой. Я хочу попробовать.

Г и т а (*тоже семенит на месте*). Если бы мы бегали в обратную сторону, играли бы лучше.

Т и р е с и й. Бегом, бегом! Кто болтает – того вон!

З и т а. Сестра! Я же тебе говорила!

Г и т а. Из-за тебя нас чуть не выгнали, сестра!

Возвращаются на свои места, бегут со всеми.

Т и р е с и й. Если же в игре победит парень, наградой будет что-то очень существенное, весомое, неподъемное!

Музыка замолкает. Лот и Адам не могут поделить стул, держатся за него, не уступая друг другу.

Л о т. Интересно, что же это такое?

А д а м. Я сам не понял.

Все, кому достались стулья, сидят и недовольным взглядом смотрят на соседей, распорядитель тоже недоволен, что те задерживают игру.

А д а м. Меня бесит, что он не говорит, какая именно награда будет победителю.

Л о т. И спросить нельзя.

А д а м. Лот, а ты уступи мне стул. Если выиграю, то поделюсь призом.

Л о т. А ты узнал, что за награда?

А д а м. Нет, я слышал то же, что и ты.

Л о т. Адам... я бы уступил тебе, но ты слово не держишь.

А д а м. Я тебя хоть раз в жизни обманывал?

Л о т. Да постоянно.

А д а м. А я тоже не знаю, как ты поступишь. Но будь ты человеком, поделись с соседом.

Л о т. Ну вы посмотрите на него! Вымогает мою награду!

Т и р е с и й. Хиляк и слабак выбывает!

А д а м. Распорядитель, можно вас спросить кое о чём?

Т и р е с и й. Все вопросы после игры!

Л о т (*Адаму*). Я же тебе говорю, он невозможный какой-то. Не трогай лучше его.

А д а м. Это что-то тяжелое можно разделить?

Л о т. Или продать?

Т и р е с и й. Ворота! Ворота из кованого железа! С ажуром и позолотой! На солнце блестят! Удивить хотят!

Л о т. Вот те на... (*Спрашивая у Тиресия*.) А забор прилагается? Отец скажет, почему я не попросил и забор тоже.

Т и р е с и й. Ворота! Кованые! Позолота изнутри и снаружи!

Все встают, стряхивают с себя напряжение, задумываются.

Л о т. Изнутри можно и без ажура, важно, что снаружи, чтобы прохожие любовались.

А д а м. Нельзя было придумать другую награду, а не ворота?

Т и р е с и й. Ворота! Вы чувствуете значимость этого сокровища? Или вы еще не созрели для этого? Дом – ничто, если нет дорогих ворот!

З и т а. Ворота!

Г и т а. Нам все равно не достанется.

З и т а. А хорошие ворота дорого стоят, если что, можно и продать.

Г и т а. Ты до сих пор не поняла? То, что получаешь здесь, нельзя ни продать, ни менять.

З и т а. А-а-а, теперь поняла...

Появляется Леон. Тиресий его как будто не замечает.

Л и н а (Леону). Ну вот, ты слышишь, какой приз? Если бы ты не вышел из игры, мог бы победить и получить ворота. Родители купили тебе дом с участком и поставили бы эти дорогие ворота.

Л е о н. А потом что?

Л и н а. Мой отец разрешил бы нам встречаться.

Л е о н (сам себе). Бегом, бегом, кто болтает – того вон.

К и р а (Леону). Она не надеется заполучить заморского принца, вот и решила вернуться к тебе.

Л и н а. Просто мне тоже захотелось... ворота в позолоте.

Л е о н. Пусть тебе повезет... (*Уходит, прихватив с собой один стул. Лина протягивает ему вслед руки.*)

Т и р е с и й. Бегом, бегом! Играем без проблем! Выбывший уходит ни с чем! Как я уже сказал, если сегодня победит мужчина, ему достанутся ворота! Ворота с позолотой, никто мимо них равнодушно не пройдет. Всем такие ворота запомнятся! Врагам на зависть, гостям на радость! Время над ними не властно, не иметь такие – опасно! Дом ничто без таких ворот! Мир рухнет – они выстоят. Такая вот награда!

Б и д о н. С тех пор, как разумный человек научился орудовать руками, он оставил потомкам немало наследства. Посмотрите на итальянцев, японцев, французов, на китайцев, наконец! И мы на Кавказе оставим свое наследие! Кованые ворота!

Т и р е с и й (Бидону). Верно и дельно говоришь. (*Адаму и Лоту.*) Один из вас покидает нас. Вам решать, кому дальше бежать.

Б и д о н. И не отнимайте у нас время!

Л о т (Адаму). Если выиграешь, награду делим поровну! Поклянись, что не обманешь.

А д а м. Лот, мой дорогой. Награду продавать нельзя. А ворота делить невозможно. Позволь мне выиграть – и все тут. Мы же как-никак соседи. Я потом своим детям расскажу о твоей доброте, о том, как ты мне ворота уступил. И я... я могу увековечить память о тебе! Я напишу на моих воротах твое имя!

Л о т. Да не хочу я, чтобы мое имя было на соседских воротах.

Тиресий покашливает, игроки тоже недовольны задержкой.

Б и д о н. Придумал!

Д а н а. Светлая голова! Придумал же сразу!

К и р а (Дане). Дай сказать-то!

Б и д о н. Вы же соседи? Значит, дома рядом?

Л о т. Да...

А д а м. Мы даже это... однофамильцы.

Б и д о н. В таком случае, можно поставить одни новые ворота вместо двух ваших старых!

Л о т. Это у кого?

А д а м. Это как?

К и р а. Ходить будете через одни ворота.

Д а н а. Светлая голова! Ты посмотри, что придумал!

З и т а (спрашивает у сестры). Ты такое слышала?

Г и т а. Возможно, так и жили братья во времена, когда вместо заборов стояли плетни.

З и т а. Не выдумывай!

Г и т а. Чистая правда. Заборов тогда не строили и двери не запирали!

З и т а. Не говори ерунды, быть того не может.

Г и т а. И дворы были зеленые, а не закатанные в асфальт.

З и т а. Просто тогда ещё не было ни плитки, ни асфальта.

К и р а (Лоту и Адаму). Ну что, если готовы делить ворота на двоих, не задерживаем нас всех.

Лот и Адам смотрят друг на друга.

Л о т. Твой отец согласится на такой вариант?

А д а м. Мой – нет. А твой?

Лот отрицательно кивает головой.

Б и д о н. Значит, не договорились.

Т и р е с и й. Ленивый, сопливый – уходи, дверь закрой!

О с т а л ь н ы е в с е – в строй, в строй!

Адам и Лот уходят, уносят с собой по одному стулу. Звучит музыка. Все бегут. Музыка замолкает, все садятся, Бек остается без стула.

Б е к. А мне не нужен такой приз! Оставляю его вам. *(Хочет удалиться.)*

Т и р е с и й. Куда без моего разрешения?

Б е к. Так я это, проиграл же.

Т и р е с и й. Это мне решать.

Б е к. Хочу – играю, не хочу – не играю. Передумаю – завтра вернусь.

Т и р е с и й. Ошибаешься. Уйдешь самовольно – не видать тебе больше игры.

Б е к. Устаёшь – вон идёшь?

Т и р е с и й. Откуда ты знаешь, устал ты или нет? Или просто ленишься?

Б е к. Как я могу этого не знать? Это же я сам?!

Т и р е с и й. Это знает только распорядитель. Уйдешь сейчас – не быть тебе ни в игре, ни в спорте.

Д а н а. Беденький, он не понял сразу.

Бек. Ладно, в таком случае я остаюсь.

Д а н а. Вот молодец!

Звучит музыка, все бегут по кругу.

З и т а *(сестре)*. Выдохлась, не могу.

Г и т а. И я... уже падаю.

З и т а. Ушла бы, если б могла.

Г и т а. Смотри какая. Меня оставишь и уйдешь, значит?

З и т а. Да что тут происходит? Что за игра такая? Кто её придумал?

Т и р е с и й. *(Зите)* Да, выдохлась, а еще ты мешаешь. *(Музыка замолкает, все останавливаются.)*

Г и т а. Простите ее, она больше не будет.

З и т а. Не буду... не буду молчать! Я считаю, что нам установили неправильные правила. Почему мы должны бежать по часовой стрелке? Я предлагаю бежать в обратную сторону!

К и р а. Какая тебе разница? Ты уже не сможешь бежать!

З и т а. Ну что это такое?! Каждый день бегать в одну и ту же сторону – зачем?!

Г и т а. И я про это говорю! Давайте менять нашу жизнь! Долой устаревшее! Обновляем путь!

Д а н а. Эти сестры такие умницы! *(Аплодирует.)*

Бек. Ты права. Почему мы каждый день бежим в левую сторону? Можно ведь и в правую?

Д а н а. Светлая голова! Знает, где левая, где правая сторона!

Б и д о н. Слушайте все сюда! Я следил за вами и вот что подумал!

Нам надо менять нашу жизнь!

Г и т а. Давайте...

Б и д о н. Придумаем новые правила! Почему мы должны бежать в одну и ту же сторону? Бегали по часовой стрелке – хватит!

Г и т а. Так и я об этом?!

Б е к. И мы об этом твердим!

Б и д о н. Тихо! Вы пока ничего не сказали!

З и т а, Г и т а, Б е к (*в один голос*). Как не сказали?! Мы то же самое сказали!

Б и д о н. Одиноким всадником я проложил свой путь. А теперь смотрю на вас с высоты и вижу, как вы несчастны.

З и т а. Не очень-то ты далеко ушел, раз с нами бегаешь по кругу!

Б и д о н. Несчастны те, кто не знает, что делать. Я же вам указал путь. И теперь вот его (*показывает на Тиресия*) нужно убедить принять мою точку зрения! Мое решение!

Д а н а. Точка зрения! Решение! (*Делает вид, что в восторге от его слов.*)

Т и р е с и й. Игра имеет свои правила. Менять их нельзя.

Б и д о н. Можно!

Д а н а. Светлая голова! (*Аплодирует.*)

Б и д о н. Я сказал!

Б е к (*Тиресию*). Ты слышал? Будешь менять!

З и т а и Г и т а. Будете, будете менять!

Д а н а (*встает прямо перед Тиресиём*). Мы сказали менять, значит, надо менять!

К и р а. Полегче на поворотах...

З и т а (*Кире*). Тебя никто не спрашивал.

Б е к. Поменяйте, и все тут!

З и т а. А ему некуда деваться! Вместе мы – сила!

Д а н а. Мы вместе!

Б и д о н. Нужно держаться вместе! Я сказал!

Д а н а (*смотрит то на Бидона, то на Тиресия*). Сказал...

Т и р е с и й (*приняв решение, уверенно*). Хорошо. Будь по-вашему. Впервые меняем правила. До сих пор бегали по часовой стрелке, теперь побежите против часовой.

Б и д о н. Побежите в другую сторону!

Т и р е с и й (*Бидону*). И ты побежишь.

Звучит музыка. Все поворачиваются в правую сторону и начинают бег. Зита устала, Гита тоже без сил. Музыка замолкает.

К и р а (*Зите*). Говорила я вам.

З и т а (*не отвечая Кире*). Всё, не могу больше. Ничего не хочу, только уйти...

Г и т а. Я старше тебя, я первая уйду.

З и т а. Ты всего на пять минут старше.

Г и т а. Вот и покину игру на пять минут раньше. (*Громко.*) Что вы знаете о сестринской любви? Спросите у меня! Ради счастья моей младшей сестры я готова на все. Я уступаю ей своё место. Пусть будет первой! Сестрица моя! Достигай своей цели! Пусть именно тебе достанется принц заморский! Ты достойна счастья, как никто!

З и т а. Нам еще рано думать о замужестве. Какой принц?!

Г и т а. Такой вот, который и подождёт...

Собралась уйти и делает шаг к выходу. Тиресий встает на её пути.

Т и р е с и й. Ты продолжишь игру, а уставшая уйдёт.

Г и т а. Я с ног валюсь. Не могу больше. Отпустите меня...

Тиресий жестом показывает «встать на место», вместо указки используя флейту. Гита возвращается на место, Зита, радостная, уходит. Бек убирает один стул со сцены и возвращается на своё место. Звучит музыка, бег продолжается. Девушки заметно устали, Бек тоже, Бидон пропускает круг. Тиресий делает вид, что не замечает этого. Музыка становится тише, звучит другая мелодия, более медленная. Бегущие переходят на шаг.

Л и н а. Уважаемый Тиресий! Простите нас за то, что мы допустили большую ошибку и настояли на том, чтобы поменять правила игры.

Д а н а. Простите нас и дайте нам передохнуть.

Г и т а. Я вот-вот умру. Можете мне не верить. Но если это в ваших силах, отпустите меня. Ни ворота, ни принц мне не нужны.

К и р а. Ты отказываешься от игры, а кто-то захочет продолжить.

Музыка замолкает.

Т и р е с и й. Останавливаю игру на пять минут! Чтобы поддержать боевой дух наших девушек и показать приз для той, кто сегодня победит!

Сюда приглашается принц заморский!

Статный, богатый!

Дворцы, яхты, самолеты! Все есть, кроме жены!

Готов жениться на той, кто сегодня победит в нашей игре!

Взять ее с собой в самый большой замок!

И которые поменьше тоже будут ей принадлежать...

Итак! Принц!

Появляется Леон.

Г и т а (*Тиресию*). Так мы... этого парня знаем, он бегал тут с нами.
Д а н а. Да, мы его знаем. Он и есть тот богатый принц?!
Л и н а (*Леону*). Ты вернулся ради меня?!

Леон не смотрит ни на кого.

Т и р е с и й. Мы привыкаем к тому, что видим каждый день. Вчера было одно, сегодня – другое. Он в нашей игре ни разу не выиграл, но заработал две жизни, потому что ему ничего не было нужно.

Д а н а. Это как? Он ничего не хочет, но ему достаётся всё?!

Бек. Ну и дела. Мы тут ради кованых ворот из сил выбиваемся, а все богатства мира отдаёте тому, кто не смог даже занять стул!

Б и д о н. Нас разыгрывают? Это шутка, да?

Л и н а. Он вернулся ради меня! Это мне придало столько сил, что теперь меня победить невозможно! Убью того, кто займет моё место! Милый мой! (*Порывается к Леону.*)

Л е о н. Теперь у меня есть всё, кроме свободы.

Д а н а. Зачем тебе свобода, если есть столько денег?

К и р а. Теперь тебе не хватает той, которая приберёт к рукам твои богатства (*Смеётся.*)

Л е о н. Я мечтал о деньгах. О таком богатстве, которое не снились отцу моей девушки. Теперь у меня есть все. Я окружен роскошью. Но я не вправе сам выбирать невесту. Могу жениться лишь на той, которая победит в игре.

Л и н а. Это буду я! Я!

Г и т а. А мне только закончить сегодня игру. Даже принца уже не хочу...

Д а н а (*Леону*). Если выиграют Бек или Бидон, тебе не придется жениться. Станешь свободным и останешься при своих деньгах!

К и р а (*Дане*). Умница! (*Смеётся.*)

Б и д о н. Давайте сначала доиграем!

К и р а. И ты такой умный!

Л и н а. Он вернулся ради меня-а-а!

Леон уходит молча. Тиресий с флейтой в руке снова стоит перед игроками. Звучит музыка.

Т и р е с и й. Продолжаем игру! Бегом, бегом, искрись, гори! Устал, упал – вылетай из игры.

Бек (*на бегу спрашивает у Бидона*). Я вот чего не пойму. Каждый день бежим. Только на второй день я никак не могу вспомнить, чем закончилась вчерашняя игра. Ты тоже так?

Б и д о н. Так я это... сегодня первый раз играю.

Бек. Я же вчера тебя тут видел.

Б и д о н. А говоришь, что не помнишь про вчерашний день.

Б е к. Не помню, вроде. Но вот твоё неприятное лицо я запомнил. Строишь тут из себя кого-то.

Музыка замолкает. Бек отвлекся. Бидон легко садится на стул. Бек остаётся без места.

Б е к (*Тиресию*). Почему вы молчите? Что теперь? Я выйду, и что дальше? Завтра я вернусь? Нет? Я все забуду? Так что, я выхожу? Скажи же что-нибудь!

Тиресий молчит, игроки молча сидят на стульях, не смотрят на выбывающего.

Б е к. Я запомнил ваши лица! Железные ваши маски! Я больше не побегу с вами! И не хочу состязаться с такими, как вы! Выбираю свободу! Наград и побед от вас мне не нужно! (*Подходит к Дане, смеясь над ней.*) Умница!

Тиресий даёт ему в руки стул. Бек уходит. Как только он выбывает, все оживают.

Т и р е с и й. Бегом, бегом, кто болтает – того вон!

Звучит музыка. Четыре стула на сцене, вокруг них бегают пять игроков. Дана и Кира бегут близко от Гиты, в момент, когда прекращается музыка, толкают ее, оставляя без стула. Бидон, Дана, Лина и Кира садятся.

Г и т а (*Тиресию*). Это нечестно! Они толкнули меня! Вы не должны такого допускать!

К и р а. Ты сама просилась выйти из игры.

Л и н а. Говорила, что устала и не можешь больше бежать.

Г и т а. Это не ваше дело. И не моё, я не могу знать, устала я или нет!

Все смеются.

К и р а. Ну а кто тогда знает?

Г и т а. Тиресий.

Б и д о н. Вау! Твоя сеструха решила жить не своим умом, а твоим. А он у тебя есть?

Г и т а (*Тиресию*). Вы же видели, как они меня толкнули?! Почему такое допускаете?!

Т и р е с и й. Бегом, бегом, кто болтает – того вон!

Гита уходит, забрав с собой один стул. Музыка нет, Тиресий отходит в сторону. Оставшиеся игроки бегают трусцой вокруг трёх стульев.

Д а н а. Ну и что теперь будем делать? Давайте, как вчера?

Бидон и Кира делают вид, что не понимают её. Дана встает перед Бидоном и говорит, имея в виду Лину.

Эту фифу выгоняем, остаёмся втроём. Норм? Вы же тут самые умные. Побежим завтра, ок?

Бидон отводит взгляд.

Л и н а. Я не врубилась, тут что, не будет победителя? Да ну, нафиг...

Возвращается Тиресий. Все останавливаются.

Т и р е с и й (Дане). Послушай, ты здесь самая умная! Ты же все запомнила... Только ты.

Подходит к Дане, что-то шепчет на одно ухо, затем дует в другое. Все стоят, как вкопанные. Тиресий вручает Дане стул.

Ты молодец. Умница. А теперь уходи. Ты в эту игру больше не играешь.

Дана послушно уходит. Тиресий флейтой, как дирижерской палочкой, указывает направление движения – по часовому кругу.

Т и р е с и й. Кто быть первым не привык – выбывает в тот же миг!

Б и д о н. Кто не знает путь всадника? Он очень труден. Так поднимись вверх! Почувствуй: то, что можешь ты, не дано другим!

Все игроки, кроме Даны, возвращаются на сцену со стульями.

Т и р е с и й. Просыпаться всем пора – начинается игра!

К и р а (тихо). Да мы вроде уже сыграли...

Т и р е с и й. Ленивый, сонливый – уходи, дверь за собой закрой! Ретивый, активный – в строй, в строй!

Звучит музыка, все полны сил, вдохновлены предстоящей игрой.

Финал

2022 г.

Редакция «ЛКБ» поздравляет своего постоянного автора с 75-летием! Желаем ему здоровья и благополучия, оптимизма и сил, чтобы, опираясь на богатейший жизненный и профессиональный опыт, знание лучших традиций своего народа, он добивался новых творческих успехов во имя родной республики и всей страны!

КАБАРДИНКА

Соплеменница Марии,
Как царица, ты стройна,
Мне улыбку подарила –
И в душе моей весна!

Ты прекраснее Марии,
Солнце меркнет пред тобой,
Взгляд насмешливо-игривый
Амазонки озорной.

О, пантеры чёрной поступь
И бровей крылатых власть!..
Раньше было очень просто:
Полюбил – сумей украсть.

Эти длинные ресницы
Ранят сердце мне стрелой.
Здесь гордится вся больница
Практиканткой молодой.

Если русло манит в пропасть,
Не течёт назад ручей.
Я лечу, осилив робость,
В пропасть чёрную очей.

О, нездешняя орлица,
Расскажи мне, чья ты дочь?

Перестань, краса, сердиться,
Не гони поэта прочь!

Говорила под луною,
Свой платочек теребя:
– Украдёшь – своей косою
Задушу, орёл, тебя!

Я ответил дерзновенно,
Пусть моя безумна речь,
Что погибну с наслаждением
На закате смуглых плеч.

Улыбнулась кабардинка
Мне подснежника нежней:
Тает, тает сердце-льдинка
У возлюбленной моей!

Я сложу ей песню мая,
Разбужу огонь в крови
И познаю, обнимая,
Ливень радужный любви.

1967

ПЕСНЯ О КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

А. Х. Борову

Пою снега Эльбруса
И двух вершин союз,
Любя сыновним чувством
Республику свою.

Живут народы-братья,
С Эльбрусом жизнь творя.
Он стал «Горою счастья»,
Он – «Тысяч гор гора»!

Подковою единства,
Создав земной уют,
Балкарцы, кабардинцы
И русские живут.

Язык сроднил их русский,
Открыв сердца и взор.
Степь не бывает узкой,
В горах всегда простор.

Поила наших предков,
Как мать, одна река.
Здесь свадьбами нередко
Роднились на века.

А как светла столица
Улыбкой встречных лиц,
Кто видел эти лица –
Забудет сто столиц!

Здесь мудрые мужчины
И нежен женский взор,
Здесь горные долины
Сплелись с долиной гор.

Звенит подковой Нальчик,
Ценя по-братски Русь.
И солнце светит ярче
Тебе, седой Эльбрус!

2010

КУРОРТНИК

Гостеприимный город Нальчик
Мне сердцу дорог с давних пор.
Приехав, радуюсь, как раньше,
Холмам и хороводам гор.

Люблю гулять в зелёном парке,
Он так похож на рай земной:
Здесь кабардинки и балкарки
Свели с ума меня красой.

Сибирский парень, неженатый,
Курортник, робко я смотрю

На плеч осенние закаты
И губ весеннюю зарю.

Гуляют царственно по парку,
Который сам в цариц влюблён:
Перестают вороны каркать,
Глядят, застыв, и дуб, и клён.

Идут, красуясь, амазонки,
Стучат по сердцу каблучки.
Смеются весело и звонко,
Подставив плечи под лучи.

Теряю сразу разум в парке –
Невесты чудные кругом,
А кабардинкам и балкаркам
Мои страданья нипочём.

Душа и мечется, и плачет:
Я в Нальчик езжу столько лет,
Но не могу поймать удачу,
Идя красавицам вослед...

2010

ПЕСНЯ О БАЛКАРКЕ

Кулине Асановой

Мне пела песни амазонка
О горной радуге любви.
И голос солнечный и звонкий
Зурной звенел в моей крови.

Я слов таких не слышал сроду,
В ней нартов праведных судьба,
В ней вековая боль народа
И раненых камней борьба.

И в дни нашествий Тамерлана,
И в ссылке сталинской спасла

От геноцида ас-аланов,
Борясь с бедою, как скала.

Поёт балкарская певица –
Седых вершин немой восторг,
Улыбкой ласковой, как жрица,
Пленяя запад и восток.

Орлы летают над горами,
Как много тысяч лет назад.
Стекают косы ручейками,
Глаза янтарные горят.

Легка зари весенней поступь,
Упасть готовы горы ниц.
Горянку покорить не просто:
Она – царица из цариц!

В глухом ауле и столице
С ней полной чашей будет дом.
Чтоб обладать такой орлицей,
Мужчине надо быть орлом!

При ней светлеют горцев лица,
Любуясь солнечным лучом.
Чтоб обладать такой царицей,
Мужчине надо быть царём!

2010

НА СВИРЕЛИ ВЕКОВ

Кашхатау, ты – моя колыбель,
Моё счастье в долине холмов,
Где река – гор живая свирель
Воспевает весну и любовь.

Улыбаясь с высоких небес,
Из-за туч солнце вышло ко мне.
Кашхатау, я вернулся к тебе
С милой Музой на белом коне!

Засиял край серебряных скал,
Заиграл золотистый Черек.
Он невесте смущённо сказал,
Что прекрасней не видел вовек.

Мы по улицам тихо идём,
Где, как совы, не спят фонари.
Хорошо над рекою вдвоём
В майский вечер гулять до зари.

О, мой край, благодарен тебе
За мечты, что счастливо сбылись,
Талисман в моей трудной судьбе,
И любовь, и бессмертье, и жизнь!

О, закат над долиной холмов,
В путь последний меня не зови!..
Пусть река на свирели веков
Мне поёт о весне и любви.

2012

ПЕСНЯ О ДРУЖБЕ НАРОДОВ

Олжасу Сулейменову

Совершил я восхождение
На божественный Эльбрус.
Родилось стихотворенье
От избытка горних чувств.

Шлю вам, братья-россияне,
Поэтический привет.
Пусть не гаснет, а сияет
Веры и надежды свет!

Жили мы в стране Советов,
Как один большой народ.
Воспевали все поэты
Край, в котором он живёт.

Пусть уйдут, как день вчерашний,
Слёзы, горести и боль
И царят в кругу домашнем
Смех и радость, и любовь!

Славлю дружбу всех народов,
Что в одну семью слились.
Смотрит солнце с небосвода,
Озарив земную жизнь.

Пусть белеет символ главный
Счастья в синих небесах
И живёт Эльбрус двуглавый
В наших душах и сердцах!

Нет нигде страны красивой,
Я пою, паря душой
Над любимую Россией
И Балкарией родной.

2012

ДОЧЬ БАЛКАРИИ

Инне Кашежевой

Люблю я песню старую,
Слова, как снег, светлы.
Воспела ты Балкарию,
Где горы и орлы.

Душою голубиною
Стремилась в край орлов.
Пленилась кабардинкою
Страна седых снегов.

В горах, звеня бокалами,
Пьют стоя за тебя.
Прославила Балкарию,
Как мать свою любя!

И дарит кабардиночке
Эльбрус – отец ветров,
Не белую косыночку –
Папаху облаков.

Встречает гостью заново
Двуглавая гора
Улыбкою айрановой
И клёкотом орла.

Сияет солнце горное,
Свершая свой полёт,
Счастливое и гордое
Дотронуться даёт.

А песенка не старится,
Как горная река.
Ты дочерью Балкарии
Осталась на века.

2013

ПОСЛЕДНИЙ ГЕНИЙ

С. М. Моттаевой

*Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхом русского народа.*

А. С. Пушкин

Одни поэты славятся при жизни,
Их хвалит власть от имени отчизны.
К другим приходит слава после смерти
И к ним народ несёт цветы и сердце.

Мой друг был неподкупным журналистом,
В поэзии горячим кайсынистом.

Он пел красу горянок величавых
И славил горы и Эльбрус двуглавый.

Но глупые чиновники молчали,
Собратья не телились, не мычали.
Лишь только время не дало Кайсыну
Признать его своим духовным сыном.

У гениев своя в горах дорога,
Куда б ни шли, они шагают к Богу.
Им светят звёзды над седым Эльбрусом
И вдохновляют на земные чувства.

Поэт слагает гимны о народе
И верит, что придёт заря свободы...
Рождённый для борьбы и вдохновений,
Клеочет, как орёл, последний гений!

2020

Налоев Георгий (Аскер) Аслангериевич – выпускник историко-филологического факультета Кабардино-Балкарского Государственного университета, а позднее – ГИТИСа, актёр театра-студии Валентина Теплякова, Русского государственного драматического театра имени Горького, Московского драматического театра под руководством Армена Джигарханяна. Работал со звёздами Российского театра и кино, ставил короткометражные картины в качестве режиссера.

В 2012 году Георгий Налоев инициировал в Нальчике создание городского ТЮЗа, с тех пор является его художественным руководителем. В 2018 г. в издательстве М. и В. Котляровых вышла книга прозы Г. Налоева. Предлагаем нашим читателям несколько его рассказов из цикла «Тырныаузские были».

БИТЛАС

Рассказ

*Юрию Рожкову, другу детства,
посвящается*

Его все так и звали – Битлас, судя по наколке на руке. Другое имя ему бы и не подошло. Как только он появился в нашем шахтерском городке, сразу же привлек всеобщее внимание, особенно нас – ребятни. От обитателей здешних мест он отличался в корне, в первую очередь внешностью, манерой одеваться, а самое главное, у него были длинные волосы, их тогда не разрешалось носить никому. Таких называли стилиягами, они считались изгоями общества. Его независимость, как и все в нем, поражала. Был он худощав, строен, голубые глаза были настолько выразительны, что, казалось, гипнотизировали нас. Приехал он с Украины, к своей бабушке, кроме нее у него никого не было. Этот факт у нас, мальчишек, вызывал особые чувства к этому человеку. И еще у него было одно бесценное преимущество перед всеми – гитара, «шестиструнка», на которой он брэнчал, и ломаный «английский», на котором пел. Видимо, мы были первыми почитателями его таланта. Нам льстило, что мы считались его товарищами. Любое его пожела-

ние почиталось за счастье и выполнялось молниеносно. Профессия же его была прямо противоположна внешности. Он был сантехником, при этом хорошо подкованным политически. Хотя из того, что он говорил, мы понимали не все. Из его рассказов мы узнали, что в далекой Англии четыре великомученика восстали против оков капиталистического рабства и героически пытаются донести до английских товарищей идеи свободы, равенства и братства. За это «куклуксклановцы» сожгли их дома. Однако они не трусили, а взяли в руки гитары и пошли в народ с концертами, а заработанные на них деньги раздают нищим и детям на игрушки. От таких слов мурашки бегали по телу, затем он брал в руки гитару и священнодействовал: «Мишель», «Гёрл»... По окончании песни он продолжал душещипательные истории из жизни замечательных людей. Оказывается, «Битласы» пребывают в страшной нищете и кормятся тем, что «нищенствуют», то есть просят милостыню. Эх, проклятый Запад! Нам бы сюда этих ребят на недельку, откормиться. Да мы бы своими руками и шалаш четырехместный построили, и пищу носили бы им, не такую, как у них, а нашу, высококалорийную. Кто-то из «наших» предложил отправить посылку в Англию, идея эта была поддержана единогласно. И мы рассыпались в разные стороны добывать провиант. К назначенному времени все сошлись, и на столе оказалось столько всякой всячины, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Долго ли, коротко ли смотрели мы на эту красоту... но первым не выдержал вожак: схватив куриную ножку, он стал ее уничтожать. Его примеру последовали остальные, позабыв про Англию, англичан и Запад со всеми его потрохами и недостатками.

Такие «шведские столы» в дальнейшем превратились в традицию. Все это чудесное ассорти делилось поровну и съедалось под убаюкивающие звуки гитары, по-честному. Не знаю, как остальные, но я вообще перестал принимать пищу в кругу семьи. Моей семьей стали «единомышленники», с которыми делились не только «деликатесная» вкуснятина, но и самое дорогое – время. Такое положение вещей устраивало далеко не всех. Отец мой, чье детство пришлось на голодные годы, воспринял это как угрозу семейным устоям, и угрозу моему здоровью в частности. Он решил выяснить причину моего неадекватного поведения.

Отец встретился с Битласом с глазу на глаз, и проблема разрешилась очень быстро, судя по синяку под глазом нашего героя. После этого мои «друзья до гроба» объявили мне бойкот. Хотел с ними поспорить, мол, сын за отца не отвечает. Но никто не хотел меня видеть в упор. Впервые задумался по-взрослому: «Что делать? Повеситься? Нет, глупо. Нужно придумать что-то поумнее. А что, если взяться за учебу?» На эту мысль меня натолкнул портрет вождя и цитата: «Учиться, учиться и учиться!». Стану ученым, народ ко мне потянется. А что,

начну-ка я с литературы! Учительница – приятная женщина, да и стихи Лермонтова очень даже хорошо на душу ложатся. Начинаю самозабвенно репетировать декламацию. И вот урок литературы. Я поднимаю руку, мальчики реагируют, думая, что отпрашиваюсь «по своим делам». Но нет, прошу разрешения прочесть стихи М. Ю. Лермонтова, получаю согласие учительницы и: «Терек воеет, дик и злобен...». Дочитал до конца – гробовая тишина. «Мужики» опустили головы, им стыдно за меня, стыдно за то, что я нарушил незыблемый закон настоящих пацанов – «не читать с выражением». Все, я труп в глазах одноклассников и обречен на вечное одиночество. В довершение всему прозвучал контрольный выстрел учительницы: «Молодец, пять! Приглашаю тебя в школьный литературный кружок». Несчастней меня трудно было найти человека. Теперь мой маршрут передвижения по городу был прост до банальности. Дом – школа, школа – дом. Ни тебе кинотеатра, ни тебе стадиона, где меня могли заметить бывшие товарищи, одним словом – полный «абзац».

Сижу как-то в воскресенье дома, зубрю как дурак стихи: «Сижу за решеткой в темнице сырой. Вскормленный в неволе орел молодой...» Ну точь-в-точь про меня. Сзади подходит мать и изрекает: «Ты похож на «битломана», сейчас же пойдешь подстригись». Я вздрогнул, откуда она знает про «битласов»? Чувствую себя загнанным волком: «Вот тебе тридцать копеек, подстригись, как человек, под “полубокс”». Это приказ, и его надо выполнять. Иду, озираюсь по сторонам: как бы своих «друзей» не встретить. Дошел благополучно до парикмахерской, пробираюсь сквозь очередь лохматых, небритых взрослых дядек-горняков, ищу свободное детское кресло. Нашел, плюхаюсь в него и говорю: «Полубокс». Смотрюсь в зеркало, поправляю волосы и – о ужас! – вижу: сзади меня в кресле сидит наш Битлас и беззвучно плачет, опустив голову. С двух сторон его держат здоровенные милиционеры и скалятся, как жеребцы. Меня поразил не тот факт, что стригут Битласа, а эта неприкрытая радость блюстителей порядка. По мере того как золотистые волосы падали на пол, он становился как бы обнаженным и похожим на заключенного. Мне стало ужасно стыдно за людей, наделенных властью, и я впервые выступил в защиту прав человека: «Он мой друг, с ним нельзя так поступать!» – закричал я фальцетно. Наступила зловещая тишина. Битлас вытаращил на меня свои заплаканные глаза. Хорошо, что я был маленьким, а то меня порвали бы на куски. После небольшой паузы я продолжил злобно: «Меня тоже, налысо!..»

Дома сэкономленные двадцать копеек в расчет приняты не были и мне досталось. К тому же я получил по полной и за свой некрасивый череп, но это потом. А сейчас я счастлив, у входа в парикмахерскую меня ждет мой старший товарищ – Битлас. Он первый протягивает мне руку и говорит: «До вечера». До вечера! Смотрю ему вслед. Такую

красоту испортить. Ну ничего, отрастут. Зато теперь: «Я хожу по росе. Я в ней ноги мочу. Я такой же, как все...». Ветер как-то непривычно, холодком обдувает мою лысину, порождая странные чувства от пережитого. Вдыхаю полной грудью воздух, поднимаю глаза – горы: «Лучше гор могут быть только горы»... По ним бегут вагонетки с рудой, одна за другой, наперегонки, какие-то не выдерживают этих гонок и падают с грохотом вниз. Завораживающее зрелище... Постепенно ухожу в нирвану, взлетаю и смотрю на все сверху. Лечу мимо вокзала, который строил мой отец, мимо «Продснаба», «Герхожана», «Хвостов», приближаюсь к огромной плантации капусты, возвращаюсь обратно к комбинату, распластавшему свои объятия на весь город Тырнауз. Незаметно для себя начинаю петь: «В недрах гор добываю я золотую руду...» Пойте вместе со мной, земляки, пойте громче всех, чтобы слышали все, пойте всему миру, слышите, нам есть о чем петь!!!

ВОСПИТАТЕЛЬ

Нас наказали. Да причем так больно, что впервые в жизни мне не хотелось жить... Мы с моим другом стоим на коленях, нам по десять лет. Изувер, он же воспитатель в нашем интернате, периодически приходит и проверяет, не поднялись ли мы с колен. И не ленится же, падла... На улице гроза, сильнейший ливень. Удары молнии, как взрывы! У меня голова гудит от затрещин, у друга уши красные и просвечивают, при каждом ударе молнии в них вырисовываются причудливые иероглифы, которые хочется прочитать. Жаль, что я не знаю этого языка. После нескольких часов пребывания в таком положении пробуждаются чувства, которые не испытывал раньше. Мечь! Как же хочется отомстить! Но не каким-то обычным, общепринятым способом. Хочется умереть! Сделать себе хакакири, зная, что он за это ответит. Почему именно мы?! Мальчишка, который рядом, по своей дурости, выдал пальцами на нежной коже груди, по типу «засосов», свое имя – «Олег». При надавливании на коже появлялись маленькие красные точки, из которых четко вырисовывались буквы. И надо же ему, извергу, увидеть это «произведение искусства» (для него – это наглядное преступление, и ни что другое). Он вопил, срывая голос: «А если будет заражение крови?! А если он от этого членовредительства помрет?! Кто будет отвечать?! Я! Я! Я!» Наказание было несопоставимо с тем, что сделал обвиняемый. «Воспитатель» раздел «преступника» догола перед всей нашей группой, где, кстати, были и девочки (вернее – совсем некстати), и стал охаживать несчастного резиновой прыгалкой. От нее на коже оставались черные полосы,

которые затем меняли цвет... Черный, белый, затем алый. С тех пор не люблю этот цвет!

А почему я рядом с ним? Какое «преступление» совершил я?

Как-то за все злодеяния, что совершил этот гад, я решил с ним расквитаться и выстрелил бумажной шпилькой в его лысый череп, когда он поднимался по лестнице. Меня он точно не видел. Заложили «товарищи»... Их всегда хватало в интернате – сексотов.

По мере нарастания грозových раскатов внутри меня росло негодование. Казалось, гром и молнии, освещающие пространство, олицетворяли мой гнев, они звучали внутри меня и, соединяясь с очередной молнией, могли взорвать окружающее пространство вместе с этим интернатом – этим домом «терпимости»! И еще об одном «воспитателе». В соседнем классе работал один озабоченный урод. Он с учительницей из этого же класса облюбовал нашу раздевалку для своих утех, и пока мы, юные чада, видели сны, они там предавались разврату, и следы их забав виднелись наутро на наших пальто.

В интернате существовала несправедливость разной степени. Любкой из пришедших в школу новичков должен был драться за «место под солнцем», до первой крови или первых слез. И если ты выбирал – «до крови», и она в драке появлялась у тебя, ты считался проигравшим, хотя мог быть гораздо сильнее противника. Старшеклассники часто отработывали на нас свои удары, но это были мелочи, которые быстро забывались благодаря воспитателям – зверствовали беспощадно.

Однако справедливости ради надо отметить, что в стенах этого заведения были учителя, в корне отличавшиеся от «воспитателей-изуверов». Была среди них одна, почтенного возраста женщина, и звали ее Ирина Фёдоровна. Она приходила к нам после уроков и читала перед сном чудесные произведения таких гениев, как Пушкин, Гоголь, Лермонтов, и других... Мы засыпали под ее чтение умиротворенные, наполненные желанием совершать подвиги или просто добрые дела. Надеюсь, Всевышний услышит нашу благодарность этой прекрасной учительнице и осветит ее имя своей благодатью! Часто вспоминаю еще одну женщину, оставившую светлое пятно в моей памяти. Так случилось, что я порвал летние брюки, причем в самом интересном месте сзади, а выдавали одежду два раза в год на летний и зимний сезон. Нужно было что-то делать, и я, прикрыв лопухом пятую точку, побежал к бабушке, которая жила в этом же селе. Долго она колдовала, примеряя заплатки разных цветов, наконец, вырезала огромное зеленое сердце и пришила его к моим черным брюкам. Когда я надел брюки, бабушка попросила повернуться, чтобы оценить свою работу, по ее глазам было понятно, что все в полном порядке, и я радостно побежал в свой интернат. Однако радость была омрачена, когда одноклассники увидели мою «сердечную» накладку. Они ржали, как сумасшедшие, и прикалывали,

мол, куда делась стрела Амура... и все такое непотребное про мой зад. Я особенно боялся попасться на глаза одной девочке, которой симпатизировал. По этой причине перестал выходить на перемену, боясь, что увидит. Передвигался по-над стенкой, и никто не замечал, что творится в моей душе. Так продолжалось больше недели, пока на меня не обратила внимание незнакомая учительница: «Мальчик, что с тобой, тебе плохо?». Господи, как долго я ждал сочувствия, когда же она погладила меня по голове, я стал плакать. Ничего не объясняя, я повернулся к ней спиной, и она увидела своими глазами, что со мной, «мужиком», сотворили. Успокаивала меня долго, говоря ласковые слова, в которых так нуждался. На следующий день – хотите верьте, хотите нет, эта женщина принесла мне новенькие брюки. Они до сих пор мне чудятся в счастливых снах, я отчетливо ощущаю их запах, что заставляет заново переживать те счастливые минуты. Этот урок добра остался в моем сердце навсегда, поэтому стараюсь не проходить мимо...

Ну а что же наш изувер? На территории интерната стоял его дом, а при нем огород, где мы трудились в выходные дни. Для нас там постоянно находилась работа. Нужно было что-то вскопать, убрать, сжечь. На рабский труд выделялось определенное время, за которое нужно было все успеть закончить. Ну а если мы не успевали, нам запрещалось ходить в кино! Это было очень жестоко. И так не было никаких радостей и развлечений, а еще и запрет на возможность временно соприкоснуться с другим миром, где нет всей этой мерзости. Побои были в порядке вещей, мы к ним привыкли, но не пускать в кино ребенка, который так ждал этого волшебства...

Да, у нашего «героя» случались «приступы» человечности. Каждому из нас он посвящал стихи. Правда, мы реагировали на них без особого восторга. Мне он посвятил такой «шедевр»:

Я – по кличке «дядя Ваня»,
Не нужна мне больше няня,
За собой сам буду убирать
И учиться в космос летать.

Моя кличка в интернате была «Кот», при чем тут «дядя Ваня», было непонятно. Он был первым человеком, который посвятил мне стихи. Однако благодарить его за это мне не хочется. Кстати, у него была потребность лицедействовать. Так, к знаковым праздникам он гримировался, клеил усы, бороду, надевал галстук в горошек и, картавя, пародировал В. И. Ленина (чем отчасти внушил нелюбовь к вождю мирового пролетариата): «Товагищи! Миговая геволюция свегшилась!» Нашей реакцией должны были быть крики «ура!» и активное хлопанье в ладоши. Попробовал бы кто-нибудь не хлопать или не кричать. Очень злобно бил, гад. Интересно, где он этому выучился? Возможно, был

фашистским полицаем или, как минимум, надзирателем в концлагере. Интересно, смог бы он сыграть Гитлера? Этот смог бы!

И вот мы уже взрослые. Случайно встречаемся в городе с моим товарищем по интернату. Вспоминаем прошлое и, конечно же, нашего воспитателя. Оказывается, одноклассник знает, где тот работает – в культурном заведении, вахтером. Решаем его навестить и взглянуть в глаза чудовищу. На удивление, бывший воспитатель узнает нас сразу и пытается обнять. Мы в шоке! Он радостно оповещает присутствующих рядом: «Смотрите! Это мои самые любимые ученики! Какие красавцы получились! Годы работы в интернате – лучшие в моей жизни!» На глаза старика наворачиваются слезы. Мы ошарашены... Уходим молча, будто нас только что окунули в грязь или снова поставили на колени, как в тот грозовой вечер. Расходимся с другом молча, на долгое количество лет. Хотя знаем, где найти друг друга. Почему? Долго, очень долго объяснять...

«ДЖЕЙРАНЧИК»

«Джейранчик»! Как много светлого связано с этим маленьким «Запорожцем». Говорят, как назовешь, так и поедешь. Ни одна машина не издает такой мелодии, как она, когда едешь на четвертой скорости. Это – меццо-сопрано, убаюкивающая и одновременно завораживающая нежность женской руки. Представьте себе, тормозит «Джейранчик», из него выходит водитель, то есть я, а из передней двери «выплывает» очаровательная девушка в роскошной шляпе. Я подаю ей руку, и... останавливается время, останавливается жизнь в родном городе. Люди, видя это, улыбаются, всем хорошо, особенно мне, ведь я лицедей, клоун, если хотите. Ты должен быть немножко сумасшедшим, чтобы привлечь внимание горожан. Легче завоевать мир, чем наш город. Здесь может спокойно прогуливаться Юрий Темирканов, не беспокоясь, что его отвлекут фанаты. Брать автографы не принято – считалось нетактичным беспокоить человека, особенно старшего. Но время бежит, все течет и изменяется, и молодежь, к великой радости артистов, «досаждает» просьбами: «Не дадите автограф?»

Но не будем отвлекаться от моей «консервной банки», как иногда мое авто обзывали завистники. Еду как-то в село Н. и, как обычно, чтобы сократить путь, пересекаю речку. Как правило, она не бывает глубокой и бурной, но один раз в году или еще реже с ней случается разлив по причине снегопада или дождя. И вот случилось же такое именно сейчас, и именно со мной. Речки не видно за поворотом, и мы... оказались после шлепка огромной волны, под водой. Вот это пощечина! Машина заглохла. Судорожно поднимаю стекло, чтобы не затекала

вода, и соображаю, что делать... Кричать бесполезно! Вспоминаю, что с левой стороны находится полуразрушенный мост с огромными, беспорядочно висящими связками проволоки. Если зацепиться за какой-нибудь крюк – хана, можно «крякнуть». Что делать? Страшно, пот заливает глаза, жизнь проносится ускоренно, как в кино. В целлофановый пакет стремительно прячу документы, права. Делаю паузу перед тем, как открыть дверь и нырнуть в неизвестность. Берусь за ручку двери, в последний раз ориентируюсь, прокручиваю свои действия. Пытаюсь успокоиться – все-таки мужик! Удары камней по машине торопят. Справа – просвет. Берусь машинально за ключ зажигания. Прошу невозможного: «Джейранчик», заведись! Такого не бывает или это называется ЧУДОМ. Завелся!!! Он услышал меня, красавчик! Включаю первую скорость, видно, ему больно преодолевать эти подводные препятствия. С огромным напряжением сил, как штангист, ставящий мировой рекорд, он с оглушительным ревом вырывается вместе со мной на берег «великой» реки!

Глухой от счастья выхожу на родную сушу. Вот он – настоящий друг! Снимаю с себя рубашку и начинаю вытирать его «пот». Затем замечаю посреди речки две застрявшие машины – ЗИЛ-130 и «КамАЗ». Поверх их капотов стоят по стойке «смирно» водители и смотрят, обалдевшие, в нашу сторону. Видимо, они нуждаются в помощи. Но «Джейранчика» на второй подвиг, боюсь, не хватит. О, как он красив в облаках славы! Эй, водители, – вольно!

ДЖЕНТЛЬМЕН

Джентльмен ли я? Всегда был уверен, что да! Но вот одним жарким летним днем мне представилась возможность проверить это. Случилось это тогда, когда увидел свою фамилию среди счастливых, поступивших в головной вуз моей страны. Долго стоял, любясь и не в состоянии оторваться от списка со своей замечательной фамилией. Когда убедился, что она никуда не денется, стал выбираться из плотно сомкнутых рядов бывших абитуриентов и их родственников. Это не так просто, как кажется. Между прочим, были случаи, когда абитуриенты не могли попасть на экзамен из-за такой давки. Но я стараюсь пробиться с помощью локтей и «накачанных» бицепсов. Вдруг натыкаюсь на непреодолимое препятствие, впереди меня – ослепительной красоты девушка. Ее благоухающий аромат сносит «крышу». Мы настолько близко прижаты друг к другу, что слышу, как стучит ее сердце, и ему в такт вторит мое, которое постепенно перемещается в сторону живота. Фантазия заходит так далеко, что боюсь потерять сознание. Вдруг слышу ее шепот, направленный в эрогенную зону: «Ты не хочешь увидеть дом, где живут домовые?» Меня как будто шандарахнуло

током! Только в мечтах может такое случиться, чтобы буквально через несколько секунд после встречи тебе предложили дом, где... Да, да, да и еще раз да! Мы в обнимку, теперь уже вдвоем, пытаемся вырваться из объятий этой толпы. И вот, взявшись за руки, идем по «лучшему городу земли», как пел один великий певец. Говорит в основном она, я робко вклиниваю свои междометия в ее речевой поток. Она держит меня под локоть. Пытаюсь вникнуть в смысл ее монолога, но моих извилин на это не хватает. Рерих, Блавацкая, Шамбала, Калигула, экзистенциальный. Надо запомнить хотя бы это слово, а затем бегом к словарю Ожегова за подсказкой. Не забыть бы – экзистенциальный. Тем не менее, качаю головой, поддакивая: «Слова парят, а чувства к низу гнут», вспомнил слова из своей школьной роли. Ищу скамейку, чтобы присесть и сменить тему разговора. У меня в заглавнике стихов десять, которые могут произвести впечатление на девушку. Однако ни скамейки, ни закуточка... «Учкудук, три колодца...» – классная песня! Ну и жара! Автомобили бегут нескончаемым потоком, смог мешаает двигаться, как здесь люди выживают, ведь дышать нечем! Спрашиваю, скоро ли до этих, домовых? Отвечает: «Уже скоро». По мере продвижения, а прошли мы уже километров тридцать, начинаю вспоминать счастливое детство, свежий прохладный воздух гор, речку, чебуреки, холодную ледниковую воду нашего колодца. Хочется спросить, почему именно я рядом? Она модель, а я простой советский парень, каких миллионы. Ё моё!

– Кто ты, прекрасная незнакомка? – спрашиваю. – Как зовут?

– Маргарита.

Повеяло мистикой. Пытаюсь сострить и поговорить о Булгакове, недавно прочел... Бесполезно, слово невозможно вставить! Экзистенциальный!..

На роль Мастера я точно не гожусь. Чувствую, начинаю преть, хочется плакать. Может, снять туфли? Бедные евреи – сорок лет по пустыне, ужас. Надо бы взбодриться, я кандидат в мастера спорта, горец, в конце концов. Сейчас сдохну, а ей хоть бы хны. Прет, как лошадь. Экзистенциальный... И все-таки – кто ты? Начинаю разглядывать ее более внимательно. Глаза красные, под носом капельки пота. Отгоняю от себя дурные мысли, которые упрямо лезут в голову. Может, она сама домовая или еще хуже? Именно в таком обаятельном облики они входят в доверие. Интересно, что у нее на уме? А вдруг хочет заманить, затем сожрать безжалостно? Начинаю озираться, ища поддержки, потом вспоминаю: «Москва слезам не верит», – и вдруг – о чудо! – она замолкает и говорит шепотом: «Вот он, этот дом, здесь живут “они”, а рядом живу я». Она делает несколько шагов к своему дому, я жду продолжения, но его не последовало... Однако обернувшись, послала воздушный поцелуй и исчезла навеки. Прощай, неспетая «песня» моя!

Сию со словарем Ожегова, знаю, что такое экзистенциальный, но джентльмен я или нет – вопрос для меня остается открытым...

К ЛЕНИНУ ПРИШЕЛ...

Самый большой конкурс абитуриентов в советское время был в театральные вузы, особенно в Театральное училище им. Щукина, которое считалось самым престижным. Не ошибусь, если скажу – 250 человек на место.

Курс набирала выдающийся педагог М. Среди 25 студентов были такие знаменитые в будущем актеры, как Филатов, Русланова, Кайдановский и др. Поступление решили отметить, как было принято, на Красной площади. Справа от Мавзолея был своеобразный ров, невидимый глазу большинства жителей и гостей столицы. Нехитрая закуска была также традиционной – килька, бочковые соленые помидоры, черный хлеб, а на первое – дюжина бутылок портвейна № 33. С портвейном, конечно, погорячились: взяли немерено, но не выбрасывать же, в самом деле, да и время такое, не совсем сытое (в футбол хлебом не играли, между прочим, как нынче случается). Тосты проносились (за такие абсолютные ценности, как Родина, родители, учителя) шепотом не только потому, что рядом находился усопший, но и по причине всеобщей советской порядочности. Но, увы, как часто случается, Бахус сильно подкосил ряды молодых строителей коммунизма...

Расползались дружно, попарно, в обнимку. Однако, как и положено, в любом рассказе случаются казусы. Так вот, такой казус и случился. Без пары остался лежать на траве один сублинный мальчонка (не буду называть его фамилии, ибо он и в здравии, и в работе). Когда стал приходить в себя, уже смеркалось. Он судорожно пытается вспомнить, как сказал бы писатель, «свое место в жизни страны», и ползет, так как идти нет никакой возможности. Полз он, прямо скажем, героически, благо примеров было множество. И вдруг перед ним встала, вернее, встали две преграды в виде сапог. Попытке встать мешало большое количество алкоголя в организме студента. После очередной попытки подняться, он услышал страшное шипение: «Лежать!». Он лег. Было ясно, что голос принадлежал кому-то в сапогах. Бедняга очень долго всматривался в эти говорящие сапоги, пока не сменился караул часовых у Мавзолея.

Работа этой службы была отрепетирована безукоризненно. Несколько поющих людей перекрыли при исполнении песни обзор остальному люду, и бесшумно отделившиеся две тени спустились в

овраг, подхватив полуживой от страха организм студента, и с той же песней увели его в застенки...

Судьба хлопца была предсказуема, так как с такой биографией строить будущее родной страны не представлялось возможным. Через два дня его вызвал, чтобы проститься, ректор училища – выдающийся педагог, народный артист страны З. Он, как интеллигентный человек, выслушал душещипательный рассказ нашего «героя». Якобы он сирота, родом из Рязанской области, и за всю историю родного села первый, кто поступил в высшее учебное заведение. По окончании монолога мальчик упал на колени перед огромным человеком и, обхватив мертвой хваткой ноги ректора, стал безутешно рыдать, вставляя в свой текст междометия и обрывки фраз: «Дяденька, первый раз, клянусь мамой, не губите!..».

На то он и педагог, чтобы поверить в искренность мальчика. И так как для него все студенты были как дети (своих у него не было), он не только не стал «губить», но, освободив от сегодняшних занятий, дал ему три рубля на обед. Затем, закрывшись у себя в кабинете, стал что-то записывать в блокнот (он был еще и писателем).

История умалчивает о том, забыл студент отблагодарить своего благодетеля или нет, но бдительные органы никогда ничего не забывают. Убедившись, что «диссидент» после совершенного преступления продолжает учиться, в училище явился сотрудник соответствующих органов и произнес речь такого содержания: «Нам доподлинно известно, что Вы получили предписание относительно вашего бывшего студента Б., унизившего вождя перед лицом мировой прогрессивной общественности. Надеюсь, Вы, как ректор, понимаете всю ответственность, лежащую на Вас, и то тлетворное влияние, которое может оказать одна паршивая овца на все стадо баранов?» Закончив эту страстную, явно отрететированную речь, оратор вытер со лба пот и приготовился к покаянной речи ректора, но тот стал защищать студента: «Поймите, ему отроду семнадцать лет. Жизнь только начинается. За триста лет существования Рязанской губернии он единственный, кто умудрился поступить в головной институт страны. Это, может быть, будущий Щепкин, и талант его очевиден». И так как эта фамилия ничего не говорила полковнику, он стал наезжать на ректора: «Вы потворствуете отщепенцам! Когда враги советской власти...» Далее понеслись слова о безобразиях, чинимых двурушниками, изуверами всех мастей, эксплуататорами без стыда и совести, ну как учили.

Во время его длинного монолога ректор стал постепенно набирать в свои огромные легкие электричество. (Да, забыл сказать, что он был еще и трагическим актером.) И вдруг его убийственный аргумент прозвучал как взрыв бомбы: «Но ведь он к Ленину пришел!». Инцидент был исчерпан.

КАРДАНАХИ

Давно мечтал объяснить в любви городу моей юности, его жителям, которые, как алмазы, были рассыпаны по всему нашему шахтерскому городу-красавцу, и которые навсегда останутся в моем благодарном сердце. Раньше не мог этого сделать в силу своей молодости, сейчас самое время... Многие из персонажей, о которых пойдет речь в этой повести, давно пребывают в мире ином, однако надеюсь, что кто-то из сверстников меня услышит и вспомнит то счастливое время, когда мы были вместе. Долгих вам дней, земляки!

Раннее утро. Поднимаемся с друзьями на чердак двухэтажного здания. Здесь находится наша голубятня. Выпускаем своих питомцев, которые, как сумасшедшие, устремляются ввысь, туда, где находится солнце. Хочется посмотреть с высоты голубиного полета на этот замечательный город. Справа гора, где красуется вольфрамово-молибденовый комбинат, слева гора поменьше, у основания которой находится стадион. Это центр города! Хотя жители микрорайона «Герхожан» или «ФЗО» считали центром свои районы, по этому поводу иногда даже случались стычки. Спорить не буду, ибо живу сейчас в другом городе.

Город Тырныауз (долина ветров) находится в Баксанском ущелье, отсюда рукой подать до Приэльбрусья, всемирно известного горнолыжного курорта, прославленного Высоцким, Визбором и другими известными людьми. Между тем наши голуби вместе с солнцем опускаются вниз, в голубятню, и приступают к трапезе из наших рук. Сердце замирает от нежности. Вот оно счастье!

Читатель, слышишь свист, крики – это стадион, здесь священнодействует один человек, его слышно во всех уголках нашего города. Силе децибелов, исходящих из него, мог бы позавидовать любой артист любого театра. Он был обычным болельщиком, но вел себя как штатный комментатор на всех футбольных матчах, а его своеобразные изречения уходили в народ и становились «классикой»: «Ты, пистолет! Куда стреляешь, мудила?! Судью без мыла!..» и т. п. Это самые безобидные изречения из его лексикона. Чтобы узнать результат матча, не обязательно было находиться на стадионе, если по окончании матча звучала песня в исполнении Э. Пъехи «Это здорово, это очень, очень хорошо...», значит, наши победили, а если звучал гимн футболистов, то... не хочется произносить это слово. Я до сих пор болею за наш «Эльбрус». «Комментатора» звали Юрий, но мой отец, с которым он дружил, называл его Карданахи (сорт грузинского вина), имя созвучное его фамилии. По окончании матча стадион превращался в огромную закусочную по случаю победы, или... Там и сям располагались компании, любители «общения», однако самая большая компания сосредоточивалась вокруг Карданахи. В ней, не поверите, всегда при-

существовали два милиционера, их всего было два на весь город (позже расскажу, почему). Они так же, как все, участвовали в возлияниях, но в меру, так как им предстояла определенная процедура в конце этого мероприятия... Ладно, не будем мешать приятному времяпрепровождению товарищей, к ним мы еще вернемся попозже, а сейчас лучше отправимся с прогулкой по городу. Как вы думаете, что это написано здоровенными буквами на двухэтажном жилом здании? Наверняка, ни в одном городе СССР такого нет – это реклама: «Кто утром кофе пьет, тот целый день не устает». Наверняка, тот, кто решил внедрить эту рекламу, подглядел ее где-нибудь в Лас-Вегасе или Сан-Франциско. Идем дальше – между домами красуется симпатичная будка, а сверху буквы разных размеров: «СаПоЖНИ МаСтЕрСКА», в ней служит, не подберу другого слова, «золотой» человек с огромным сердцем, аварец Искандер! Никого не смущают орфографические ошибки на этой вывеске. Она вызывает только улыбку, как и он сам. Около него всегда толпится детвора, которую он постоянно угощает редкими конфетами. Интересно, где он их достает?.. Рядом с его будкой стоит каменное строение, в основном здесь проживает начальство градообразующего комбината. Проходя мимо Искандера, они всегда здороваются на своем: «Шелом!», он им отвечает: «Алейкум салам!». Надо отдать им должное, они внесли в лексикон города и его жителей свой замечательный юмор, свой многовековой интеллект. Мы говорим вам за это: «Спасибо! Шелом алейхем, братья».

Как когда-то в Америку, в этот город тоже съезжались люди талантливые, не самого робкого десятка, и, поверьте, не только за деньгами. Многие видели в нем свой «Город солнца» и вносили в его облик лучшие свои качества, свой неповторимый колорит. Осетин Миша создал мото клуб «Горец». Балкарцы Борис и Мехти организовали борцовские клубы. Воспитывали будущих чемпионов, прославивших наш город. Приехавший с Украины Николай Алексеевич, школьный физрук, после восхождения на Эльбрус влюбился в город и остался в нем навсегда, обучая молодежь игре в волейбол, а взрослых – в этот же волейбол обыгрывая на «интерес». Спорт здесь был всегда в чести, благодаря таким, как Николай Львович, он тоже был физруком и свои занятия в школе № 1 сопровождал игрой на аккордеоне – это вызывало особое отношение к его предмету. Очень сильной была футбольная команда, часть наших игроков входила в сборную республики (Рожок, Вовик, Зоня, Руня, Абдул, Русик и др.).

Однако горняки были основной движущей силой тырнаузцев. Все проблемы решало их сообщество, они знали друг друга, а также всех горожан, и если кто-то не вписывался в этот социум, был отвергаем БЕЗЖАЛОСТНО (это к вопросу: почему на весь город было только два милиционера). По этим улицам бродили в свое время и го-

родские сумасшедшие, – один из них с усами а-ля Дон-Кихот, в военном френче, с огромным количеством значков на левой стороне груди (среди них был орден «Мать-героиня»), рассказывал любопытным, как воевал, как совершил массовый героизм, как доставил ценного языка в Москву и получил за это орден. Создавалось впечатление, что рассказчик «косит» под дурачка, так складно он вел свое повествование. Другую великовозрастную сумасшедшую звали Люда-дура. Она училась в пятом классе, хотя ей уже было лет тринадцать. Она слыла необыкновенной шутницей. Самая коронная ее шутка была такой: она отводила мальчика в сторону и предлагала посмотреть в небо: «Видишь птичку? Цап тебя за яичко». Болезненная была шутка, скажу я вам. А еще по городу бродили поэты в сопровождении молодых любителей поэзии, они рифмовали все, что встречалось на пути. Вот некоторые из опусов, при встрече с коровой: «Стоит корова, солому жуя, и нет в ее жизни совсем ничего...», «Я с коровой не дружу, я корове в зад гляжу». Между прочим, один из них впоследствии стал серьезным поэтом.

Город напоминал большой муравейник, где все шумело, стреляло, хлопотало, начиная с главной реки Баксан, кончая комбинатом. Пока взрослые добывали «золотую» руду, мы, пацаны, пытались развлечь себя всеми доступными и недоступными способами, порой подвергаясь смертельной опасности. Доставали бертолетову соль, соединяли с красным фосфором, чтобы произвести взрыв. Мастерили «поджиги» и стреляли друг в друга по-настоящему – железной дробью. Дурачьё! Ведь мы могли поубивать друг друга. Считалось мужеством дарить учителям к восьмому марта рододендроны, добытые высоко в горах, или желтые тюльпаны в черную крапинку, которые росли только здесь. В поисках приключений мы недосчитались многих из своих товарищей. Кто-то попал под лавину, когда пошел за цветами, другого убило током, третий сгорел, четвертый утонул (Вася, Игорь, Хамыза, Вова, Сергей), светлая им память, на их месте мог оказаться любой из нас. Минимум два раза в неделю по городу проходила траурная процессия, шахтеры гибли очень часто, попадая в рудоприемник или под завал, но чтобы дети...

Очень редко случалось, что в наш город заезжали на роскошных авто, чтобы перекусить, иностранцы, направляющиеся в Приэльбрусье. И в те редкие минуты, когда они останавливались у нас, мы их атаковали, чтобы наладить контакт с помощью значков для обмена. В выходные дни проезжали мимо и наши туристы, обдавая нас запахом маринованного мяса для шашлыка и хорошим настроением – везет же людям! А однажды у нас в гостинице остановился известный на всю страну гипнотизер по фамилии Зах. Город напрягся. Всем хотелось посмотреть на человека со стеклами на глазах, который мог раздеть

любого человека на расстоянии. Благодаря сарафанному радио к гостинице стали подтягиваться любопытные, чтобы лицезреть звезду. Среди них оказался известный в городе авторитет по кличке Малиновский. Его кличка однажды сыграла с ним злую шутку. Когда в 1967 году умер настоящий Малиновский – Родион Яковлевич – министр обороны, наш Малиновский три дня отгонял от своего дома соболезнующих по случаю его кончины. Так вот, Малиновский вычислил Заха в ресторане, что находился на первом этаже гостиницы. Раздвинув толпу зевак, столпившихся у входа, подошел к гипнотизеру и, глядя ему в глаза, процедил: «Слышь ты, меня гипноз не берет, понял? Я б... горец!» И гордо двинулся к выходу. Зах опешил вначале, затем догнал Малиновского и вручил пригласительный билет на представление, которое должно было состояться завтра. На следующий день в зале был полный аншлаг. Зах был в ударе, от его чар не уцелел никто, он укладывал всех без проблем в гипнотическое состояние. Многие с нетерпением ждали выхода Малиновского, но он почему-то не вышел. Потом говорили, что «перебздел», несмотря на то, что был взрывником. Однако в этот вечер, несмотря на огромный успех, гипнотизер нажил себе немало врагов в лице учеников старших классов, которых вызвал на сцену и дал им установку показать, чем они занимаются на большой перемене. Зритель много любопытного узнал о нашем подрастающем поколении. Один мальчишка, к примеру, вязал на спицах; другой, озираясь по сторонам, курил в туалете; третий там же забивал косяк; а четвертый, что еще хуже, – занимался рукоблудием. На следующий день пацаны проснулись знаменитыми! Но они не остались в долгу, и на всех афишах, что продолжали висеть в городе, были дописаны к фамилии Зах две буквы алфавита. Это был их ответ гипнотизеру. После этого представления он долго не появлялся у нас с сеансами, а когда появился в очередной раз, то афиша была так подрезана, что вставить какие-либо буквы не представлялось возможным.

Мне кажется, я слишком отвлекся от персонажа, с которого начинал свое повествование. Ю. М. Карданов – участник Великой Отечественной войны, майор запаса, бывший сапер, правда, сейчас это сильно пьяный человек, которого с обеих сторон поддерживают милиционеры, сопровождающие его домой. Там его примет тетя Валя, отслонявит ментам магарыч, и все будет повторяться с завидным постоянством и завтра, и в последующие дни. Валя – не менее известный в городе человек, работает в колбасном отделе гастронома, воспитывает трех сыновей, и ей, как понимаете, не очень нравится такая популярность мужа. В один из воскресных дней она рано утром, пока он не успел опохмелиться, поднимает заспанных детей, вызывает моего отца – его друга, и ставит перед мужем ультиматум: «Или мы, или водка. Если водка, то забираю детей и уезжаю в казацкую станицу, к родне». Детей не очень прельща-

ет такая перспектива: оказаться вдалеке от друзей и отца, которого обожают всем сердцем. Мальчики начинают просыпаться от услышанного, и старший из них, Толик, делает робкую попытку возразить матери. Она перебивает его на полуслове и выпроваживает ребят в спальню. Воцаряется зловещая тишина. Отец понимает, что наступила его очередь разрулить ситуацию, и делает очень мощный тактический ход. Он просит принести ему партбилет Карданахи и произносит страстный монолог: «Карданахи, ты мой друг, но истина дороже. Более того, ты мой младший брат, однако сейчас я не на твоей стороне. Пойми, рушится твоя замечательная семья. Кому это выгодно, тебе, Вале, детям? Твоим врагам это выгодно! Ты фронтовик, орденосец, с которого должны брать пример твои дети, сейчас же положи свою руку на партбилет и поклянись, что с завтрашнего дня пересташь пить...»

Карданахи от такой «подлянки» стал заикаться, отец предложил ему водички, что было кстати, так как его мучил «сушняк», и продолжил: «Кроме субботы и воскресенья...» Тут Валя стала заикаться, а Карданахи резко положил руку на партбилет и крикнул: «Клянусь!» Дело было выиграно. Дети, которые подслушивали этот разговор, выскочили из комнаты и стали обнимать свою мать. Валя же, смახнув незаметно слезинку со своей щеки, поплелась за бутылкой, ведь сегодня – воскресенье! За столом по такому случаю была выпита не одна бутылка. Отец еще выторговал для Карданахи праздничные дни и дни рождения детей.

Между тем, вся неделя для него тянулась бесконечно долго, столько свободного времени вдруг появилось, которое нечем было заполнить. За это время с ним произошли серьезные изменения, а самое главное, он стал каким-то задумчивым, похожим на греческого философа, чего раньше за ним не наблюдалось. Даже когда они встретились с моим отцом в гараже в выходной и приговорили одну бутылочку, его настроение не изменилось. Отец, видя в нем такую перемену, поинтересовался здоровьем друга. Карданахи его успокоил и поведал о печали, что его беспокоит: «В городе Ленинграде учится мой родной племянник, которого в честь меня назвали Юрием. Я здесь ем, пью, а он сидит голодный в общежитии и пилит на своей скрипке днем и ночью, чтобы выбиться в люди. А ведь у него язва желудка! Мне так стыдно!» Отец, подумав, предложил отправить племяннику по десять рублей. Карданахи не пришлось долго уговаривать, и они отправились на почту делать добро. У этой истории случилось продолжение, буквально через неделю. К отцу, запыхавшись, прибежал наш герой с газетой «Известия» в руке и с порога стал читать: «Наш соотечественник Юрий Темирканов завоевал первое место на Международном фестивале в Ленинграде... – И добавил, торжествуя: – Ты понял, что сделали наши червонцы?!». И на столе появилась водка

«Пятигорская» за два восемьдесят семь. Первый тост был, естественно, за два червонца. Вернувшись домой, Карданахи заплетающимся языком попытался прочесть статью из газеты жене, но она проигнорировала его, сославшись на то, что готовит с детьми уроки. Пытался заговорить с младшим, Сережей, но и он не захотел общаться с отцом, от которого разило перегаром. Когда Валя зашла на кухню, чтобы потушить свет, увидела, что Карданахи спит, положив голову на газету. Она аккуратно приподняла его голову, достала газету, прочитала статью, затем взяла его в охапку и отвела в спальню, где ему предстояло видеть привычные сны про Великую войну, в которой он принимал активное участие.

Авторитет очень трудно завоевать, но потерять легко. Юрий Карданов (он же Карданахи), майор запаса, бывший сапер, знал об этом давно, но как вернуть утраченное доверие, он не знал. После последнего разговора с женой Валентиной, казалось, лед тронулся, но этот невидимый барьер, комплекс вины, закрывал сердце и боялся открыться. Свою клятву на партбилете он держал достойно. Как говорится, «ни капли в рот...», но чувство вины не покидало его, оно мешало жить и ощущать себя полноценным.

Судьба, как собачка поводья, указывающая дорогу слепому. Слепым был в данный момент Карданахи. Она, несмотря ни на что, все-таки сжалась над ним и привела к школе номер один, где экскаватор рыл траншею... Рядом стоял памятник В. И. Ленину, чуть дальше – школа, через дорогу – жилые дома, дальше – ресторан «Эльбрус». В экскаваторе за рычагами, добросовестно выполняя свою работу, сидел Василий, и когда ковш, задыхаясь от напряжения, зацепил какой-то ржавый предмет и оторвал его от земли, перед глазами экскаваторщика промелькнула вся жизнь в мельчайших подробностях. Перед ним на зубце ковша висела пятисоткилограммовая авиабомба. Несмотря на то, что Вася не был спортсменом, он смог добежать до Герхожана, где находилось руководство города, а это около двух километров, чтобы сообщить о чрезвычайном происшествии, и потом рвануть в ту сторону, где располагалась больница, а это еще два километра, в которой он и слег. Тырнауз превратился в огромный улей. Информация о находке дошла до каждого жителя города горняков и отправилась в столицу республики. Там о происшествии доложили первому лицу. Секретарь обкома бросил рыбалку и попытался взять ситуацию в свои руки. После длительных переговоров в это дело вмешался военкомат. Его сотрудники сделали расчеты и вынесли вердикт. Понадобится около пяти часов, пока машина с оборудованием доберется до бомбы. Тырнаузское начальство напомнило им, как переводится название города (долина ветров), что в любую минуту ее может попросту сдуть. И тогда хана памятнику, школе и близлежащим домам. Затем в переговоры

вмешались идеологические службы, и дело приобрело политический характер: «Представляете, что может случиться, если взорвется бомба и уничтожит памятник вождю?! Ведь вражеские голоса непременно поднимут истерику и начнут врать, что случилось не раз: в маленьком штате Кабардино-Балкария, местные аборигены взорвали памятник Ленину – “кровавому, искоренившему и без того вымирающий народ”. Этого нельзя допустить!». Споры и дискуссии могли бы продолжаться бесконечно, если бы один толковый работник военкомата не обнаружил в картотеке фамилию ветерана Великой Отечественной войны – Карданова Юрия Мухамедовича, сапера, 1920 г.р., проживающего в г. Тырныаузе. Эта информация тут же была отправлена заинтересованным лицам, и те встретились с фронтовиком. На вопрос, сможет ли он обезвредить находку, Карданахи ответил утвердительно, при этом выдвинув ряд требований: место, где нашли бомбу, окружить двойным кольцом дружинников и добровольцев; предоставить грузовую машину, загруженную двадцатисантиметровым слоем песка с определенным набором инструментов, и отпустить жену Валю с работы. Последняя просьба их озадачила, но они сделали вид, что не придали этому значения, и как настоящие солдаты рванули исполнять приказ майора. Через полчаса машина с песком и инструментами стояла у подъезда. Валя с трясущимися от волнения руками помогала надеть мужу поглаженную рубашку. У дома молча стояла огромная толпа. Казалось, время остановилось, все ждали одного человека, от которого зависел покой всего города. Когда из своего подъезда вышел Карданахи, ослепительно красивый, трезвый, народ сделал большой вдох, и тишина стала звенящей. Валю с двух сторон поддерживали молча плачущие подруги, ее же лицо было абсолютно безжизненным, бледным как полотно. Когда он обернулся в ее сторону, их взгляды встретились, и всем, кто видел это, стало ясно: эти два человека любят друг друга безмерно. Милиционеры подобострастно открыли дверь в кабину грузовика, но Карданахи нервно захлопнул ее и полез в кузов, откуда его было лучше видно. После небольшой паузы машина тронулась. Толпа некоторое время шла за ней, затем остановилась, сопровождая взглядами уходящее авто. В Валиной комнате подруги, пытаясь отвлечь ее от дурных мыслей, наперебой рассказывали всякие истории, но она сидела все такая же бледная и как бы безучастная ко всему происходящему. Вдруг, неожиданно для всех, прозвучал взрыв! Все вздрогнули. Валины подруги бросились к ней и стали голосить, Валя как сидела, так и оставалась в той же позе, беззвучно уставившись в одну точку. Когда же к дому подъехала машина, женщины стали голосить еще громче, затем выскочили на улицу, а когда увидели живого Карданахи, умолкли и стали ждать продолжения этой истории. Когда дверь

за ним захлопнулась, мы все, кто стоял на улице, услышали то, что не забудется никогда – душераздирающий, одиночный крик, выбивающий холодные мурашки из всего тела!..

История на этом, как понимаете, не закончилась. Каждый житель шахтерского города посчитал своей обязанностью поблагодарить спасителя. К ним присоединились школьники с рисунками и стихами в его честь, затем нагрянула администрация города с телевизором «Рубин-102» и трехмесячным окладом, затем учителя начали привлекать героя к разного рода мероприятиям, что заняло больше недели, а еще и корреспонденты из газеты «Цветные металлы» допрашивали бесконечно, чтобы написать очерк. Эти «приятные» хлопоты стали его серьезно утомлять, из-за них были пропущены традиционные посиделки и общение с друзьями, не говоря о рыбалке, которую он так любил. Карданахи по своей природе был лицедеем, но после такого количества внимания желание быть в центре пропало навсегда. Зато для Вали, как она любила вспоминать, эта неделя была лучшей в жизни!

Она пережила своего мужа на целых двадцать лет. Красивая была женщина, но предложений выйти замуж ей не поступало. После Карданахи никого и быть не могло.

СИМ-СИМ

Очереди в СССР были в порядке вещей, в том числе очереди за молоком. В такой «молочной» очереди оказываюсь и я. В левой руке алюминиевый трехлитровый бидон, в другой мелочь – «под расчет». Из-за малого роста в этой давке приходится упираться в причинные места женщин «очередников». И вот, когда я, в который раз, потянулся за глотком свежего воздуха, из правой руки предательски выскользнули деньги и упали на пол. Очередь на это событие никак не отреагировала. Попытка нагнуться не увенчалась успехом. На долю секунды расслабившись, я оказываюсь безжалостно выброшенным из многолюдной толпы. Пытаюсь вернуться в строй, тщетно. Да и зачем? Денег нет, и возврату они не подлежат. Начинаю плакать от безысходности. Тем не менее, всматриваюсь в дырявый дощатый пол. Сколько мелочи сожрал этот безжалостный «проглот». Пробую разглядеть что-нибудь сквозь дырочки – бесполезно, ничего не видно. Слышу: «Очередь не занимать!». Значит, скоро начнут расходиться. Надо дождаться и попробовать вернуть утраченное. Мысли одолевают мучительные, так как последствия могут быть для меня серьезными. Без молока и без денег... Нет! Такое не прощается...

Возвращаюсь с опаской домой, проскальзываю в комнату и – ох,

пронесло! – оказалось, что родители поссорились и им не до меня. Ура! Однако как компенсировать потерю? Этот вопрос мучил меня долго, до самого воскресного дня. Это единственный день, когда молочный магазин закрыт. Было солнечное осеннее утро. Центральная улица пуста. Народ высыпается после субботнего отдыха. Я приступил к исследованию всех подходов к вышеназванному объекту. Оказалось, что к деревянному полу, куда падают наши «кровные», приставлена деревянная ступенька. Причем ее можно было отодвинуть, приложив некоторое усилие. Озираясь по сторонам, убеждаюсь, что меня никто не видит, отодвигаю ступеньки и проникаю внутрь. Оказываюсь в темном замкнутом пространстве, прижатый к земле дощатым полом, сквозь щели которого проникает свет утреннего солнца. В спину пытаются впитаться огромные гвозди. Внизу десятисантиметровый слой пыли, мягкий, как пух. Встать на «карачки» нет никакой возможности. Нагрузка полностью ложится на руки, и я вынужден лечь в эту пыльную перину. Немного отлежавшись, пытаюсь сориентироваться. Глаза начинают привыкать к темноте. Медленно, дабы не поднимать пыль, ползу в сторону потерянных денег. Вдруг пальцы нащупывают... Что это? Деньги! Меня начинает колотить, три копейки, пять, еще и еще... Правда, старого образца, но они в ходу, можно купить восемь коробок спичек. Дальше больше... Адреналин начинает зашкаливать, сердце может не выдержать, медленно начинаю выползать из этого волшебного царства. Теперь начинаю привыкать к яркому свету. Как красив все-таки наш город горняков. Улица по-прежнему пуста. Привожу в порядок свои мысли и пыльную одежду. Нужен напарник. Судорожно перебираю в уме достойных. Всех перебрал, кроме родного брата, который дрыхнет дома, как ни в чем не бывало. Пытаюсь разбудить его, а он сопротивляется, гад, небось стырит часть добычи, и айда за пирожками с картошкой и капустой по пять копеек за штуку. Берем дюжину, чтобы угостить друзей. Както значительней себя чувствуешь, когда в карманах звенит. Подходим к беседке, где наши пацаны ведут жаркие споры о каких-то пустяках: спорте, кукурузе, космонавтике, девчонках. Раздаем пирожки и переглядываемся с братом. Ни одна душа не знает нашего секрета! В следующее воскресенье опять... Сим-сим, откройся! Ах, как долго тянутся эти дни, часы, минуты до волшебного дня. Никакие уроки не лезут в голову.

И вот он наступил этот долгожданный день – воскресенье! Встаем рано утром, чтобы никто не мешал, прибегаем на наше секретное место и... Что это? Вся площадка вместе с нашими деньгами, мечтами, надеждами... забетонирована?! Ужас! (здесь мог бы прозвучать «Реквием» Моцарта «Lacrimosa»).

ТОВАРИЩ

Будит как-то меня мама воскресным утром и шепотом, дабы не разбудить младшего брата, изрекает: «Сынок, сон мне приснился – как будто твой отец просит принести ему булку серого хлеба». И – в продолжение сна – предлагает отнести ему еду. Она посчитала, что в доме отдыха, где он находится, могут кормить плохо или мало. Я, естественно, с ней соглашаюсь, и мы начинаем думать, чем ублажить отца. Остановились на курице с чесноком (помните запах настоящей курицы, помните волшебный аромат бульона с укропчиком), я предложил присокупить еще к этому бутылку «Пятигорской» водки, благо стояла в холодильнике запотевшая. Мать сопротивлялась недолго, ибо отец был человеком пьющим в меру. Уложили это добро в сетку, пакеты тогда были в дефиците, горячая курица, холодная водка, а посередине булка серого хлеба, дабы не соприкасалось горячее с холодным.

И вот я уже в холле санатория «Терек». У вахтера узнаю, что ключа от номера нет, значит, отец у себя. Поднимаюсь на второй этаж, стучусь в номер, тишина, стучу повторно, опять тишина. Вспоминаю его возраст (81 год), что недавно лежал в кардиологии. Начинаю волноваться, стучу сильнее, озираюсь по сторонам, чтобы призвать кого-нибудь на помощь, в случае чего, но слышу за дверью шорох, затем она медленно открывается и следует вопрос: «Ты один?». Да, да, да, он жив, хвала Всевышнему! Далее шепотом: «Выпьешь пятьдесят грамм и уходи». Я зашел и увидел за столом роскошную женщину, немного взволнованную, причем блондинку, такие в те времена встречались только в санаториях. Стоит початая бутылка трехзвездочного коньяка (который никогда не потреблял), и всякая всячина, не водившаяся в нашем доме. Возникла неловкая пауза, отец явно нервничал и вдруг сказанул: «Познакомься, это мой младший, – делает паузу, – товарищ». От неожиданности я начал хрюкать, а отец от волнения стал наполнять мою рюмку, так что драгоценная жидкость начала переливаться через край. Затем в разговор вступила женщина и стала активно задавать вопросы, я бы сказал, слишком активно, потому как отец, незаметно для нее, лягнул меня ногой и произнес: «Он очень спешит на работу, план горит». Не знаю, о каком плане он говорил, но я рванул оттуда бегом домой, подальше от греха... На вопрос матери относительно отца, я ответил: «Ты была абсолютно права, и сон твой был в руку, я сбежал оттуда, чтобы не видеть, как он с жадностью набрасывается на эту курицу». Еще спросила ненавязчиво, как он выглядит и тому подобное. Я описал все в лучшем виде. Она успокоилась и, произнеся что-то из Корана, ушла заниматься привычными делами.

В понедельник, как всегда, я отправился на работу (тогда безработицы не было). Не успел подумать, чем заняться, как прибежала секре-

тарша нашего работодателя и сообщила, что меня вызывает на улицу какой-то старик. Это был отец. В мои глаза он не смотрел, и я приготовился слушать очередную байку про мою дальнюю родственницу, которая в силу форс-мажорных обстоятельств и др. и пр. Но вместо этого он молча достал хрустящий красный червонец и ловко сунул в мой карман. Это было слишком, и я благородно, как мне казалось, вернул дающему конвертируемую, между прочим, валюту. Он удивленно и с некоторым осуждением окинул меня взглядом и изрек: «И это мой сын?!» Затем, покопавшись в своих карманах, извлек два червонца и воткнул в боковой карман. По тем временам, это были приличные деньги. Я опешил. Хотел возразить, мол, в мыслях не было злого умысла, но спохватился и промолчал... Некоторое время я ощущал себя не очень, но, подумав, решил, что за мое молчание это вполне достойное вознаграждение, все-таки согласитесь, что двадцать рублей не тридцать сребреников.

ПОЭТ

Долго пришлось подготавливать маму отпустить меня отпраздновать Новый год в кругу друзей. Говорю ей, что даже девушек на это мероприятие отпустили на всю новогоднюю ночь. Мама, скрепя сердце, сказала «да», и очень долго наставляла, как нужно себя вести в порядочном обществе. «Слушаю», как бы чего не упустить. Как же ты наивна, мамуля, и как сильно я тебя люблю за это. Отпустила, раньше такого не случалось. Счастье, да и только!

Пригласила девушка из нашего ансамбля «ВИА-Плюс». Ее родители горнолыжники, уехали в Приэльбрусье. Отдыхаем по полной. Танцы, анекдоты, смех, вино рекой, гитара. Образуются пары, слушаем президента, загадываем желания, выбегаем на улицу, играем в снежки. Опять садимся за стол, я тамада, даю всем высказаться, тосты сопровождаются криками «ура!». Так продолжается до часу ночи и... стоп. Кончилось «горючее». Эмоции начинают гаснуть, разговоры перестают клеиться. Пытаемся скинуться – маловато получается. Съездить туда и обратно – выйдет только бутылка шампанского или две сухого, девочки ничего другого не пьют. Что делать? Извечный вопрос. На меня смотрят с укором. Как объяснить, ну нет денег у меня, и такое случается часто. Начинаю читать стихи, чтобы сохранить компанию. Чувствую, меня начинают ненавидеть. Вспоминаю цитату: «Кто не рискует, тот не пьет...». И тут приходит дерзкая мысль: прошу хозяйку, у которой мы в гостях, описать соседей, с которыми она в контакте. Она назвала четырех соседей по лестничной площадке, один из них был поэтом. По ее интонации понял, что поэт находится на последнем ме-

сте по ее шкале ценностей. Начинаю выяснять подробности и прошу начать с поэта. Высокомерен, часто не здоровается. Выпустил всего лишь один тонюсенький сборник стихов и то благодаря своему брату, а ведет себя, как Маяковский. Не пытаюсь ее разубедить: но чувствую, он наш. Перебиваю ее, остальные соседи мне не интересны. Прошу дать половинку буханки хлеба: «Их много есть у нас», пачку соли и... за мной, к соседу! Трое не верят в успех этого предприятия и «линяют», то есть выходят из игры.

Мы на лестничной площадке, квартира поэта слева. Прошу друзей позвонить ему, открывает хозяйка, очень милая застенчивая женщина, приглашает зайти, но мы знаем обычаи: если нет мужчины в доме, заходить в дом не положено, говорим ей об этом: «Нет, нет, он дома, сейчас позову». Выходит улыбающийся, с рыжими волосами, весь в веснушках, обаятельный мужчина, с полотенцем на шее. Увидев нас и то, что я держу в руках, он резко меняется настроением. Выхватывает из рук хлеб с солью и, всхлипывая, убегает на кухню. Мы в шоке, как и его жена. Трудно понять, что происходит. Стоим в дверях, не зная, как себя вести. Уйти, зайти? Пока рассуждаем, хозяин выбегает из кухни и силком заталкивает нас в зал, где накрыт роскошный стол, со здоровенной индейкой посередине, правда, без одной голени. Вот тебе и бедный поэт! Предлагает садиться. Мы делаем вид, что нам неудобно, что просто хотели поздравить доброго соседа, а когда узнали, что он еще и поэт, хотели увидеть живого... Его явно трогают наши слова, и он, обращаясь к младшему из нашей компании, просит налить в бокалы кто что пьет, и предлагает первый тост поднять за нас, за гостей: «Гость – это посланник Бога, и та семья, которой выпадает честь встречать их, считается у адыгов счастливой». Затем, чтобы между первой и второй пуля не успела проскочить, прозвучал второй тост: «У адыгов не принято встречать гостей со слезами на глазах, поэтому прошу прощения!». После этого поведал историю, которая нас всех заставила по-особенному взглянуть на этого человека, а мне стало не по себе от такого совпадения.

Его отец не вернулся с фронта и мать осталась с тремя голодными детьми на руках. Но однажды, уже по окончании войны, в 1945 году, в дом, где они жили, постучался сосед-фронтвик с буханкой хлеба и пачкой соли в руке. Это был, как он говорил, один из счастливейших моментов в его жизни. После услышанного хотелось провалиться сквозь землю, и я стал, к неудовольствию друзей, собираться назад: «Прошу простить, но у адыгов не принято оставлять стол без присмотра, а я там, за стенкой, являюсь тамадой, и три наших товарища ждут нас там и, видимо, уже нервничают». Ответ поэта был мудр и категоричен, к моей радости: «Ты не должен был оставлять свой стол, но коль ты находишься за моим столом, то, по древним обычаям

адыгов, подчиняешься мне, старшему. Поэтому ты остаешься сидеть здесь, а моя жена проводит ваших товарищей сюда, причем с гитарой, которую слушаю с удовольствием вечерами, прижав свое ухо к стене, что нас разделяет». Я хотел спросить: «А у адыгов разве принято подслушивать вечерами соседей?» – но скромно промолчал. Между тем подтянулись три товарища, и закрутилась вторая серия. Гост за знакомство, за родителей, за соседей, за Родину, за детей, потом не помню, за кого. Но отчетливо помню, как расставались. У меня в руках коробка с напитками, другие тоже держат в руках кто конфеты, кто квашеную капусту, кто пирожное, уходим дружно, с трудом удерживая равновесие. Никак не можем проститься друг с другом, настолько сроднились. Стенка, разделявшая нас, рухнула. Что было дальше, рассказывают очевидцы. Пытались сочинить оду нашему поэту, но получались нарезки из стихов Пушкина типа: «Я памятник воздвигну ему нерукотворный, к нему не зарастет...»

Утро, говорят, самое правильное время суток. Вспоминаю вчерашнее: «У адыгов обычай такой!». Смеяться не хочется почему-то. Кто бы что ни говорил, хорошие у нас обычаи, горцы! Было бы неплохо их нести трепетно, не роняя, как это делает наш друг – настоящий Поэт!

Али Мамаев в балкарской литературе, пожалуй, единственный, кто сегодня активно пишет о современности. В его прозаических книгах: «Алгыши биргеди» («Все образуется»), «Ныгыши» («Завалинка»), «Ишкырты бойнунда» («На берегу Ишкырты»), «Адыхамны чакъырыгыыз» («Позовите Адыхама») и образ времени, и портреты людей, отражающих это время в судьбах, в разных ситуациях и голосах. В книгах и рисунки с натуры, дополненные художественным воображением, и жанровое многообразие, и особенность личной стилистики, которая сразу узнается.

Мамаев – мастер короткой прозы, в которой юмор соседствует с печалью, в малом таится зерно большого, в иронии – мудрость, в сатире – терапия. Надо подчеркнуть, что в журналистику и прозу наш автор пришел, пройдя серьезную жизненную школу. Работал в разных местах, и этот опыт стал большой поддержкой в творчестве. Уроженец Верхней Балкарии, он вобрал в себя все краски, звуки пропитанной историей, национальным колоритом места, оттуда же – и богатейший, живой балкарский язык его произведений. За многие годы работы в газете «Заман» Али Мамаев в качестве журналиста, фотокорреспондента, писателя объездил всю республику, был свидетелем многих знаковых событий, запечатлев их в своих репортажах, статьях, фотографиях...

Мы желаем юбиляру новых книг, вдохновения, сил и здоровья на творчество, и счастье знать, что он понимаем, что в национальной литературе он занимает свое важное место.

ЗАМОК

В последнее время появилось столько новых свадебных обрядов, что становится не по себе. Так, все знают, с кем новобрачные встречаются сразу же по выходе из ЗАГСа – их тут же обступают «попрошайки», которых положено щедро одаривать. В иные дни, когда гостей на свадьбе много, эти проходимцы имеют больше, чем учителя зарабатывают в месяц. Не понимаю я и то, почему жених и невеста выпускают на свободу голубей. Ведь сами-то они как раз эту свободу теряют. И объясните мне, бога ради, кто и зачем обязал молодоженов

вешать на перила моста амбарный замок, а ключ выбрасывать в реку?

Мы бы соврали, если бы сказали, что КанаMAT женился, потеряв голову от большой любви. Всё было гораздо проще – время шло, он решил обзавестись семьей и привел в дом девушку из рода Азраиловых. Как только стало ясно, что свадьба – дело решенное, избранница КанаMата твердо заявила: «Всё должно быть по высшему разряду, торжество пройдет в одном из лучших кафе, все обряды должны быть соблюдены». Так она сразу дала понять, кто, по её мнению, будет главным в семье.

КанаMAT не стал перечить ей накануне бракосочетания, и всё так и произошло. Пришлось ему и купить увесистый замок, чтобы прицепить к мосту. Впрочем, на толкучке он приобрел сразу два замка: один для обряда, второй для гаража. Запасные ключи от обоих замков он спрятал в надежном месте. Как будто знал, что когда-то они ему понадобятся.

Замок был повешен на перила, ключ выброшен в реку. У КанаMата была надежда, что сей символический обряд наложит печать и на уста его избранницы, которая оказалась, мягко говоря, чересчур говорливой, но этому не суждено было сбыться. Слишком уж запущенным был случай. Впору было обратиться к сельскому эфенди, который умел исполнять обряд «завязывания пасти волка», убегающий пропавшую скотину от хищников. Жена его оказалась болтливой, сварливой, больше всего на свете любила разносить по селу сплетни. А уж как она доводила КанаMата дома, не стоит и говорить. Бедняга постепенно пришел к мысли, что день бракосочетания был худшим в его жизни.

Спасался он лишь тем, что при малейшей возможности уезжал на заработки. Кроме того, он открыл несколько магазинов в городе, поставил на маршрут «Газель». Деньги текли рекой, но вечно недовольной супруге все было мало. А меж тем не одна женщина, утомленная беспробудным пьянством мужа, часто вздыхала: «Пожить бы хоть недельку с таким мужчиной, как КанаMAT, тогда и умирать не страшно было бы». Шли годы, дети повзрослели, появились даже внуки, но нрав избранницы КанаMата ничуть не изменился. Вот и вчера, стоило КанаMату вечером переступить порог дома, жена набросилась на него с упреками:

– Ну да, в такой день ты, конечно же, должен был заявиться домой с пустыми руками! Я-то, дура, надеялась, что хоть сегодня будет по-другому!

– Что за день такой, вроде бы не праздник? – устало отреагировал КанаMAT.

– Праздник и был бы, если бы ты любил меня – сегодня годовщина нашей свадьбы. В этот день двадцать лет назад мы соединили свои судьбы. Уж это мог бы запомнить!

Уже собравшийся разуться КанаMAT понял, что об отдыхе ему придется пока забыть.

– Стоит ли из-за такой мелочи затевать скандал? Сию минуту я решу этот вопрос, – сказал он, направляясь к сейфу. Достал ключ от замка, на брелоке которого красовалась надпись «Совет да любовь», вышел из дома и напрямик направился к мосту. Там он не без труда отыскал свой замок, покрытый толстым слоем ржавчины, и снял его. Положил в карман. Затем КанаMAT поспешил к торговкам цветами, где купил целую охапку роз для своей ненаглядной Розы. Также он попросил красиво упаковать ржавый замок.

Явившись домой, он торжественно вручил подарки жене.

– Честно говоря, не ожидала от тебя такого, – сказала Роза, радостно рассматривая букет. – А что в этой красивой коробке?

– Открой и увидишь, – ответил КанаMAT, проходя на кухню.

– Эй, что это значит? Зачем мне этот ржавый замок? – услышал он вопль жены.

– Ну ты даёшь! Неужели ты не узнаёшь его? Ведь это тот самый замок, который мы повесили на перила моста в день бракосочетания.

И пока жена стояла, не зная, что сказать, КанаMAT добавил:

– В тот день мы совершили большую ошибку, повесили замок не туда, куда надо. Самое место ему – на твоих губах.

БОГАЧ

Огромная поляна, разнотравье радует глаз. Тут же раскинулся большущий сад. И чего тут только нет: груши, яблоки, абрикосы, сливы, черешня, мандарины, апельсины, хурма, бананы – бери и ешь, сколько влезет. Одно только тревожит – как я в одиночку соберу весь этот урожай? Эх, пропади пропадом люди, развалившие колхозы! Будь это в прежние времена, отобрали бы у меня всё это, сказали бы: «Или отдаешь добровольно, или же выписываем тебе путевку в Антарктиду». Жил бы я тогда, не зная забот.

На краю поляны течет ручеек с чистой водой, чуть выше пробивается из-под камней нарзанный источник, который буквально за три дня излечивает все болезни. Люди толпами приходят сюда с пластиковыми бутылками, и порой образуются такие очереди, что я сам не могу утолить жажду.

Рядом с источником высится здание санатория, который построил один предприимчивый цеховик. Причем оформил его не на себя, а на меня. Теперь, когда сюда приезжают отдыхать его люди, я с них денег не беру. Но остальные пусть раскошеляются, нечего рассчитывать на халяву. Тем более что в большинстве своем

это люди богатые, которым не смогли помочь в лучших клиниках мира. Вырученные деньги я трачу не на себя – в частности, занимаюсь восстановлением заброшенных сел. И ни копейки на это благородное дело я у чиновников не прошу, только бы не ставили мне препоны.

Правда, для строительства завода, где выпускаются водка, коньяк, виски, ром и прочие веселящие напитки, пришлось искать инвесторов. Но и с этой задачей я справился.

Ещё одним моим мудрым решением было приобретение большого участка на склоне горы. Знай кто, какие там залежи золота, чёрта с два этот участок достался бы мне. А теперь я буквально тону в деньгах и много трачу на благотворительность. Так, я оказываю материальную помощь всем балкарским семьям, в которой родился пятый ребенок. Каждая такая семья получает от меня слиток золота весом в новорожденного. В результате все без исключения совершеннолетние девушки замужем. И несколько колыбелей в одной семье уже совсем не редкость.

Также за свой счет я обучаю в лучших вузах мира около 150 000 балкарских юношей и девушек. Один миллионер-карачаевец вызвался мне помочь в этом деле, но я отказался, пусть он тоже своих обучает.

Помогаю я и нашим спортсменам, которые постоянно выигрывают медали на Олимпиадах. Благодаря мне достигла успехов и наша футбольная команда «Спартак–Шаурдат», она сейчас в числе лидеров премьер-лиги. А посмотреть на игру наших хоккеистов приезжают даже канадцы.

Очень радует меня и то, что в Центре подготовки космонавтов сейчас есть двое наших ребят и одна девушка. Они включены в состав международного экипажа, который в скором времени полетит на Луну. Кстати, о Луне. Есть у меня одна задумка – на участке, который я купил на этом спутнике Земли, я хочу построить водочный завод. Было бы глупо думать, что первые колонизаторы будут трезвенниками...

– Эй, сколько можно дрыхнуть?! Нажрался вчера, а теперь валяешься, как труп. Вставай и разберись с газовщиками, они хотят нам газ отрезать.

Грубый голос жены разбудил меня и вернул в реальность, где я был полным банкротом.

Газовщиков с большим трудом удалось уговорить дать мне отсрочку. Это, конечно же, хорошо, но деньги с неба не упадут. Придется мне лишиться своего единственного бычка. Это всё же лучше, чем мерзнуть в холодном доме. Да и сны хорошие снятся только в теплой постели.

ПОЛЬЗА ОТ НЕЧИСТИ

С тех пор, как сторожем колхозного яблоневого сада назначили Мухажира, Даулет целыми днями стал пропадать в его шалаше. Мухажир – новый человек в селе, недавно переехал сюда из Карачая. Поэтому он ещё не совсем освоился и часто становится жертвой остроумия местных жителей, известных своим веселым нравом и склонностью к розыгрышам. Этим и решил воспользоваться Даулет. Уложив в рюкзак хычины, которые напекла его хозяйка, и присовокупив к ним заветную поллитровку, припрятанную в расщелине каменного забора, он в очередной раз объявился в караулке сторожа.

Убедившись, что водка возымела свое действие, Даулет завел речь о разной нечисти – шайтанах, джиннах, алмосту, ведьмах.

– Ты, Мухажир, и сам, видимо, заметил, сколько у нас различных гробниц, старых могил, – начал он разговор. – А старики наши говорили, что в таких местах всегда водится нечисть. Да что говорить о стариках, я расскажу тебе о том, чему сам был свидетелем. Это было ещё до войны. Все в селе говорили, что у одних моих родственников по материнской линии живет домовая, но я в это не верил. Как и следует настоящему пионеру, каковым я тогда был, я считал это обычными росказнями. Но однажды, когда я был у них дома, мой родственник стал жаловаться на домового и в сердцах сказал: «Достал он уже нас, придется, видимо, нам переехать в другое село». И тут же из-за сундука прозвучал ответ: «И ты думаешь, я не найду туда дорогу?» Как я тогда испугался, не передать словами.

– Конечно, все эти шайтаны, джинны и прочие бесовские творения не путаются каждый день у нас под ногами, но они нет-нет, да и показывают себя. Так что мой тебе совет: будь всегда начеку, особенно по ночам.

– Неужто ты говоришь это всерьез? Разве в нынешнее время найдется человек, который поверит в эти сказки? – улыбнулся Мухажир, поглаживая по голове подошедшую к нему собаку. Похоже, и она расказу Даулета не поверила.

Поздно ночью Даулет пробрался в сад и повесил на одно из деревьев недалеко от караулки белую простыню. Собака Мухажира в это время мирно дремала перед шалашом. Даулет подкрался к ней и хватил ее палкой. Взвыв от боли и от неожиданности, собака ворвалась в шалаш, разбудив мирно спящего Мухажира. Тот вышел посмотреть, что напугало его верного друга, но, увидев трепыхающуюся простыню, вбежал обратно.

Рано утром появился Даулет. Он шел быстрым шагом, делая вид, что куда-то торопится и не собирается тратить время на болтовню.

– Эй, погоди, загляни сюда на минутку, – остановил его Мухажир,

который весьма неважно выглядел после бессонной ночи. – Послушай, а ведь ты, кажется, был прав насчет нечисти. Сегодня ночью я убедился в этом, какой-то белый джинн всю ночь бродил по саду. Видела его и моя собака. Причем она так испугалась, что не хочет теперь выходить из шалаша. Хотя раньше вообще туда не заходила. Боюсь, что если я ещё раз увижу такое, я сам поведу себя так же. Пропади пропадом и колхоз, и его сад, черта с два я проведу здесь еще одну ночь.

– Вот так всегда – никто не верит словам, пока не увидит своими глазами. Вам ещё повезло, что это был белый джинн, будь это черный джинн, не беседовал бы ты сейчас со мной.

Сказав это, Даулет постучал пальцем о наручные часы, давая понять, что торопится, и ушел.

Выполнил ли в том году колхоз план по сдаче яблок, мы не знаем. Однако известно, что Даулет с того дня каждый день продавал на рынке пять-шесть мешков яблок.

Кто-то потом подсчитал, и получилось, что доходы Даулета от продажи ворованных фруктов были сравнимы с доходами колхоза. В тот год школьникам не пришлось заниматься сбором яблок – с этой задачей весьма хорошо справился Даулет.

В итоге выиграли все: карачаевец не пострадал от нечисти, детишки получили возможность грызть гранит науки, не отвлекаясь на посторонние дела. Что до колхоза, то он в скором времени перестал существовать. Но Даулет тут был совершенно не при чем.

УТРО В СЕЛЕ

– Пропади ты пропадом, чтоб тебя волки съели, чтобы я на твой труп наткнулась, чтоб ты со скалы сорвался! погоди, вот найду я тебя, ты у меня неделю из загона не выйдешь...

Поток проклятий, извергаемый Майрусхан, длился бы еще долго, но прерви его Налжан.

– Эй, кого ты так проклинаешь ни свет ни заря?

– Бычка своего проклятого, которого на свадьбу сына откармливаю. Да и молодежи сельской я бы пару «благопожеланий» сказала. Виданное ли это дело, во всем селе не найти пастуха?! А ты потом ходи, ищи пропавшую скотину. А меж тем половина сельских парней лоботрясничает. Каждый из них считает себя княжеского рода, которому благородная кровь не позволяет заниматься таким недостойным делом. Хоть бы один сказал, что он не княжеского происхождения. Причем князьями они становятся только тогда, когда речь идет о работе. Зато на пьянках у них нет никаких разногласий, за водкой все они равны. Кстати, о водке. Представляешь, что на днях спросил у меня

этот сморчок, который называет себя нашим участковым? Скажи, говорит, кто в вашем районе продает самопальную водку. «А у тебя самого глаза повылазили, что ли? Не видишь, что этим каждая вторая семья занимается?» Прямо так я ему и сказала. Так он хотел меня оштрафовать за оскорбление представителя власти. Пугать меня вздумал, сопляк. Не на такую напал. На свое счастье, он быстро сообразил, с кем имеет дело, иначе я ему всю морду расцарапала бы. Он, наверно, думает, что мне деньги некуда девать. А я вот вчера в город поперлась на базар, сыр продавала ради копеечной выгоды. И эти кровные деньги я должна на штраф потратить? Ага, разбежалась...

– Майрусхан, а почему ты продала свой сыр? Я вот завтра тоже собираюсь на рынок.

– Продала я свой сыр быстро. Не успела я сойти с автобуса, как меня тут же окружили перекупщицы и прямо там всё забрали. Продешевила, конечно, по 25 рублей отдала. Чтоб им в аду гореть, этим перекупщицам. Какого труда стоит нам этот сыр, они понятия не имеют. Зато имеют с него столько же, сколько и мы. А попробовали бы они сами каждый день вставать затемно, чтобы подоить коров. Клянусь богом, тогда бы они за сыр золотые монеты требовали у покупателей. Чтоб они подошли все! На нашем горбу сидят!

– Эй, Майрусхан, не кипятись! Не стоит проклинать перекупщиц. По большому счету, только благодаря им мы и выживаем. Ты сама прекрасно знаешь, что ни ты, ни я не сможем целый день торчать на рынке.

– Клянусь здоровьем двух своих внуков, ты права, Налжан. Куда нам в торговки превратиться, откуда у нас столько времени? Я даже на полдня не смогу оставить своё хозяйство, даже если на рынке на меня деньги с неба будут падать. Правда, уже и у нас появились торговки. Одна из них недавно даже вздумала поучать меня. Ты, мол, Майрусхан, отстала от жизни, не умеешь зарабатывать. Эта дурочка считает, что я не знаю базарных порядков. А на самом деле они, мошенницы, продают сыр из обрата, дурят покупателей. Да лучше я умру, чем на такое пойду. В отличие от них, я греха боюсь.

Майрусхан так разнервничалась, что зачем-то своей палкой сквырнула камень, лежащий на обочине.

Пройдя немного, Майрусхан и Налжан столкнулись с группой женщин, занятых обсуждением сельских новостей. Были высказаны мнения о женщинах, которых бросили мужья, о самих этих мужьях, о воришках, о бездарных учителях, о негодных сельских руководителях. Можно быть уверенным, что ни за каким «круглым столом» никакая проблема так тщательно не обсуждается.

Майрусхан быстро включилась в разговор, причем сразу же начала с обвинений некоторых присутствующих сплетниц.

– Буслимат, Инжилхан, послушайте, что я вам скажу. Сноха Гетти-

евых, тебя это тоже касается. Все вы ещё не разведены лишь потому, что ваши мужья бесконечно терпеливые люди. Будь они хоть немного похожи на моего мужа, они и три дня не прожили бы с вами.

– Нас наши мужья вполне устраивают. Они похожи на наших ковров – никогда не ночуют где попало, всегда в родной стан возвращаются, – возразила ей одна из женщин.

– Коровы ваши хоть молоко дают, а какой прок от ваших мужей? В родной стан они, конечно, возвращаются, но всегда под градусом. Хотя, может, именно поэтому и терпят вас. Если они протрезвеют, сразу же убегут от вас сломя голову.

– Настоящий мужчина может себе позволить выпивать, Майрусхан. И наши мужья не твои деньги пропивают. И глупо из-за такой мелочи разрушать семью.

– Ты совершенно права, Буслимат. Нет ничего хуже, чем дети, растущие без отца. И раз уж на то пошло, я сама буду покупать мужу водку, лишь бы дети при отце росли.

Эта тема была закрыта, но любительницам почесать языки было еще о чем поговорить. Затронули политику государства, маленькие пенсии, много чего еще. Закончили они обсуждением приданого новой невестки Инжилхан.

Нет сомнений, что женщины с удовольствием занимались бы пересудами до самого обеда. Но их спугнул появившийся на улице Кайырбек, где-то успевший уже изрядно набраться. Если в селе много алкоголиков, это, конечно же, очень плохо. Но некоторое количество их всё же нужно. Хотя бы для того, чтобы сплетницы не торчали весь день на улице.

ВНЕБРАЧНЫЕ ДЕТИ

– О том, что дела у нас не идут на лад, говорит отсутствие желающих приезжать на отдых в наши санатории и турбазы. Плохи твои дела, если в твоём доме не бывает гостей.

– Что, Мисирбий, тоскуешь о временах, когда туристов было пруд пруди?

– Ну уж, думаю, ты, Дадык, тоже был бы не прочь вернуться в ту пору. Помнится, ты месяцами домой не приходил, на турбазах ошивался... А я вот вспомнил один интересный случай из тех времен.

– Тогда погоди, не рассказывай. Дождемся, пока Чортай подойдет. А то ты его знаешь, заставит рассказать всё заново. А вот, кстати, и он. Можешь начинать.

– Что ж, если ты разрешаешь, начну. А ты, Чортай, не прерывай меня. Если что-то будет непонятно, спросишь потом.

– Хватит тянуть кота за хвост, давай рассказывай.

Все притихли в ожидании.

– Я в те годы работал в России, в совхозе «Стрелецкий», – начал свой рассказ Мисирбий. – Однажды утром мне сказали, что меня вызывает директор. Прихожу в контору, стучусь в дверь.

– Заходи-заходи, Миша, – радушно приветствовал меня Владислав Евгеньевич. Не знаю, чем местных жителей не устраивало мое имя, но все они называли меня Мишей. Так что за четыре года, которые я там прожил, я и сам стал забывать своё настоящее имя.

Директор без долгих предисловий сообщил, что мне надо поехать в Тулу на курсы повышения квалификации.

– Оформи все документы и завтра же выезжай, – сказал он с таким видом, будто облагодетельствовал меня.

Увидев, что я недоволен, он добавил:

– Поезжай, не пожалеешь. Развеешься хоть немного.

В Туле, оформившись в гостинице, я вышел посмотреть город. И надо же, почти сразу столкнулся с Сергеем, работником местного завода, который часто приезжал к нам в командировку. По его сияющему виду было ясно, что у него какая-то радость. Так и оказалось.

– У меня родился сын, сегодня вечеринка, прямо сразу же и пойдем, – сказал он.

– У нас не принято ходить в гости с пустыми руками, зайдем сначала в магазин, – сказал я.

Праздничный стол ломился от яств. Жена Сергея, его теща и теща встретили меня радушно. Через некоторое время Сергей решил показать мне своего наследника и провел в комнату, где мирно спал новорожденный.

Малыш был красив, и в отличие от своих светловолосых родителей смугляв и черноволос. И кого-то он мне сильно напоминал. Подойдя поближе, я внимательно рассмотрел его.

Не поверите, но ребенок сильно смахивал на нашего односельчанина, Таммеева Ахмата. Вот это чудеса! Но этого же не может быть! Бедолага Ахмат всё свое время проводил в кошаре и совершенно точно никогда не был в Туле. А жена Сергея вряд ли гостила у него в кошаре. Я бы скорее поверил, что её угощал где-нибудь на природе шашлыком кто-нибудь из местных ловеласов, вроде Мажиу.

– Ага, нашел кого приводить в пример. Да Мажиу скорее удавится, чем на шашлык раскошелится. Готов поспорить, что Мажиу тут не при делах, – сказал Дадык.

– Ты прав, я тоже пришел к такой мысли.

– Кстати, Дадык, глядя на толстые щечки малыша и его полные губы, я было и тебя заподозрил в отцовстве... Мысли мои прервал Сергей, позвавший меня к столу.

Узнав, откуда я родом, жена Сергея ушла в другую комнату и вернулась с ворохом фотографий.

– В прошлом году я отдыхала в ваших краях и совершенно без ума от ваших парн... от вашей природы, – сказала она, покосившись на мужа.

Я взглянул на первую фотографию и сразу же понял, что Виолетта отдыхала на Голубых озерах. На многих фотографиях рядом с ней был один из наших парней.

Мисирбий сделал паузу и стал закуривать.

– Да не тяни уже, скажи, кто это был, – поторопил его Чортай. Не исключено, что в этот момент он думал, не про одного ли из его сыновей идет речь.

– Любишь ты вопросы задавать, тебе бы следователем работать... В общем, это был Ахмат, сын Сейпу. В этом у меня уже не оставалось сомнений. А самое удивительное, что мальчику дали имя Ахмат.

– Ну, это ты уже загнул, Мисирбий.

– Ничуть не бывало, я своими глазами видел его свидетельство о рождении. Виолетта настояла на этом, утверждая, что без ума от чая «Ахмат». Муж, говорят, попытался спорить, сказал, что с таким же успехом ребенку можно дать имя Шахмат, так как сам он большой любитель этой игры. Но в конце концов «Ш» отбросили, остался Ахмат.

– Миша, всем известно, что на Кавказе любят и умеют говорить тосты. Ждем от тебя здравицу, – сказал Сергей, подавая мне бокал с вином.

– Я не очень силен в этом, поэтому не судите строго, скажу, как умею. Я хочу пожелать, чтобы этот ребенок во всем был похож на своего отца. Пусть он вырастет человеком, приносящим пользу своему народу. Этот бокал я поднимаю за Ахмата и его отца!

Немного помолчав, Мисирбий добавил:

– Представляете, живет тут Сейпу и знать не знает, что у него в Туле внук растет. А я вот за здоровье его потомка пил.

– Кстати, вряд ли жена Ахмата уже родит ему мальчика, может, стоит ему сказать, чтобы хоть тульского сына разыскал? Будет тогда у его шестерых дочерей брат, – сказал Чортай.

– Это уж вряд ли... Мы-то здесь поверили в твой рассказ, но что сам Ахмат на это скажет, мы не знаем.

– А что он теряет? Все вы знаете, какие умные девочки у него растут. Не исключено, что и его сын достигнет больших высот, станет знаменитым человеком. Но тогда уже будет поздно. «А где ты, папаша, был все эти годы?» – может он тогда сказать. А вообще, стоило бы нам всем заняться поиском своих внебрачных детей.

– Ага, и давай, Дадык, ты первый начнешь этим заниматься.

Дадык улыбнулся.

– Нет-нет, мой случай слишком тяжелый. Пусть этим занимаются те, у кого, как у Ахмата, единственный ребенок на чужбине.

КАК СТАТЬ ЗВЕЗДОЙ

Ахмадия сделал изрядный глоток из бутылки «Бавария», закусил кусочком воблы, вытер рот и глубокомысленно произнес:

– Вот так, в ежедневных заботах о корме для скота и пройдет наша жизнь. И никто за пределами села не узнает, что мы тоже жили на этой земле.

– Ну, я думаю, это дело поправимое, – сказал его собутыльник и сосед Асадуллах. – Если у тебя есть желание, я могу заняться твоей раскруткой. И для начала ты станешь известным человеком в республике. Почему нет? Многие из тех, чьи имена на слуху, ногтя твоего не стоят. Это, конечно, потребует определенных затрат. Но не умерли же мы от голода, когда у нас украли четырех откормленных бычков. Пусть же следующие бычки пойдут на благое дело. И увидишь сам, о тебе будут говорить не только у нас, но и в Карачае, Адыгее, Дагестане и не только.

Молчание Ахмадии свидетельствовало о его одобрении такого решения. Были, впрочем, у него и сомнения – угадать, что на уме у Ахмадии, было трудно, порой его, как говорится, заносило не в ту степь. Но надо признать, задумав что-то, он почти всегда добивался желаемого.

Асадуллах замолчал и ни слова больше не произнес, пока «немецкое» пиво, разлитое в Баксане, не закончилось.

После затянувшейся паузы Ахмадия изрек:

– Если ты уверен в том, что дело только в деньгах и что я не потеряю при этом лицо, приступай к делу.

Асадуллах не стал откладывать дело в долгий ящик, на следующий же день развил бурную деятельность – даже ухаживая за скотиной, он не выпускал телефон из рук. Он обзвонил всех своих знакомых, среди которых были русские, кабардинцы, осетины, карачаевцы, евреи. С иными из них он беседовал неоднократно. В результате в скором времени статьи, подписанные именем Ахмадии, стали появляться в балкарской прессе. Разумеется, писал их не Ахмадия, это дело было поручено некому Солману, безработному журналисту. Не прошло и года, как новоиспеченного корреспондента приняли в Союз журналистов России. В честь чего, разумеется, был устроен пир, во время которого люди, причастные к появлению новой «звезды», поставили перед собой новую задачу – добиться присвоения Ахмадие звания «Заслуженный журналист КБР». Способствовать этому был обязан и Ахия – старший брат Ахмадии, руководивший самым большим свиноводческим комплексом

в Орловской области. Заодно решили, что будет справедливо, если и ему будет присвоено звание «заслуженного свиновода». Он станет первым балкарцем, удостоившимся подобной чести, и таким образом войдет в историю. Но для этого он должен обеспечить Ахмадию кормом для очередной партии бычков, которых надо откормить.

По ходу пиршества выяснилось, что и Асадуллах не лишен честолюбия. Он заявил, что негоже, когда «топор, который строил дом, остается на улице». А потому он намерен заняться раскруткой самого себя.

– Как вам известно, я проходил службу на «Байконуре». И именно тогда начались полеты наших космических кораблей «Союз». Причем все они были успешными, не то что сейчас. И, говоря по правде, я был ничуть не хуже тех парней, которые летали в космос. Конечно, космонавтом мне не стать, но хотя бы звание «Заслуженный летчик-испытатель» я вполне заслужил. Думаю, собравшимся здесь по силам это сделать. И тогда вы увидите, что значит настоящее пиршество.

Вы удивитесь, но и с этой задачей Асадуллах справился. Скажете, почему же тогда никто не знает имен Ахмадии, Асадуллаха, Ахии? А объяснение здесь простое – люди не читают газет. Иначе они непременно увидели бы указы о присвоении званий этим достойным людям.

Не хочу отставать от односельчан и я. Так что не удивляйтесь, если в скором времени услышите о новом «Заслуженном оленевode». Конечно, я ухаживаю не за оленями, а пасу в горах яков. Но звания «Заслуженный яковод» еще нет. Но какая разница – олень, як...

Думаю, последуют моему примеру и другие. Ведь сколько еще есть не освоенных нами областей деятельности – «Заслуженный дегустатор водки», «Заслуженный дрессировщик», «Заслуженный хлопковод»... В общем, дел невпроворот, было бы желание.

НОХЧИЙ
(триптих)

*Природы вековечная давьильня
соединяла смерть и бытие.
Н. Заболоцкий*

Нет, не звала на расстанях
земных дорог
песнь о долгах не розданных –
Роландов рог...
вздых по сынам – по жребиям,
под ветра вой,
тень по горам – надгробиям,
под злой конвой,
весть из утроб глаголевых –
мой вещий стих,
свет из очей просоленных
на мой триптих.

***

Занималась заря
за проплешиной гор,
поспешала не зря –
с ветром был уговор:
на поруганный брег –
на обломках лады
в осьмнадцатый век –
в пепелище Алды
я кидалась <...>
на зов шейх Мансура.

Вдоль Гезлама конвой –
я прикинусь совой,
за Карахом бурьян –
обернуся в туман,
Нохчий – корта листва,
расступись в дерева –
палачам <...>
Не отдай шейх Мансура!

Разбивала стопы
о скалистый гранит,
заклинала арбы –
солнце – зноем – в зенит...
Да очнитесь же там,
Учермана гонцы
По – Кавказа – хребтам
оглашают концы!

...Возрыдай, шиедаг,
небо дышит тоской,
где-то сын твой – вайнах
за Аргуном рекой...
под Анапой <...>
судьба шейх Мансура.

За верстою беда,
в переулках кресты,
Шлиссельбурга бедлам
в казематах. Мосты...
Ах, вы, горе-князья,
от – Кавказа – сынов,
видно, было зазря
вам папахи отцов,
земляки <...>
Шейх – Мансура – имама!

Учерман... Учерман,
ветер вольный, вайнах,
в Петербурга туман
уходил синий птах...
Отчего так горчит –
солонеет Сунжа?
заунывно скорбит
камышова дутра?!

.....
В манускриптах из бед –
осьмнадцатый век,
на страницах судеб,
на разверстых вовек –
малахитовы <...>
четки Мансура.

***

Несмелая лира
согбенна от ветра,
под цокот аллюра
прокралась в столетье,
как прежде, арыки
из смерти глядят,
в объятьях разлуки
вайнах-аманат,
как прежде, слеталось
на пир воронье –
кому что досталось...
терзай «не мое»,
от псины смердело –
царевых наград –
я псов проводила
до адовых врат...

О нет, не когда-то,
а юной весной
за горькой утратой
пришла я в Беной!
...В кровавых закатах
мерещилась тень,
ищу не на картах
знакомый плетень
вайнаха, что в спину
вовек не стрелял,
в лихую годину
за веру стоял,
чей кодекс – отвага,
чья вера – Коран,
на теле вайнаха
ни пяди без ран:
наиба, что от роду
был Байсангур –
без глазу, без броду –
за реку Аргун...

Я в гулкую бездну
вещаю: земля...
Мой взрыд, моя песня –

наиб Шамяля!
...Воздрогнули вежды
гряды Тимероя:
«Вайнахам – не дважды –
такого героя...
одной водоверти
стремнина – одна,
ушел Байсангур –
жернова в жернова...
Как ястреб, метнулся
в грядущие лета,
а дух возвратился
под росчерк поэта.

.....
Ступай... воротись на
двадцатый свой брег,
там нынче, кажись,
шел один человек:
таким – Байсангура
заветный клинок,
ступай босиком –
у теней свой порог...»

***

Заливались капли –
льдинкой дышит полынь,
Бурсан чо коростели
свищут, будто вольтынь.
Здесь бои полыхали
с незапамятных век,
нохчий землю пахали
за шестами от вех.

Снова чудится где-то
Ярыксу шепоток:
жребий пращура, где ты,
моя карма, мой вздрог!
Сонный ухаёт филин –
птица ночи из бед,
вдоль веденских расщелин
полнолуния бред...

Словно хладная змейка,
под валежник и мох
встрепенулась жалейка –
вещей путницы вздох:
«Медногласое эхо
в перекатах Джалдыр,
я прапамять вайнаха –
где Ахмат мой... Кадыр,
кто и в пасти гиены
веры дух не терял,
кто под взмахом секиры
во Аллахе стоял?!
Я из бездны, из праха
за пресветлой строкой –
песни древняя пряжа,
босиком – в Центарой,
за мудрейшим из нохчий
от вайнаха земли –
на бессонные ночи
и на вещие сны.

Минареты из света,
разомкните уста,
цитаделей громада,
распахните врата –
проводите, ведите –
где он, зоркий орлан?!
На мои поглядите
на стопы – сколько ран...»

Только ночь да папаха.
Голоса... Голоса.
Только ночь да... собака,
чья слеза-бирюза.
Нет горшее упрека,
чем собачья слеза.
Нет суровой урока –
опоздать навсегда!

Только я и папаха,
да сиреневый хмель,

проводи же, собака,
в его сны и свирель...
На меже по обрыву –
под чинарой из грез
он подарит подкову
оберегом от слез...
Как улыбка бессмертья
вдоль зеленой межи –
дух вайнаха – вне смерти –
свет Ахмага-Хаджи.

***

*Аргунское дремлет ущелье –
хлебами войну замело,
во мне вековое похмелье –
сиренью все годы несло.
В Чечне, что пропитана гарью,
что пепла хлебнула в бреду –
найду я вайнаха, о, верю,
по воле Аллаха найду!
Иначе мой стих синеокий
застынет сиреневым льдом,
и... как же узнают потомки
подкову и четки с клинком?!*

ДЕРЕВЯННЫЕ БАШМАЧКИ

Рассказ

Была гроза. Кто-то постучал в дверь. Кузнец удивился: кто в такую непогоду? – и, быстро подойдя к двери, открыл её. У порога стоял мальчик лет двенадцати. Грязная изношенная одежда была мокрой, темные отросшие волосы падали до плеч спутанными прядями. Он поднял на старца глаза, и тот невольно улыбнулся: глаза были синими, как небо. Старец отступил и пригласил мальчика в своё жилище.

– Зайди. Беда какая: попал под дождь. Сядись у очага, согрейся, сейчас найдем тебе сухую теплую одежду. Наши дети давно выросли, но кое-что из их одежды еще осталось. Жена помогает дочери, у неё много детей, они рядом живут, скоро будет нам горячий ужин.

Мальчик зашел в соседнюю комнату, переоделся.

Стихла гроза. Через час в каменную саклю тихо зашла пожилая женщина с матерчатой самодельной сумкой. Мальчик испуганно встал с деревянной табуретки у очага и посмотрел на неё, словно боялся, что сейчас его прогонят. Женщина сначала удивленно застыла, затем улыбнулась глазами и уголками губ и попросила его кивком головы сесть. Мальчик успокоился: не гонит. Она развязала ручки сумки, вытащила теплые лепешки, сыр, котелок с супом из баранины. Заваривая травяной чай, спросила с удивлением:

– Хажи, откуда это красивое дитя?

– Пусть покушает и согреется, потом спросим.

– Я пойду. Сегодня дочке нездоровится. Останусь у неё, послежу за детьми. Если мальчику что-то понадобится, дай знать.

Горел огонь в очаге. Мальчик со старцем омыли руки и сели за стол.

– Бисмилляхи, – сказал старец и взял кусок лепешки, кивнув мальчику, чтобы тот тоже начал есть.

– Как тебя зовут?

– Умит. Это узбекское имя, значит «надежда».

– И на нашем балкарском так же: умут – надежда. Буду звать тебя, если разрешишь, Умут.

– Да, конечно.

– А кто тебе указал путь к моему дому?

– В Нальчике бомжи сказали, что в селах милостыню хорошо по-

дают, я и приехал на попутных в Шики. А здесь один парень подсказал: «Иди к дому Хажи».

– Меня зовут Кязим. Хажи зовут в народе тех, кто совершал паломничество в Мекку. Я дважды совершал. А ты зови меня Аппа, это «дед».

– Но как вы дважды могли быть в Мекке? Вы же...

– Хромой? Да, хромаю. Ты знаешь, дорога к мечте, даже если она бесконечно долгая и тебе трудно идти, всё равно единственная дорога в жизни. Её надо проходить. Идти. Шаг за шагом. Я шёл. И ты шагай. В пути никто не одинок, Всевышний – рядом.

– Рядом со мной тоже?

– Бог не оставляет детей. Он никого не оставляет, просто многие отворачиваются от него, отрекаются.

Старец и мальчик сидели за столом в тишине, а мальчик вспоминал крикливые вечера с пьяными бомжами в подвалах...

– Как тебе суп, Умут? Это «таулу шорпа»: баранина, картошка, лук и зелень.

– Вкусно. Спасибо.

– Да ты ешь. Рано спасибо говорить. Попробуй чай из горных трав. Он настоялся. Это самый вкусный чай, что я пробовал. А я был во многих странах, городах. Странник я. Как ты. У балкарцев всегда было много странников: искали знания, Бога, себя.

В доме снова воцарилась тишина. Словно тишина, покой гор просачивались сквозь стены. Умут впервые за последние годы чувствовал не растерянность, не боль, не безнадежность, а покой. Пили травяной чай с лепешками и сыром, трещали дрова в очаге, огонь отбрасывал на стены светлые блики. Они менялись, словно танцевали, и всё – огонь, незримое присутствие гор, добрые глаза пожилой женщины, старец – вдруг сомкнулись в круг, круг надежды.

– Умут, расскажи теперь о своей жизни.

– Мы жили в деревне Красные Маки. Я помню поля с цветущими маками. Красиво. Отца звали все Узбек, когда-то он приехал на заработки из Азии, да так и остался, встретил мою маму. Её зовут Мария, у неё синие глаза. Маме было восемнадцать, когда сыграли свадьбу, а папе уже за тридцать. Всё, что строилось в нашей и соседних деревнях, строил мой отец. У него была своя бригада, многих местных научил и электричество провести в дом, и штукатурить, он и лепку мог делать.

– Ты, наверное, в отца смуглый, а синие глаза – от мамы?

– Да. Отец никогда не работал по выходным. Мама готовила пироги, приходили родственники.

– Пили?

– Нет. Только изредка, если кто-то из гостей угощал домашним вином. Но мама хмелела от одной рюмки. И отец подшучивал над ней: «Тебе вообще нельзя пить, сопьёшься».

– А что случилось потом?

– Отец умер.

– Убили?

– Нет, просто умер. Вскоре после дня рождения мамы.

Купил ей трюмо – дамский столик с зеркалом, написал на нём несмывающимся фломастером: «Умираю люблю. Люблю. Люблю» и повесил на зеркало жемчужные бусы. Мы с мамой смеялись над «умираю», но не стали исправлять. Я в школе с первого класса рассказы писал, а в пятом классе у меня появилась кличка «Грамотей».

– А во сколько пошел в школу?

– В пять.

– Вы хорошо жили.

– Я часто вижу во сне это трюмо с надписью: «Умираю люблю. Люблю. Люблю» с жемчужной ниткой, и такое ощущение, что стоит мне что-то найти, что-то сделать и всё вернется. Но отец же умер...

– А что произошло потом?

– Мама никогда не работала, не умела зарабатывать деньги. И мы не знали, как жить дальше. Она пыталась быть подсобным рабочим в бригаде отца, что-то убирать, выносить мусор. А вечером они пили у нас. А потом она и не выходила на работу, к нам стали приходить разные люди с водкой, закуской, некоторые жили месяцами. Мать тоже уходила на недели. Я стал попрошайничать. Иногда воровал что-нибудь поесть на базаре. Школу забросил. Год назад мама исчезла. Я искал её везде, и по соседним деревням ходил. Не нашел. А потом уехал в город, там легче выживать. Жил в подвалах. Там много таких, как я. И однажды кто-то сказал, что надо бы поехать на Кавказ, попробовать там пожить. Я это почему-то запомнил. И уехал.

– Ноги босые...

– Да я привык.

– Нет, нельзя так. Я сделаю тебе удобные деревянные башмачки, а потом, с первых же денег, купим тебе хорошую кожаную обувь. Поживешь у меня. А там посмотрим, время покажет, что дальше делать. У меня сын – директор школы. Попрошу его, чтобы он принял тебя, будешь учиться. Ты должен учиться! Знаешь, я тоже пишу. Но не рассказы. Стихи. Сегодня ты устал, как-нибудь друг другу читаем, что сочинили. Я тебя ещё научу кузнечному делу. Ремесло всегда тебя прокормит. А теперь спать.

Умут засыпал в чистой одежде в чистой постели в холодный осенний вечер. Кязим вышел во двор своего дома в Шики и долго смотрел на звезды, что казались такими близкими и родными. Он вспоминал, как жил на чужбине в депортации со своим народом, вспоминал голодных и босых детей там. Они умирали. Спецпереселенцев часто унижали, и они приходили к нему, а что он мог? Молиться и плакать, плакать и молиться... Как он молился Всевышнему тогда, как жаждал возвращения в

горы, которые и пищу давали, и кров из своих камней, и близостью своей укрепляли душу, заполняя её радостью и уверенностью, что и сегодня, и завтра, и во веки веков все будет хорошо. Горный чистый воздух, горная вода, звуки и запахи гор – как этого не хватало ему в раскаленных степях Казахстана. Этот мальчик, потерявший и дом, и близких, так напомнил ему его самого. Он вернулся домой в Шики через тринадцать лет. Здесь снова всё так, как было до депортации 1944 года. Может, и Умут сможет вернуться домой? И заблудшая его мать очнется, вернется в Красные Маки и начнет поиски сына? Смуглый темноволосый мальчик с синими глазами... может, он тоже, как Кязим, пройдя тысячи дорог ада, выйдет, в конце концов, к дороге домой? Кязим шептал свои стихи, написанные вдали от Шики:

Если камень сорвется в ущелье,
В темной пропасти сгинув навек,
То ничто никогда возвращенья
Не сулит ему больше наверх.
О, Аллах! Пусть мы так же не канем!
Если сам я дойти не смогу,
То, молю тебя, – сделай хоть камнем,
Но к родному верни очагу.

Кязим смотрел на осеннее ночное небо. Эта луна, эти звезды – они светили в эту ночь и матери Умут, которая сбилась с дороги.

А утром Умут после завтрака попросил: «Аппа, прочитайте, пожалуйста, хоть одно свое стихотворение». Кязим улыбнулся в ответ и стал читать:

– Всё, как прежде. До поры состарюсь.
Огня сердечных ран не превозмочь.
На скалы глядя, чувствую усталость,
Не знаю, чем народу мне помочь.
Слов стрелы расщепляются о скалы.
Не башня Правды – кузница моя.
Повсюду не страшится сильный кары.
Нигде на свете слабым нет житья.
Я, плача, от беспомощности стражду:
Не нахожу дороги столько дней!
Идем – и утолить нам нечем жажду...
А лечь и помереть – еще стыдней.

– Умут, вся моя жизнь – это боль за мой народ. Всё сердце – боль. А ты когда прочитаешь мне один из своих рассказов?

– Давайте я лучше запишу их, а вы прочитаете. А то мне стыдно.

– Как скажешь, Умут. Сегодня идем в кузницу.

– Что там будем делать?

– Ножик для одного мальчика. Он каждый день приходит в кузницу,

но стесняется мне сказать вслух своё желание. Его отец заказывал нож, и я видел глаза мальчика, когда передавал нож из рук в руки его отцу.

Умут впервые в жизни был в кузнице. Он следил за работой старца с благоговением и вспоминал своего отца: тот тоже всё умел. На обед пошли домой. Умут посмотрел вокруг и чуть не задохнулся от восторга. Желтые, красные, малиновые листья летели с деревьев на землю, кружась на ветру, осенний воздух был чист, прозрачен и светел, а тихий, теплый ветер словно пел колыбельную.

– У нас и так бывает: холодно, а на следующий день – благодать. В горах всё меняется, одна картина сменяет другую, можно бесконечно смотреть на природу. Все горцы – созерцатели. И ты научишься в горах чувствовать красоту, видеть её. Горы помогут тебе излечить душу. Ты ночью кричал, маму звал...

А на обед жена Кязима, которую мальчик стал называть Ынна, что в переводе с балкарского «бабушка», приготовила жал-бауур: запеченную на углях печень, завернутую во внутренний жир. И хычины: тонкие, как блинчики, но внутри с начинкой из сыра. Нет, такие блюда Умут ни разу не пробовал прежде.

– А вот и айран. Он похож на кефир. Попробуй. Я вижу, тебе нравятся горы, как сделаю тебе деревянные башмачки, отправимся изучать окрестности. Посмотришь камни, есть молитвенный камень и даже камень с картой звездного неба. Я покажу тебе пещеры. Расскажу о деревьях.

Прошло несколько дней. И вот – новые башмачки! Настало утро. Звенящее – новое. Умут проснулся рано, вышел из дома: мир словно замер, ни шороха. Позавтракав, они двинулись в путь. Кязим помолился на молитвенном камне, рассказал о значении молитвы для мусульманина. «Люди делят друг друга по религиям, но Бог один», – сказал старец. Когда подошли к огромному дереву, Кязим с почтением произнес: «Это Раубазы, дерево, которому молились прежде, до ислама. Но знаешь, друг мой, не думай, что люди прежде были темные и отсталые. Бог – во всей природе, Он пронизывает всё мироздание, и это дерево тоже. И язычники чувствовали, знали, что есть силы в мире, которые они не могут себе и представить. Сейчас к этому дереву уже никто не приходит. Но это особое место, где люди говорили о сокровенном». Старец пошел дальше, а мальчик остался. Он смотрел на огромное дерево с сотнями ветвей снизу вверх, и у него закружилась голова. Опустил голову, собрался с мыслями. Подошел к мощным корням, выпиравшим из земли, погладил их, затем подошел вплотную к стволу и распростёр объятия. Понадобилось бы три таких подростка, чтобы обхватить ствол. Мальчик слушал дерево. Ему казалось, что он слышит, как дерево дышит, как стучит его сердце. «Раубазы, я прошу тебя, верни в мой дом маму, верни в мой дом меня. И чтобы мы с мамой никогда уже не расставались и до смерти жили в доме моего отца. И пусть там живут мои дети, и дети моих детей. Аминь». Умут хо-

тел оставить Раубазы подарок. Недолго думая, он снял башмачки, положил около оголенных корней, напоминавших вены с кровью, и снова их погладил. А потом с легким сердцем побежал за старцем. Тот внимательно посмотрел на Умута, взгляд остановился на босых ногах... промолчал. Вечером, когда жена принесла горячий ужин, попросил: «Возьми из моих похоронных и купи Умуту обувь. Хорошую. Ему в школу надо».

Прошли и осень, и зима. Умут в кузнице был уже настоящим подмастерьем, и все жители Шики полюбили его. Он часто после занятий в школе ходил в горы. Но к Раубазы не подходил. Умут знал каждую пядь гор по имени и удивлялся: как точно горцы давали названия каждой горе, речке, поляне, водопаду. «А прежде мне казалось, что только у людей, океанов, морей и самых высоких гор есть имена. Оказывается, у всего в мире есть имя, нет ничего безымянного», – сказал однажды Кязиму мальчик.

И настало лето. Косили траву, собирали сено. Вечерами старцы сидели на скамейке и рассказывали детям сказки и легенды. Женщины приносили на подносах горячие хычины и угощали их. «Маленькое село Шики – огромный бесконечный мир. Это целое царство. Как в сказках», – говорил Кязим. Он научил Умута молиться и читать Коран. Мальчик полюбил арабский язык. И уже начал говорить со сверстниками на балкарском. «Закончится лето, снова в школу... не говори в школе, что ты молишься, партия против религии. Да и молиться надо ради Бога, веры, своей души, а не для того, чтобы люди знали и видели, что ты молишься. И не упоминай Бога всуе. Бог должен быть в душе, а не на языке». У них были долгие вечера молчания. Молчания единомышленников. Счастливые вечера.

И снова настало утро. Умут проснулся очень рано. Это было воскресное утро. После завтрака он сказал старцу: «Пойду прогуляюсь», – и вышел из дома. Но первый раз за целый год он шёл не в горы, и не к друзьям на соседней улице. В воздухе что-то звенело и звало его на дорогу, по которой он пришел к Кязиму. Он шёл, убыстряя шаг. Потом побежал. И вдруг ему показалось, что он видит мать, её светлые волосы стали совсем седыми, но синие-синие глаза остались такими же, цвета неба. Слезы застилали глаза, он пытался ещё бежать, но споткнулся и упал. Он лежал на земле и боялся поднять голову, думая, что мать исчезнет, как мираж. Но её рука коснулась его волос, и до боли родной голос произнес: «Сынок...». Это была она. И это был не сон.

Они вместе пришли к Кязиму. Старец был счастлив так, словно исполнилась мечта его жизни, а не мальчика. Ынна накрыла стол. Прощальный. Гостей ждал их дом в Красных Маках. Долго благодарили Кязима. И тут Умут попросил: «Мама, подожди еще час, на прощание хочу в горы!» Умут знал, куда он пойдет. К Раубазы. Он не знал, как благодарить и, как тогда, в первый раз, просто раскрыл руки для объятия и снова услышал, как дерево дышит, как стучит его сердце. А деревянные башмачки уже были оплетены его корнями.

АБА

– Ты умеешь делать сыр?

– Нет.

– А корову доить?

– Нет.

– Ты же выросла в селе.

– В селе я научилась полуночничать, читая книги, спать до одиннадцати-двенадцати дня, пропускать школу, любую обязаловку игнорировать. Это стало правилом жизни: идти против всех правил. Смешной, нелепый, наивный протест. Кстати, когда просыпалась, мне несли горячую еду в постель.

– Кто?!

– Бабушка. Мы звали ее Аба.

Глава 1. Омовение

Аба сидит на деревянных ступеньках летней веранды: не может подняться, чтобы пойти лечь и отдохнуть, не может и слова вымолвить. Лицо бледное, измученное. Она обмывала покойницу-соседку. Желаящие принимать участие в похоронных обрядах на этот раз испарились. У покойницы никого не осталось: ни сестры, ни брата, ни детей, ни внуков. Единственный сын умер. Могилы многих её родственников остались на чужбине, в Азии. Закрывалась дверь некогда многоголосого, многоликого, богатого дома. Издалека приезжал родственник-профессор, и я впервые увидела мужскую обувь ярко-оранжевого цвета. В селе такое не носили. Позже, когда заболела желтухой, в районной больнице меня поразили туфельки-лодочки на тонких шпильках моего лечащего врача. Когда она шла на обход по коридору в сторону нашей палаты, я слушала стук её каблучков, как музыку.

...Аба сидела на ступеньках подавленная и обессиленная.

– Никто не хотел её обмывать: некому льстить, за ее спиной – никого. Ты знаешь, в молодости я видела сон: Черекское ущелье заполонила разлившаяся буйная река и в её стремительном потоке неслись огромные валуны и вырванные с корнями деревья. А на склоне горы – наш дом, а во дворе – три травинки. Да, именно три травинки. Рассказала сон бабушке, она пошла со мной к мулле. Тот выслушал нас, открыл книгу, что он там увидел, не знаю, но мрачно произнес: «Зачем ты рассказала этот сон? Не надо было. Нас выселят. Но мы вернемся домой. А три травинки... из вашего дома выживут трое: ты и еще двое. Остальные погибнут». Действительно, только я и двоюродные брат и сестра выжили, остальные погибли – кто на чужбине, кто на войне. У нас хоть кто-то остался, а вот дверь её дома закрылась сегодня навсегда. А ведь я видела её дом полным людей и веселья...

Аба сидела на ступеньках подавленная и обессиленная. Не было сил подняться, поменять одежду, обмыть лицо, руки и лечь спать. Она не могла поднять голову, не могла поднять руки. Закрылась чужая дверь, а она сидела оглохшая и потерянная от этой невозполнимой утраты.

Глава 2. Скиппи

У одной из наших коз родился козленок, но при родах она умерла. Аба перенесла ящик с соломой, где лежал белый пушистый козленок, в нашу комнату. Она кормила его из бутылочки с соской. Когда окреп, отправила его в сарай. Но стоило козленку оказаться на свободе, он мгновенно бросал своих сородичей и присоединялся к нам, детворе. Тогда по телевидению шел популярный австралийский сериал про кенгуру по имени Скиппи. Недолго думая, мы нарекли козленка Скиппи. Он играл с нами в догонялки. А ещё Скиппи сопровождал каждого малыша, который шел к другу на другом конце улицы, чтобы позвать поиграть. Выйдешь из дома и только и слышишь: «Скиппи, Скиппи!» – и детский смех. Так эта идиллия и продолжалась бы, но стали появляться первые велосипеды, и мальчишки усердно пытались освоить новый вид транспорта. Один хулиган-задира, да ещё и двоечник, неумело управляя своим велосипедом, врзаясь в Скиппи на ходу и сломал ему ногу. Аба в сердцах крикнула мальчику: «Да чтоб твоя нога сломалась и не срослась!» Как ни странно, скоро хулиган сломал ногу, и сколько его ни лечили разные доктора, успеха не добились. Пришлось везти больного в Москву, и там еле-еле кость срослась. Не лучше было и со Скиппи: осложнение за осложнением, и вскоре козленок умер. Стало так тихо и грустно на нашей веселой, шумной улице. Хулигана лечили в Москве, а мы отчаянно пытались найти причину: почему не стало нашего Скиппи? И нашли! Старуху, что вставала рано утром, когда ещё не светало, и провожала недобрый взглядом всех, кто шёл к остановке, чтобы сесть на автобус в Нальчик.

Ох, не любили на дорожку её любопытствующий взгляд. Когда она подошла к крану на улице около нашего дома набрать воды в ведро, я выкрикнула ей через забор: «Это ты, ты сглазила Скиппи!» Старушка посмотрела на меня с удивлением, но ни слова не сказала.

Глава 3. Валет

У нас появился щенок. Дворняжка. Отец назвал его Валет: именем своей собаки в Кызыл-Кая. Вообще, всё время было ощущение, что незаконная депортация и тринадцать лет жизни в изгнании с 1944 по 1957 год в Азии так и не стали прошлым для балкарцев. Старшие, живя на родной земле, в родной Балкарии, говорили всё время об Азии. Словно жили здесь, в селе Верхняя Балкария, и в Азии одновременно.

Валет был умным. Ходил в гости к нашим родственникам. Без нас, один. Заходил к ним во дворы, спокойно осматривался и тихим, разме-

ренным шагом уходил, словно говорил: вижу, у вас всё хорошо. Провожал нас до автобуса в полшестого утра, если не было первого рейса, дожидался целый час второго. Любитель всех чужих облаять, в день Уразы смиренно сидел у ворот, понимал: праздник, люди ходят друг к другу в гости.

Собак на нашей улице становилось больше, и, видимо, кому-то это не нравилось. Их отравили. Я приехала на выходные из Нальчика и застала бабушку укутывающей Валета в пуховый платок мамы: её единственный зимний платок «на выход». В тот день Аба отварила тыкву на молоке и покормила Валета: после снадобья Валета стошнило какой-то коричневой гадостью. Мы выдохнули: выдюжит.

И он выдюжил.

В это время колхозные сады раздали сельчанам, люди стали выкорчевывать старые яблони, сажать капусту и картофель. А дикие кабаны забредали на эти неогороженные участки и буквально втапывали плоды усердных трудов в землю. Хозяева начали ставить капканы. Однажды наш Валет пропал. Искали. Не было нигде. И через несколько дней кто-то сказал, что видел собаку в садах, угодившую в капкан для кабанов. Это был наш Валет. Он буквально разорвал свою шею, пытаясь высвободиться. Брат принес Валета домой на руках и похоронил в саду. Я приехала на выходные из Нальчика и не сразу поняла, почему никто не улыбается, не шутит. Да, я знала, что Валета больше нет, но всеобщая печаль... Беседы не клеились. На мои вопросы отвечали кратко, разговоры обрывались, едва успев начаться. И тут, в тишине, бабушка вдруг спросила: «Как ты пережила смерть Валета?» Дошло: от меня ждут соболезнования. Не праздных разговоров. Соболезнования. Я произнесла эти слова. И сразу стало как-то легче: нас объединила скорбь. Ни до, ни после Валета собаки в нашем доме не было.

Глава 4. Ругань

Аба все время ругалась с отцом. Он считал, что забота о домашней скотине – мужское дело и женщина не должна заходить в сарай. Но Аба каждый день проверяла, достаточно ли сена в кормушках и воды в вёдрах. «Ты мне не доверяешь, что ли?» – недовольно ворчал отец. «Успокойся, подумаешь, просто зашла к коровам и овцам, посмотрела, как они там», – говорила бабушка, но на самом деле докладывала сено и доливала воду.

Сейчас многие поят коров, лишь когда вспоминают о них, и не считают это грехом, и думаешь поневоле: как быстро меняются люди. И отпрыски так далеки зачастую от предков, словно не одна в их жилах кровь. «Современные» люди превратили чистые горные реки в сточные канавы, во многих селах стало нормой выводить свою канализацию напрямую к реке. Зато у многих теперь иномарки, а прежде на всю нашу улицу были единственные «Жигули» сына той женщины, чья дверь закрылась навсегда.

Глава 5. Ты помнишь?

Старушки сидят у нас во дворе: кто пряжу прядет, кто носки вяжет, кто кофту: у балкарок рукоделие – в крови. Вспоминают жизнь до выселения. И своих мужей. Аба молчит.

– А что ей сказать? Молчит, значит, и воспоминаний нет. Да и откуда им быть? – говорит соседка. – Вышла замуж в шестнадцать, в семнадцать родила, а в восемнадцать стала вдовой.

Аба молчит. Высокая, с прямой спиной, с сияющей белой кожей даже в преклонном возрасте, она молчит. Я знаю, что в Азии, на чужбине, понимая, как трудно спецпереселенке выжить с ребенком на руках, родственники заикнулись о замужестве: она до конца жизни им это не простила. Много позже, уже после смерти Абы, дочь ее деверя Мажмудина – художница Людмила Булатова скажет мне: «Я совсем маленькой была, и на одной свадьбе Аба отвела меня за горку нарубленных и аккуратно сложенных дров и провела рукой у моего виска, вот здесь, видишь, в народе говорят – корова языком лизнула, провела и заплакала. Тогда я, ребенок, ничего не поняла. Но потом отец не раз говорил, что такой завиток был и у Жагафара, мужа Абы». Один фронтовик в селе рассказывал, что Жагафар подорвался на mine у него на глазах. Он – из миллионов безмогильных солдат войны. Брат Мажмудин поставил надгробный мусульманский памятник на кладбище в Верхней Балкарии, чтобы он был там, где живые читают общие молитвы для всех мертвых. Теперь уже и Мажмудин в земле, рядом с памятником Жагафару.

Глава 6. Сначала – в холе, потом – в трудах

Аба была первым ребенком у своей матери, первым и единственным: во время родов мать умерла. Аба воспитывалась у бабушки. Дяди были рядом, холили и лелеяли сироту, принося с гор, где пасли овец, ягоды и орешки. Для неё собирали горные цветы. А потом началась война, в 1941 году она забрала мужа. И все дяди ушли на фронт. Война забрала всех и никого обратно не вернула. Аба рассказывала про обряд, когда сельчанка одевалась во всё белое и входила в транс для общения с мертвыми. Аба спросила про своих фронтовиков, и для неё прозвучал ответ: никто не вернется. Я очень удивилась, когда, будучи студенткой химического факультета, прочитала в журнале «Наука и религия» про такой же обряд в Австралии.

К трагедии войны наслонилась депортация 1944 года в Азию, лишившая крова, земли и свободы. Вдовья горькая участь с дочерью на руках и работа, работа, работа... Голод. Смерть близких. Если иголка вонзалась в ладонь, Аба не чувствовала боли, ладони были твердыми, как камень: она работала на хлопкообрабатывающем заводе в Казахстане. Работала с раннего утра до поздней ночи. А ночью шила тапочки из плотной ткани и обменивала их на еду на базаре. Однажды она нашла мешок, в котором

оказались деньги. Пошла к коменданту, и тот сказал: «Болатова, если никто не видел, может, оставишь себе деньги? Вы же так тяжело живете». Аба отказалась. И они пошли на следующий день на базар вместе. В Азии обычай: о потерях и находках на рынке кричит голосистый подросток. Прокричал и про мешок с деньгами.

Подошли трое старейшин, сказали, что молодой человек из их рода – бухгалтер колхоза, мешок оторвался от седла, в нем – месячная зарплата всех колхозников. Они опечатали мешок. И назвали точную сумму. Долго удивлялись, что спецпереселенка не присвоила деньги. Абе загрузили целую арбу фруктов, овощей, муки. Сказали, что может обращаться за помощью и в будущем. Она не обратилась.

Привыкшая работать на износ в Азии, Аба продолжала так же работать и в Верхней Балкарии, уже на родной земле: днём – техничкой в школе, вечером пекла хлеб, потом пряла. Из пряжи мы вязали кофты. А милиция гоняла балкароков, считая, что они – спекулянтки. Никто не говорил, на что жить в высокогорных селах. За желание жить и растить детей преследовали.

Аба нигде не училась, потому что в полезность первых ликбезовских классов её бабушка не поверила. Но она гордилась, что внуки – отличники, и каждый день кормила нас завтраками и провожала грызть гранит науки. На завтрак к чаю обязательно был горячий хлеб, с пылу, с жару, ароматный, вологодское сливочное масло и домашний сыр. Аба никогда не будила нашу маму: очень оберегала свою единственную дочь. После завтрака мы одевались – краснощекие, упитанные и сытые – и шли в школу.

Зимой дом был жарко натоплен: бабушка из школы каждый день приносила в холщовой маленькой сумке уголь.

Разжигала огонь на дровах, а потом, ближе к ночи, подсыпала угля в печь. Тепло саманного дома, натопленного дровами и углем, совсем другое тепло, чем в моей городской квартире. Живое тепло.

В детстве мы ели только горячий хлеб. И теперь, когда задумаю худеть, мне нельзя заходить в супермаркет: запах горячего хлеба опрокидывает все диеты, я покупаю его, нюхаю, вдыхая запахи детства, и начинаю есть. А лакумы! Горячие, пышные лакумы, наполненные внутри теплом! Для меня дом – это прежде всего теплый хлеб и лакумы. Я всегда делала попытки содрать хрустящую корочку с каравая, бабушка пресекала это, потому что без корочки хлеб переставал быть красивым. У Абы был разный хлеб: и мягкие лепешки из духовки кирпичной печи, и выпеченный на большой сияющей белой сковородке на «керосинке», и в духовке обычной газовой плиты. Иногда был с начинкой посередине: слоем лебеды или крапивы. Когда начинки не было, мы раскрывали горячую мякоть, вологодское масло мгновенно таяло в ней, а корку натирали чесноком. Из блюд часто готовили плов: снова Азия! Было и постазиатское пристра-

стие к чаю: на кирпичной печи – чайник с кипятком, на столе – чайничек со свежей заваркой. Еще любили всей семьей лепить пельмени. Мои были самые некрасивые.

Мама с бабушкой были неразлучны, как сиамские близнецы: и дома, и в огороде. И все время как эхо звучала переключка: Кызы (доченька) и Уокелин (почему наша мама обращалась к своей маме «келин», что в переводе «невестка», остается загадкой). Однажды мама заболела, и Аба сказала мне: «До сих пор думала, что люблю вас больше дочери, но вот она заболела и я поняла: её люблю больше всех».

Глава 7. «Я построю дом...»

Когда вернулись из Азии и власть стала раздавать участки под строительство домов, родственники уговаривали Абу не брать участок, а жить у них. Но она сказала: «Я построю дом». И построила. В этом доме каждый день готовилось много вкусной еды и не было ни одного дня, чтобы кто-то не угощался. Ни одного дня! Каждый день приходила одинокая родственница и уходила с горячим хлебом, завернутым в фартук. В доме открытых дверей росли восемь её внуков, но была аптечная чистота. Однажды главный врач больницы зашел к нам и удивленно замер: «Надо же, столько детей и никакого запаха!». Впрочем, заходили к нам иногда очень «ароматные» люди – попрошайки. Многие из них были просто аферистами. Но бабушка сажала всех за стол, кормила, давала деньги, еду, и те, довольные, часто ложились на диван и засыпали. Полуденный сон утомленных попрошаек. Просыпались через час-два и уходили, благодарные. Я с отвращением отмывала их чашки с содой. У Абы не было отвращения, брезгливости к падшим. Я видела её глаза... Она смотрела на всех с улыбкой. Что она видела в людях, чего не вижу я? За долгую жизнь я больше ни разу не встретила такого взгляда на мир, такого неосуждения, одобрения каждого человека, такого неразделения на своих и чужих. Когда начинало темнеть, она несла бедным подаяние. Только в сумерках! А я так люблю писать о каждом отданном рубле в социальных сетях, да, может, кто-то прочитает и тоже поможет, но всё же, всё же, всё же... Лишь изредка могу себя сдерживать, чтобы не прокричать о милостыне. А Аба уходила с милостыней в ночь, чтобы соседи бедного не увидели её, чтобы нуждающийся не устыдился...

Она построила Дом, там родились мы, родился мир нашей семьи, неизменной частью которого были молитвы. Молитвы Абы. Мне кажется, каждый день нашей жизни вымолен Абой. Она не навязывала веру. А сама я так и не научилась молиться.

В лихие девяностые сына двоюродного брата Абы арестовали. Позже он рассказывал, что его на допросах пытали. Аба молилась дни и ночи. Зачастую сидела на жестком диване с чётками до рассвета. И однажды он

пришел к Аба свободным и сказал: «Не понял, что случилось, но в один из дней меня просто выпустили без всяких объяснений».

Она не мудрствовала и, конечно, не считала, что творит добро. Очевидно, что у неё не было выбора между добром и злом: зла не было в её жизни. Странно, невероятно, но факт: оказывается, просто рождаются абсолютно добрые люди. Такой феномен. В них нет сомнений, смятений, бурь, свойственных нам, они не стоят перед дилеммами, куда шагнуть: к притягательно обаятельному злу или не менее притягательному добру. Они сами – добро. Меня как человека мечущегося, остро чувствующего притяжение зла, Аба всегда поражала. Как явление природы. Как явление жизни.

Глава 8. Была гроза...

Была гроза и молнии сверкали, а я стояла под навесом, девочка десяти лет, и боялась пройти под этим хлещущим дождем двадцать шагов до дома. Пришла Аба, провела к дому. Я была полна страхов, она нет. Однажды вечером меня отправили к родственникам с поручением, а возвращалась я уже в темноте. Темнота была плотная, густая, угрожающая. Я шла осторожно, земля казалась нетвердой, уходящей из-под ног, время от времени неожиданно обо что-то спотыкалась и сердце подскакивало. Дошла до поворота. Спуск. С обеих сторон – темные живые сады, и только после долгого спуска я добралась бы до своей улицы. Вдруг из темноты метнулась тень в мою сторону, я в ужасе вскрикнула и побежала назад. «Стой! Это же я, Аба», – услышала вдогонку слова. Остановилась, уже пробежав до дома на повороте. Лампа во дворе высветила фигуру бабушки. Выдохнула. И мы пошли домой.

Потом были студенческие годы. Вкус свободы. Слом всего и вся, крушение навязываемых норм, протест, отрицание рамок. Самоуничтожение. Незнание, неумение выбираться из ситуаций. Скандалы. Аба молчала. Лишь однажды спросила: «Помнишь, как ты всего боялась? Что случилось теперь? Почему ты в омут с головой, без страхов?»

Однажды она пришла в дом, где я жила, а на столе была водка... День её разочарования.

Я как мантру повторяла: «Моя жизнь – это моя жизнь. Моя свобода превыше всего. И не переходите мои личные границы. Я буду жить как хочу». И до первого и единственного аборта я думала, что их будет много в моей жизни: зачем дети вообще? Но содеянный грех остался ноющим рубцом на душе. Я продолжала общаться с тёмными людьми. И уже никто не делал мне замечаний, просто близкие уходили из моей жизни, один за другим. Перестали здороваться друзья. И меня это не огорчало, нет, просто нарастала боль в груди. Стало трудно дышать, что-то происходило с легкими, начало скакать давление. Мне стало дискомфортно жить. Настал день, когда в очерченном круге я осталась одна. И тогда Аба сказала:

«А я от тебя не отрекись. Даже если ты убила бы всех, шагнула бы тебе навстречу». Я сделала вид, что не расслышала эти слова. Они меня потрясли: и своей образностью, и сутью. Но мне казалось, что она видит меня прокажённой, ее неотречение – жалость к обреченной. Я и она были будто с разных планет, духовный и жизненный опыт так сильно различался, что я уже сомневалась, имеем ли мы вообще отношение друг к другу. Но даже тогда я понимала: Аба – мой ориентир.

Глава 9. Ночь прозрения

Очередной скандал. Он смотрит на меня с пьяной ненавистью, я – с трезвой брезгливостью. Разбита посуда, разгромлена квартира. Кровь. Захожу в ванну и закрываюсь. И тут совершенно ясно осознаю: это тупик. Я всё сделала неправильно. Все мои пути – ложные, я перепутала все повороты. И никто не виноват, только я сама. Ошибки, одни ошибки. Проревела в ванной до утра. А утром позвонила тетя-художница: «Зайди в мастерскую. Здесь тебя ждут. Из села приехали». Макияж. Красивая одежда. Улыбаюсь. «Вот видите, всё хорошо. Представляешь, Аба просидела всю ночь, говорила, тебе плохо. Послала их тебя проведать. Странно, ты прекрасно выглядишь». Улыбаюсь, подтверждаю, что всё хорошо. Но до сих пор удивляюсь, как близкие люди могут чувствовать друг друга на расстоянии.

Глава 10. Библия и Коран

Рынок. Купила всё необходимое и уже на выходе заметила старушку: она расстелила прямо на земле чистые лоскутки и разложила там маленькие горки моркови, картошки, зелени... и там же, рядом, была Библия. В мягкой темной обложке. Я потратила все деньги, но оставалась мелочь. Спросила, сколько стоит Библия. Старушка назвала цену. Пересчитала мелочь. Там было именно столько. Я стала каждый день читать Библию. Даже в общественном транспорте. Ловя косые неодобрительные взгляды. Мусульманское окружение встревожилось, мне незамедлительно подарили Коран. Я напечатала массу материалов в газетах с разговорами духовных лиц про ислам и христианство. И мне стало понятно уже после смерти Абы, к кому она обращалась. Я впервые за долгие годы ощутила землю под ногами. Опору. И небо тоже стало моим. Отчуждение прошло. Боль прошла. Стало много радости. Радости бытия на вечной земле под вечным небом, где я – на миг.

Глава 11. «Давай поженимся»

Ориентиры... Одно время я каждый вечер покупала пирожные, конфеты и с несколькими чашками чая, как Фрося Бурлакова в фильме «Приходите завтра», садилась перед телевизором и смотрела передачу «Давай поженимся». Понимала, что действие шло по сценарию и правды там поч-

ти нет, но было любопытно следить за речью персонажей, их мимикой, жестикующей: журналистская работа обострила наблюдательность. В одной из передач участвовала православная девушка. Девственница. Лариса Гузеева сказала, что отсутствие сексуального опыта в тридцать лет – её недостаток. Ведущие этой программы целомудрие посчитали пороком. Выключила телевизор и больше никогда эту передачу не смотрела.

У Абы было духовное целомудрие. И бесконечная преданность людям, с которыми её сводила судьба. Она не менялась. Сейчас все меняется в угоду обстоятельствам практически каждый день. На смену людям-константам пришли мимикрирующие люди-хамелеоны.

Глава 12. Бесконечная дорога

Заметила: люди с возрастом становятся печальнее. Всё грустнее становились и глаза Абы. Она просила у Бога три дня предсмертной болезни, чтобы успели приехать все внуки. И именно три дня она проболела. Мы все успели приехать.

...После похорон мне надо было кому-то всё рассказать, кому-то незнакомому. Так впервые оказалась у знахаря. Сидел молодой мужчина за столом, время стерло его лицо из памяти. Я плакала и говорила около часа. Он прервал: «Её убило не разочарование в вас, а боль по могилам в Азии. Она продолжала страдать за умерших от голода и болезней родных. И потом, восемьдесят лет – это возраст». – «Она была такой молодой!» – вскрикнула я. Целый месяц я пролежала на диване не в силах двигаться. Снова и снова возвращалась ранящая мысль: «Если бы я ее радовала, может, она бы дожила и до ста лет...» Недавно на свадьбе одна женщина сказала: «Ты очень похожа на Абу». – «Нет, конечно, нет, она же была высокой», – опровергла я её утверждение. «Лицо, твое лицо», – настаивала она. В этот момент сверкнула надежда: может, действительно, что-то от Абы есть во мне?

Аба... Иногда я увязывалась за ней, когда она шла на работу. Дорога до школы была дальней. В середине пути она каждый раз предлагала залезть ей на спину. Мне, не то что упитанной, а совершенно жирной, большой девочке. Она несла меня изо всех сил, я чувствовала, как ей тяжело и как мне хорошо. Дорога была дальней, ей было тяжело, мне было хорошо...

НАШ СЕМИНАР

Представление читателю новых авторов, тем более – на страницах профессионального литературного журнала – дело непростое. Предугадать будущее начинающего писателя трудно, почти невозможно, прежде всего, потому, что становление и рост каждого таланта есть индивидуальный и неповторимый процесс; феноменологически уникальность развития – обязательная слагаемая Божьего дара. Во всём, в том числе и в схеме постижения собственного «Я», так сказать «в хронологии» постижения мастерства. Вика Турбина выступила вполне сложившимся поэтом в девятилетнем возрасте, а Уолт Уитмен написал что-то похожее на поэтический текст ближе к тридцати.

Между этими двумя реперными точками – тысячи имён, совершенно своеобразно прошедших свои творческие дороги стихотворца, и сотни тысяч тех, чей путь так и не привёл к вменяемому СЛОВУ. По первым опытам пишущего невозможно увидеть его потенциал – вне зависимости от его возраста.

Поэтому при отборе кандидатов в рубрику «Наш семинар» – как для публикации на страницах «Литературной Кабардино-Балкарии», так и для непосредственной работы с авторами, селективный порог был весьма прост. В первом допуске достаточным критерием мы посчитали наличие в текстах хотя бы единичного примера нетривиальности и своеобразности мышления начинающего писателя – естественно, с поправкой на среднестатистические показатели взаимосвязи возраста и видимой перспективы дальнейшего творчества. Полностью отказаться от подходов обыденного мышления у редакции «ЛКБ» решимости не хватило, что, в принципе, может быть вполне оправданным. Ведь по сию пору никто не знает, что такое эвристическая способность – возведённая в кратные степени общепринятая норма или отклонение от таковой...

Итак, одна черта восприятия, обладающая ресурсом эстетического воздействия... Среди представленных текстов действительно есть вошедшие в рубрику по этому принципу. Считать публикацию в журнале произведений, сплошь состоящих из поэтических оборотов эпохи русского сентиментализма, неаргументированным авансом молодому человеку, было бы правильным, если бы не абсолютно неожиданное и саднящее «Молю я, стоя на изодранных коленях». И сотрудники «Литературной Кабардино-Балкарии» надеются и ожидают, что подобное, ярко выраженное сензитивное мироощущение, в конце концов, возобладает и станет основным средством выражения собственного «Я» автора.

Каждый из представленных молодых авторов имеет безусловный маркер индивидуальности – как залог будущих суггестивных возможностей. Среди авторов подборки есть и носители весьма редких особенностей художественного мышления, таких, как, например, инверсивность логики

резюмирующих обобщающих выводов. А иначе воспринимать строки:

«Когда рвётся то, что крепко держит тебя на земле,

Приходится плакать, кричать и молиться.

Кажется, что Богу давно всё равно,

Но Бог отчётливо помнит все наши лица», –

воспринимать и интерпретировать, по всей видимости, невозможно. И они принадлежат совсем молодой девушке – Бэлле Баховой. Можно ли говорить о том, что технические несовершенства её строф нивелируют её поэтический потенциал и творческое будущее? Со всей очевидностью – нет.

Все произведения рубрики, на наш взгляд, отмечены – в большей или меньшей степени – признаками творческой рефлексии, обещающими эволюционировать в нечто большее. Насколько реально именно такое развитие событий в обозримом времени – это отдельный вопрос. Сегодня же, повторимся, «ЛКБ» знакомит своего читателя с потенциальным будущим русскоязычной литературы Кабардино-Балкарии, надеясь, что видимые для нас искры Божьего дара, доказательно или эфемерно рассыпанные в текстах, будут адекватно восприняты читателями нашего журнала и, главное – авторами произведений, представленных в рубрике «Наш семинар».

***

Бэлла БАХОВА

Студентка филологического факультета КБГУ им Х. М. Бербекова (3-й курс). Режиссёр-постановщик фильма «Танец с бесконечностью» (второе место на международном кинофестивале «Я люблю тебя, Адыгея» в Майкопе). Автор романа «Десять неотправленных». В марте 2022 года награждена медалью Достоевского (за вклад в развитие современной литературы) в концертном зале правительства Москвы. Победитель региональной студенческой весны (номинация «Художественное слово»).

***

Каждый достоин того, чтобы его обнимали –

Тут не о чувствах, скорей о словах.

Каждый достоин того, чтобы его понимали –

Тут не о рифмах, тут о детских мечтах.

Каждый из нас хочет быть больше слов и эмоций –
Тут не о фальши, тут о том, что называется «Я».
Каждый из нас к концу жизни сопьётся –
Тут не о спирте, тут о слезах бытия.

***

Высек тебя на коже третьим заветом,
Теперь бесы в теле раненом разводят буйство.
Во мраке бесконечном, твоё сердце вяло отдавало светом, и
Я взял обет слабее света – хранить в себе твоё безумство.

Слышу, не внимаю, кто-то в ухо хрипло стонет:
«Эй, писака, крик о важном – мерзкое кощунство!...»
Но я клянусь землей и небом,
Что превращу свой бесконечный крик в искусство.

Я всегда выбирал тебя и ставил точку в конце.
Часто слышал твой запах в ночи и вздрагивал от боли.
Искал черты твоего лица в каждом женском лице,
А после месяцами топил то, что дьяволы во мне перебороли.

Твой облик у всего былого на крыльце, и
Я не вернусь, как бы иглы сердце не кололи...
Через время найди меня в утопленном чтеце,
Что творил и думал о тебе, не думая о боли...

***

Теперь даже дьявол читает молитвы,
А Бог посылает к чертям.
Я ненавижу твоих светлых очей приливы,
Но тщетно поклонялся всем твоим грехам.

Теперь в церквях, на панихидах, все безразличны.
Никто не благодарен сыновьям и дочерям...
Я каждый Божий (чёртов) день, искал в тебе любви мотивы,
И клялся, что течь не дам твоим слезам.

Теперь все блудницы строптивы,
И никто не водит лезвиями по кистям...
А я, простой, смазливый и болтливый,
Сказал «не дам» и взял, отдал.

*Магистрант КБГУ им. Х. М. Бербекова.
Пишет стихи на русском и кабардино-черкесском языках.*

Дипломант VI и VII Международных молодежных фестивалей-конкурсов поэзии и поэтических переводов «Берега дружбы», финалист I Всероссийского молодежного литературного конкурса им. Д. Н. Кугультинова «Дайте, дайте первую удачу». Стихи и переводы с русского, белорусского и ингушского языков публиковались в сборниках «Теплым словом тебя спасая», «За окнами – наш новый день!», «Напьюсь воды из родника на небе», «ДНК – это наше наследие».

БЛОКНОТ

Во мне болят мои стихи,
Надрывно, сильно, безнадежно.
Беру блокнот. Штрихи, штрихи...
И ритм не тот, и рифма тоже.

Во мне болит моя тоска.
Я мысли вслух перебираю.
Пишу в блокнот. Я здесь одна.
Никто об этом не узнает.

Смотрю в блокнот. Смотрю в окно.
Ожил мой город на восходе.
В блокноте новое пятно.
Сегодня с болью мы в расчете.

***

Я, может, завтра не проснусь,
Растаю в утреннем тумане.
В моих глазах немая грусть,
Ну вот, и я уже не с вами.

Отныне я парю, как птица,
Ныряю в море-океан.

Захочешь, я могу присниться,
И мы пройдем сквозь ураган.

Ты будь внимательней, я небо.
Ты слышишь ливень? Это я.
Доверься шуму ветра слепо
И просто вслушайся в меня.

Дыши спокойно полной грудью,
Почувствуй кожей воздух гор.
А если ты на перепутье,
Я снова рядом, я огонь.

Я в каждом атоме, частице.
Я ночь, я звезды, я луна.
Еще могу о скалы биться –
Я бирюзовая волна.

Беги по полю безмятежно.
Беги в свободу босиком,
Касаясь трав. Я буду нежной,
Зеленой, яркой бахромой.

И рано утром ненароком
Я потревожу крепкий сон,
Сегодня я большое солнце,
Коснусь тебя своим лучом.

А если в сердце стонут раны,
Я исцелю их, я покой.
Пускай меня в тот день не стало.
Не бойся. Я всегда с тобой.

***

Алый закат,
Звездная ночь,
Все люди спят,
Все мысли прочь.

Полночь тиха,
Яркие сны,

Строки стиха,
Мир тишины.

В небе луна,
Озеро чувств,
Счастья искра,
Ввысь устремлюсь.

***

Я верю, что завтра настанет рассвет,
Повеет прохладой весеннего утра.
Счастливей меня никого в мире нет,
И небо сверкает дождем перламутра.

Открывши окно, я вдыхаю букет
Цветов ароматов и свежей травы.
Отправлю я каждому теплый привет,
Хочу, чтоб как я, были счастливы вы.

Я верю, что завтра очнётся весна
От долгого сна и подарит улыбку.
Пусть мир покоряет добра глубина,
И каждый прощает другому ошибку.

Пусть каждый из вас одолеет беду,
Поймает свой шанс и его не упустит,
Увидит на небе родную звезду,
Тогда не останется места для грусти.

Я верю, что завтра согреют лучи
Огромного, яркого, рыжего солнца.
И каждый прогонит печаль из груди,
Она никогда ни к кому не вернется.

Пусть новый день будет светлым таким,
Как детство, впитавшее всю беззаботность.
Поднимут свои паруса корабли,
Уйдут в океан, их там ждет невесомость.

Родилась в 1990 году в г. Прохладном в семье творческих людей, стихи пишет с детства. В школьные годы её стихи публиковались в газетах.

Училась в художественной школе, играла в Народном театре и окончила театральное отделение Детской школы искусств. Получила диплом финансового менеджера в Москве.

Участница творческого объединения «Золотое перо».

ОБЪЯТЬЯ ПРОХЛАДНОГО

Спускается на город теплый вечер
И в окнах зажигаются огни.
В сумерках весело птицы щебечут –
Мне в сердце отзываются они.

Мой город нежно меня обнимает,
А будет грустно, любя, приютит,
Волшебник мне фонари зажигает,
И вот, мой город со мной говорит:

И шорохом, тенями и дождями,
И сумраком, росой и жарой...
Мой город разговаривал веками,
Луч солнца посылая золотой.

А когда весной снега растают
И табун коней уже не спит,
Его Вольный Дух в степи гуляет
И в горах вершины серебрит.

Люблю его я просто за фиалки,
Когда скопилась в них вся лета суть,
И, заходя по пояс в воды Малки,
Хочу лицо в прохладу окунуть...

Места для счастья – что же еще надо?
Здесь мерно тлеют в уголках костры,

На берегу реки в моем Прохладном
За дом родной и мир благодарим.

Мне волосы развеет ветер звонкий,
На голове полей цветов венки,
Такой, когда была совсем ребенком
И на ладошке грелся колосок.

Когда бы вдруг одна я ни осталась,
Родное имя вслух произнесу,
И где бы я вдали ни оказалась,
Ту песню горных рек в душе несу.

ЛЕГЕНДА ЭЛЬБРУСА

Когда горы были ещё юными,
Озаренные лучами лунными,
Не покрывал вершин их снег седой,
Не побывал на камне след людской,
В краю Нартов жил двуглавый дракон –
Рекой в тумане он был сохранен,
Топил в холодных водах жар,
Потокам вольно течь мешал.
Все место обходили то,
И не селился там никто,
Ведь чешуи железной звон
Вещал о том, что он силен.
Туман прохожих усыплял,
Дракон всех в плен их забирал.
На битву с ним пошел герой,
До туч он доставал рукой.
И был настолько крепок он,
Что сжечь его не смог огонь.
И отразились, как в стекле,
В глазах дракона по стреле.
Там коршун реет в небесах,
Гуляет ветер в волосах,
Столбом огонь вокруг стоит,
И тут дракон с реки бежит.
Нигде не сможет он укрыться,
Тогда решил он превратиться
В скалу, впритык с большой грядой,

Чтоб не тревожили враждой.
Ударил рука богатыря,
Но дракона простила земля,
И тут же в скалу превратила:
Диковинной горой застыла,
Резным узором из снежинок колких,
А на вершукке снега толща.
Теперь он под холодной шапкой спит,
А сердце все еще горит, горит...
И греет он весь наш Кавказ,
Он как опора, словно брус,
(Лишь улыбнись за этот сказ), –
Зовем сейчас гору Эльбрус.

*Антемиркан ТАНАШЕВ,
МКОУ «Гимназия № 14», 11 класс. г. Нальчик*

ЛЮБИТЕ

Любите тех, кто всегда рядом.
Любите тех, с кем рядом вы.
Любите так, чтобы пожаром
Не жечь, а греть людей внутри.

Любите. Пусть разнятся взгляды!
На то нам всем и жизнь дана,
Чтобы не в споре искать правды,
А в жёстких доводах ума.

ЦВЕТЫ

Неужто не растаял снег?
Сейчас – апрель, и мы – на юге...
А на траве недавних нег
Рассыпались печально звуки.

Всем боязно по ним ступать –
Не снова же морозить ноги...

А может, это благодать,
А не причина для тревоги?

...Они похожи на глаза,
На чисто-синие сапфиры.
Как неба синь и бирюза,
Цветы становятся эфиром.

Женя УЗДЕНОВА

Окончила Нальчикское педучилище, работает в краеведческом музее им. О. М. Отарова (г. Тырныауз).

ТЫ МОЙ ВОЗДУХ

Если бы мы не встретились, если бы прошли мимо друг друга, как бы я жила без тебя, без твоей любви? Тепло твоих глаз не нахожу в чужих глазах. Не могу остановить притяжение своего сердца. Без тебя богатство целого мира не нужно. Если бы хоть одним словом ты меня обидел, тогда смогла бы забыть тебя. Роюсь в своей памяти и не нахожу ни одного плохого слова, сказанного тобой в мой адрес. Время и весь мир были против нас. Расстались, разлучили. Хоть и живу без тебя, всё равно ты мой воздух. Как тяжело дышать, когда не хватает воздуха...

БУДЬ СЧАСТЛИВ

Знаю, ты никогда не прочитаешь эти строки. Почему? А всё потому, что я их сожгу, как только закончу писать. «Почему же тогда пишешь?» – спросишь ты. Когда вожу ручкой по бумаге, как будто говорю с тобой. Я приду к тебе во сне, разбуду, тихонечко касаясь твоих волос. «Я забыл тебя, зачем ты пришла?» – испугаешься ты или наоборот обрадуешься, скажешь, что скучал, ждал. Время идет, а раны не затягиваются. Вот и опять стою, люблюсь звёздным небом, разговариваю со звёздочкой, которую ты обещал мне достать... Может быть, и ты сейчас вспоминаешь меня... Рядом с тобой другая, не я. Она держит тебя за руку, смотрит в твои красивые глаза... Ах,

как я хочу увидеть эти глаза! Знаешь, а я ведь ничего не забыла, с нашей первой встречи до расставания. Как ты клялся, что никто тебе не нужен, кроме меня. Почему-то не верилось в это. Многие говорили, что я сама виновата, что не смогла удержать. Ты выбрал другую, я смирилась. Как бы ни было тяжело, жила, скрывая от всех свою боль. Только вот сердце теперь никому не открывает свою дверцу... У меня к тебе одна просьба: «Будь счастлив, за двоих!»

НОЧЬ

Ночь. Очень люблю это время суток. Ночь скрывает лица и раскрывает сердца. Сердцем отчётливо видишь то, чего в темноте не увидят глаза. Ночные часы, которые провожу наедине со своими мыслями, успокаивают. Никто не мешает, не путает мысли. Сажу, не желая выбираться из сладкого плена своих чувств. Мне кажется, ночью я проживаю чужую жизнь. Жизнь этого другого, чужого человека полна света, надежды, счастья... Ах, если бы всё время была ночь...

ЗЕРКАЛО

Смотрю в зеркало, и вижу себя. Раньше, очень давно, нас было двое в зеркале. Может, увижу тебя, когда закрою глаза? Напрасно жду. Зеркало – мутное стекло. Опять одна. Не плачь, сердце. Не верь, не жди. Вижу дождь теперь в зеркале. Ты не вернёшься. Без тебя мой день – как осколок стекла. Есть я, а рядом нет тебя. Плачет моё сердце тебе вслед.

ЕСЛИ БЫ

Ты – причина моих бессонных ночей. Моё сердце потеряло покой, им овладела тоска по тебе. Хочется стать твоей тенью. Держать тебя невидимой рукой, ходить рядом, купаясь в счастье. Светом своей любви озарять твой жизненный путь. Хочется стать твоим небом. Тёмной ночью яркой звёздочкой охранять твой сон. Хочется стать дождём, смыть все твои печали. Если бы ты был моей судьбой.

Сафарби БЕЙГУГАНОВ,
член Союза писателей РФ,
академик АМАН

ДОСТОЙНЫЙ НЕ ИДЕТ ПО СЛЕДАМ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ
Эссе об отце и сыне – Мусаби и Мухамеде Хафицэ

Основоположник и лидер Раннего Адыгского Ренессанса

Видному общественному и культурному деятелю адыгов Мухамеду Мусабиевичу Хафицэ исполнилось 75 лет. Этому юбилею посвящено немало по объему и разнообразию публикаций. Однако, будучи разрозненными, они не создают цельной картины всего облика нашего известного соотечественника. Желанием восполнить этот пробел продиктовано предлагаемое вниманию читателей это публицистическое исследование.

Проложить себе дорогу и достойно идти по ней до конца дано немногим. Удел большинства людей – передвигаться по замкнутому кругу суетливой толпой, «не бросивши векам ни мысли плодовицей, ни гением начатого труда» (М. Ю. Лермонтов). Говоря словами Конфуция, «достойный человек не идет по следам других людей».

В духе великого китайского мудреца достойным человеком сумел стать Мухамед Хафицэ. Именно поэтому он включен в Адыгскую Энциклопедию (Москва, 2006 г.), в биографическую энциклопедию успешных людей «Who is who в России» (Швейцария, Верлаг, 2011), в энциклопедию «Пионеры Всемирной истории (Нальчик, 2015), «Панорама мировых имен: вершины в оригинальных терминах» (Нальчик, 2021). Статьи о нем сообщают: «Видный кабардинский общественный и политический деятель – один из первооткрывателей адыгской диаспоры и основное её связующее звено с исторической родиной». «При советской власти, когда официальная пропаганда категорически замалчивала правду о Кавказской войне и ее беспримерные трагические последствия для адыгов (черкесов), когда отсутствовала гласная связь исторической родины с соотечественниками, разбросанными по странам и континентам, М. М. Хафицэ проявил бесстрашие, свойственное героическим предкам народа и, рискуя своей репутацией, сумел шаг за шагом пробить брешь в южный фасад железного занавеса и, по существу, стать первым глашатаем адыгской диаспоры». Пожалуй, этим сказано главное о нашем достойном соотечественнике.

История адыгов богата людьми, на долю которых выпало трудное, но престижное счастье вписать свое имя прописными буквами в судьбу родного народа. Вспомним последнего валия и первого председателя Временного суда Кабарды Кушука Жанхотова (умер в 1830 г.). В неглас-

ном дипломатическом поединке с суровым проконсулом Кавказа А. П. Ермоловым ему удалось удержать народ от губельного противостояния с царским самодержавием. Последним представителем древнего типа кабардинских князей русская администрация признала князя Атажуко Атажукина (умер 22 февраля 1868 г.), одного из основателей малой родины М. Хафицэ – с. Заюково. О нем в архивном источнике отложилась запись: «Со смертью же и этого представителя останется ничего не значащий княжеский титул». Ценность Атажуко Атажукина в истории Кабарды и, можно сказать, будущего всех адыгов, как отмечено официально в том же документе, в том, что «его пример и влияние удержало кабардинцев от общего выселения в Турцию». Основополагающую роль сыграл и Шора Ногмов – первый кабардинский историк. Немало адыгов, проявивших себя первопроходцами в науке и искусстве, спорте и других сферах.

В ряду выдающихся современных адыгов, оказавших заметное влияние на возрождение самосознания народа, особое место принадлежит Мухамеду Хафицэ. Об этом недвусмысленно говорят отзывы о нем видных современников, обыкновенно скупых на высокие эпитеты: «Издания моего друга стали мостом, соединяющим адыгов, в каком бы уголке мира они ни жили» (*Исхак Маишбаи*); «Ты разбудил диаспору» (*Али Чурей, хеттолог. Стамбул*); «Не забуду доброты, твоего участия и твоей огромной дружбы, которой ты одариваешь весь абхазский народ» (*Баграт Шинкуба*); «Его космическая энергия» (*Лейла Бекизова, председатель правления СП КЧР, доктор филологических наук*); «Человек, ниспосланный Богом адыгам» (*Адам Нахушев, первый президент Адыгской международной академии наук*); «Связующее звено прошедшего, настоящего и будущего» (*Увжуко Тхагапсов, поэт, главный редактор газеты «Черкес хэку»*); «Герой нашего времени» (*Мухадин Кишев, художник, Кадиз, Испания*); «Посол доброй воли» (*Светлана Моттаева, балкарский поэт, публицист*); «Он памятник воздвиг себе нерукотворный» (*Борис Утижнев, драматург, поэт*); «Редактор и журналист высочайшего класса» (*Жамал Аттаев, публицист, главный редактор газеты «Заман»*); «М. Хафицэ – человек, который сделал себя сам, построил свой дом, свой мир» (*Виктор Котляров, книгоиздатель, писатель*); «Глашатай адыгов» (*Анзор Нибо, главный редактор газеты «Шапсугия»*)...

Неполный перечень приведенных высказываний, знающих цену своему слову авторитетных представителей адыгов, балкарцев и русских, в достаточной степени дают основание сформулировать роль и место Мухамеда Хафицэ в адыгском мире как основоположника и лидера Раннего Адыгского Ренессанса.

Беспристрастное знакомство с жизнью и деятельностью Мухамеда Хафицэ, надеюсь, убедит даже ко всему скептически настроенного человека в справедливости данных ему оценок.

Генеалогические сведения о роде Хафицэ

Генеалогия рода известна по скупой информации М. Хафицэ: «Наша фамилия – это небольшая веточка от рода Шомаховых, нас вообще немного, всего десять семей в Кабардино-Балкарии, примерно столько же в Карачаево-Черкесии, тамошние Хафицэ – абазины. Несколько семей наших однофамильцев проживает в кабардинских аулах Адыгеи – Блечепсине и Кошехабле».

Тамга рода Хафицэ

В посемейном списке селения Верхнее Атажукино за 1905 год отмечены три семьи Хафицэ: Давай Жамботович в возрасте 42-х лет и четыре души женского пола, Шухайб Жамботович – 49 лет отроду, его сыновья Каншоуби – 10 лет, Абдулсалам – 6 лет и Хамид, которому исполнилось 4 года. Таблеш Хатокшукович – 49 лет, сыновья его: Муса – 29 лет отроду, Атаби – 21 года и женского пола 3 души. Относительно Атаби сделана запись: «Состоит под судом за многие разные дела и выдан обществом для ссылки в Сибирь» (ЦГА КБР, ф. № 6, оп. 1, д. 703, т. 1).

В архивном фонде фамилия известна с XIX века. Один из ее носителей встречается как участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг. По предписанию главнокомандующего Кавказской армией исполняющий должность командующего войсками Терской области генерал-адъютант А. П. Свистунов 25 января 1877 года издал приказ о формировании из туземного населения Терской области двух шестисотенных полков. В список 2-й сотни Кабардино-кумыкского конного-иррегулярного полка вошел всадник Гула Хафицэ.

Хафицэ проходил по селению Мисостово (ныне – Урвань). Сотня выступила из Нальчика 27 февраля 1877 года и 17 апреля прибыла в Тифлис. Зачислена в состав главных сил корпуса, действовавшего на кавказско-турецкой границе и направилась в город Александрополь.

Действия Хафицэ на фронте неизвестны, но война имела положительное значение – сыграла роль в освобождении болгар от многовекового Османского ига.

Революционер

Борцом за свержение царизма и активным участником Гражданской войны был Атаби Таблешевич Хафицэ.

В Центре документации новейшей истории КБР о нём есть такие сведения. Во время Первой мировой войны находился на турецком фронте. В 1918 году в Георгиевске добровольцем вступил в Красную Армию. Участвовал в боях под Георгиевском, Пятигорском и станице Зольской. В 1919 году расстрелян белогвардейцами в селении Заюко-

*Мусаби Хафицэ,
1982 г.*

во. Сведения о ратном пути Атаби Таблешевича давали: Кипов Альюр Забиевич, бывший красноармеец, Шерхов Матгери Бекмурзович и Купов Теуваж Гулович, оба члены сельского совета, Калмыков Барасби, секретарь ячейки ВКП (б). Эти данные подтверждены объединенным собранием членов сельского совета, бедноты и ячейки ВКП (б) с. Заюково 2 июля 1928 года.

Атаби Хафицэ был захвачен белыми в немогущем состоянии – болел тифом. Весьма ценная информация из его революционного времени:

«Принимал активное участие в призыве к свержению царизма и первым выступил против белых, призывал к борьбе (ЦДНИ КБР), ф. п. 25, оп. 1, д. 92). Эти факты из биографии А. Хафицэ ставят его в один ряд с теми редкостными кабардинцами, которых можно признать революционерами. Лично мне известен лишь один человек, которого следует считать революционером – Тембот Ахохов. Вероятно, с революционными идеями Атаби Таблешевич познакомился во время его ссылки в Сибирь.

Семейное положение Хафицэ накануне смерти: у него осталась престарелая мать Жужек Бахшиевна. Ей было 80 лет.

«Буржуазный националист»

Во второй половине XX века в роду наибольшую известность получил Мусаби Даваевич Хафицэ. Он избирался секретарем комсомольской организации села, председателем Заюковского сельского совета Эльбрусского района. Занимал должность зам. председателя колхоза имени Кирова. В качестве председателя исполкома сельского совета опубликовал большую статью в газете «Кабардинская правда» (28.06.1951 г.) под заголовком «Постоянная комиссия – активный помощник сельского совета». Об объеме и качестве работы, выполняемой Советом под руководством его председателя, можно судить по делам одной из многих комиссий – той, которая отвечала за состояние сельского хозяйства.

Спустя шесть месяцев после публикации, 28 января 1952 года, бюро Эльбрусского райкома ВКП (б) утвердило Хафицэ председателем Заюковского сельского Совета. Анкетные его данные: 1923 года рождения, член ВЛКСМ с 1944 года, комсомольский билет № 189 18409 (ЦДНИ КБР, ф. п. – 29, оп. 1, д. 163).

В ЦГИ КБР отложился документ, свидетельствующий о должностных перемещениях Хафицэ. Заседание правления колхоза «Путь к коммунизму» (с. Заюково), состоявшееся 11 апреля 1956 года, заслушало вопрос: «О назначении бригадиров по отраслям хозяйства и о назначе-

нии бухгалтера колхоза». Правление постановило: назначить заместителем председателя колхоза Мусаби Даваевича Хафицэ, бригадиром огородной бригады Гису Хацукова (*ЦГА КБР, ф. п. – 1164, оп. 1, д. 136*).

Чуть позже Хафицэ находится на более скромной должности. Эльбрусский РК КПСС на заседании бюро от 14 мая 1959 года рассмотрел вопрос «о переводе его бригадиром полеводческой бригады колхоза имени Кирова».

Заместителем председателя правления колхоза Мусаби Даваевич становится в 1962 году. Этот факт выясняется из материалов Эльбрусского РК КПСС, относящихся к первой половине 60-х годов. Так, 13 июня 1962 года райком утвердил решение первичной партийной организации колхоза «Заюково» от 20 мая 1962 года о приеме Хафицэ кандидатом в члены КПСС. Анкетные данные на тот период: образование неполное среднее, заместитель председателя колхоза «Заюково». Хафицэ дали рекомендации Асланби Согов, Мухамет Токмаков и Кишуко Караев.

М. Д. Хафицэ занимал самые ответственные должности в Заюково. Однако его жизненный путь сложился небезоблачно. Мусаби Даваевич был однажды арестован. Причина ареста и связанные с ним действия властей содержатся в официальной бумаге. Речь идет о протоколе заседания бюро Эльбрусского РК КПСС, состоявшегося 3 февраля 1953 года. В тот день был заслушан вопрос: «Хафицэ Мусаби Даваевич, рождения 1923 года, член ВЛКСМ с 1944 года, по национальности кабардинец, по социальному происхождению из крестьян, работает председателем Заюковского сельского совета.

Суть дела: Хафицэ М. Д., присутствуя на вечере 6 ноября 1952 года в квартире зав. райсберкассой Журбинова, в частности, доказывал, что присутствие женщин среди мужчин за столом есть отживший русский обычай».

Расценивая заявление Хафицэ как проявление буржуазного национализма, бюро РК КПСС постановляет: «1. Хафицэ Мусаби Даваевича с работы председателя сельского Совета снять, а материалы направить судебно-следственным органам для дальнейшего расследования и при-

*Амин Афашиж (поэт, композитор, исполнитель из Турции),
Мусаби Хафицэ, водитель,
Мухамед Хафицэ. 1982 г.*

влечения его к уголовной ответственности. 2. Предложить бюро Эльбрусского РК ВЛКСМ обсудить на своем заседании вопрос о пребывании Хафицэ в рядах ВЛКСМ. 3. Рекомендовать колхозникам колхоза имени Кирова, выставившим Хафицэ кандидатом в депутаты сельского и районного Советов депутатов трудящихся, решить на своем собрании вопрос об отзыве Хафицэ из состава кандидатов в депутаты сельского и районного Советов, выставив кандидатом в депутаты другую кандидатуру. Поручить тов. Татимову принять участие в проведении собрания колхозников колхоза имени Кирова».

Дело «буржуазного националиста» Хафицэ получило широкий резонанс в Эльбрусском районе. Об этом говорит следующий пункт постановления: «Обязать отдел пропаганды и агитации РК КПСС усилить работу среди населения района по интернациональному воспитанию, также практиковать чтение лекций, докладов и проведение бесед о дружбе народов СССР, о прогрессивной роли русского народа в жизни кабардинского народа, о ленинско-сталинской национальной политике и другие. Поручить тт. Кушхову, Бесланееву, Татимову выступить с докладом перед колхозниками района по вопросу интернационального воспитания» (*ЦДНИ КБР, ф. п. – 229, оп. 1, д. 176*).

Тот самый вечер проходил в частном доме. Мусаби Даваевич, воспитанный на строгих патриархальных устоях в полном соответствии с нравственным кодексом народа, отрицательно воспринимал навязываемое кабардинцам новшество, согласно которому за одним пирушественным столом сидели мужчины и женщины.

При своем скромном материальном положении Хафицэ не относился к категории буржуазии, а его поступок при объективном рассмотрении не может считаться национализмом. Более того, он вызывает уважение тем, что, находясь на посту первого должностного лица в прославленном Заюково – родине трех Героев Социалистического Труда, призванного осуществлять вопросы воспитания и обучения подрастающего поколения и успешно справляющегося со своими сложными обязанностями, отважился выступить против кавалерийского наскока на морально-нравственные основы народа древней культуры, что, кстати, соответствовало и ленинской национальной политике. Однако ярлык был наклеен гостю застолья и бесхребетное районное руководство, чтобы не раздуть пожар, решило принести в жертву активного комсомольца в возрасте 30-ти лет и по-настоящему ответственного работника.

Хафицэ не считал себя единственным поборником традиций кабардинцев. Мусаби Даваевич не исключал реальной возможности того, что его могут посадить на долгий срок. Суд счел возможным отправить М. Д. Хафицэ за решетку на полтора года. Ясно, что следствие не усмотрело в действиях обвиняемогоотягчающих вину обстоятельств. Замечу также, что Хафицэ, можно сказать, стал одним из тех, кто на-

последок пострадал от режима вождя народов. Со дня заседания бюро Эльбрусского РК КПСС, считая с 3 февраля 1953 года, И. В. Сталину оставалось жить чуть более месяца.

Подводя итог изложенному, следует заключить: М. Д. Хафицэ, пожалуй, был единственным в республике, кто на уровне председателя исполкома сельского Совета имел бесстрашие открыто выступить в защиту национальных традиций и понес за это наказание.

Мусаби Даваевича отличали не только способности организатора и хозяйственного руководителя. Он был еще и знатоком устного народного творчества адыгов, что привлекало внимание известных фольклористов и деятелей сценического искусства. В их числе Заур Налоев, Зарамук Кардангушев, Абубекир Гукемух, Люта Алоев и Хаждал Кунижев. Бесспорно, что благодаря рассказам Мусаби Хафицэ история фольклора адыгов обогатилась замечательными сюжетами.

Начало пути первопроходца

Мухамед Хафицэ родился в селении Заюково 30 марта 1946 года в браке Мусаби Даваевича и Бабцины Дзадзуевны Гошковой.

Уже в раннем возрасте Мухамед познал тяготы жизни. Малолетним пацаном он на полтора года, когда отец сидел в тюрьме по политическим мотивам, стал единственным мужчиной в многодетной семье. Об этой поре он вспоминает: «Мне было лет 7-8. И я, конечно, пахал, потому что надо было помогать матери. Тащил дрова из леса на своей спине или возил на санях».

В определении жизненных ориентиров М. М. Хафицэ основополагающую роль сыграл отец Мусаби, воспитанный в духе жестких рамок адыгского этикета и не позволявший своему первенцу и единственной надежде в старости каких-либо отклонений от морали предков.

Однако своим непосредственным учителем Мухамед считает преподавателя родного языка Нурби Жилиева. В организованном им школьном кружке по краеведению он занимался с 7 класса. Принимал активное участие в Пятигорском конкурсе в честь 150-летия со дня рождения Михаила Лермонтова. М. Хафицэ стал победителем этого престижного северокавказского состязания. В старших классах раскрылись его артистические способности. В составе Заюковской художественной агитбригады был удостоен звания лауреата Всероссийского смотра в Москве (1964 г.).

Юные мечты редко совпадают с тем, что ожидает человека на

*Мухамед в Москве,
1964 г.*

жизненном пути. В школьные годы Мухамеду нравилось петь песни, но страстным его желанием было стать живописцем. Ему хотелось поступить в художественное училище. Не получилось – такова была воля непреклонного Мусаби. Тем не менее, до сих пор порывы песнопения овладевают им, а любовь к рисованию не покинула его – продолжал рисовать более двадцати лет. Хотя М. Хафицэ не стал профессиональным художником, черта творческой натуры впоследствии сыграла позитивную роль – стала побудительным мотивом в организации различных художественных выставок в Национальных музеях КБР и КЧР.

Об уровне профессионализма Хафицэ-рисовальщика можно судить по его высказываниям на эту тему: «Если я делаю художникам замечание, они удивляются: чего он лезет?! А я “лезу” потому, что немного в этом понимаю. Делаю замечания даже народному художнику Адыгеи, моему любимому художнику Феликсу Петувашу. А уж Германа Паштова в молодые годы ругал и говорил, что он плохо рисует. Берёт техникой, а для графика и живописца самое главное – это рисунок. А вот его сын Алим Пашт-Хан – великолепный рисовальщик. Я считаю, что художник прежде всего должен научиться рисовать, ну, по крайней мере, уметь изобразить человека в любой позе».

Творческая деятельность М. Хафицэ продолжилась и в студенческие годы. На четвертом курсе, в возрасте 22 лет, ему доверили должность главного редактора газеты «Университетская жизнь». Ректор КБГУ Камболат Керевов дал ему разрешение на свободное посещение лекций. Молодому редактору удалось добиться увеличения объема газеты и заинтересовать читателей разнообразием публикаций на русском, кабардинском и балкарском языках.

В 1972-1973 годах Мухамед отдал долг родине. Нёс службу в рядах Вооруженных сил СССР в городе зернограде Ростовской области в должности заместителя командира взвода.

На общественной сцене

По сведениям М. Хафицэ, информация о черкесском зарубежье впервые прозвучала в 1957 году, когда в Москве проходил Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Тогда же отмечалось и 400-летие присоединения Кабарды к России. Наша делегация в те дни встретилась в столице СССР с представителями адыгской диаспоры в Сирии.

В книге М. Хафицэ «Разбросаны адыги по белому свету» об этом периоде сказано: «Первыми правду о своей исторической родине услышали черкесы, проживавшие в Сирии. Способствовало этому проведение в 1957 году в Москве Всемирного фестиваля молодежи и студентов. На этот форум Кабарда послала большую делегацию. Таким

образом, в Москве нашли друг друга расставшиеся сто лет назад адыгские братья и сестры».

Памятным событием для Мухамеда Хафицэ стал 1965 год. Об адыгах за рубежом он узнал на первом курсе КБГУ из письма, пришедшего из Турции. Его автор, Ибрагим Алхас (Абазэ), дед которого в 1904 году выселился из Хапцево, предлагал начать переписку с исторической родиной, но он не был уверен, что сохранились на ней адыги. С этого события, внешне неприметного для многих сверстников Мухамеда, началась активная фаза его «одиссеи».

Так между ними завязалась заочная дружба. «К сожалению, наши страны тогда были закрыты, и выехать за рубеж мы смогли только через несколько лет», – писал М. Хафицэ в 1970 году.

Хождение по мукам первопроходца Мухамед начал в 1969 году с поездки в Сирию и Ливан в составе туристической группы, которую возглавил известный журналист Чамал Кясов. В неё входили писатель Исхак Машбаш, учёный Аскер Гадагатль, драматург Гиса Схаплок, сын просветителя Нури Цагова – Хабиж и др. Спустя два года М. Хафицэ совершил поездку в Турцию вместе с Хачимом Кауфовым и Султаном Шомаховым. Это была первая из КБР туристическая поездка в эту страну. Впоследствии все названные спутники Хафицэ и Машбаша по различным причинам сошли с «дистанции» – они вдвоем продолжили путь в мир адыгской диаспоры.

Вспоминая свою поездку в Турцию и атмосферу торжественного приема, оказанную той делегации, Мухамед вспоминает: «Можно считать, что это время положило начало сближению черкесов за рубежом с адыгами на исторической родине. До этого они о нас ничего достоверного не знали».

Начальный этап знакомства М. Хафицэ с соотечественниками в других странах Ближнего Востока отмечен видным служителем религиозного культа репатриантом Мухамед-Хайром Хуажем: «Первым человеком с исторической родины, которого увидели адыги из Сирии и Иордании, был чрезвычайно деятельный и пользующийся большим уважением у соотечественников Мухамед Хафицэ».

По авторитетному свидетельству Мухамед-Хайра, М. Хафицэ был

С гостями из США, вместе с Багратом Шинкуба. Сухум, 1990 г.

ориентиром первых адыгов, вернувшихся на родину предков. Он им оказывал всяческую поддержку, часто бывало, что они гостили у него дома месяцами. «В каждом из нас, кто хоть раз сталкивался с этим человеком большой души, он навсегда оставил чувство глубокого почтения к нему», – такие слова, полные искренней благодарности, звучат о первопроходце из всех уголков мира, где проживают адыги, а их насчитывается 53 страны.

Впечатляет география странствий Мухамеда Хафицэ: Болгария, Румыния, Израиль, Кипр, Иордания, Китай, Ливан, Сирия, США, Турция, Германия, Франция, Япония... Хафицэ – главное связующее звено между адыгами, разбросанными по всему свету не только в том смысле, что он знакомится с ними лично. Побывав почти во всех странах компактного проживания соотечественников, он собрал бесценный материал о наиболее выдающихся деятелях различных сфер общественного сознания. Всего их насчитывается около 3000 персоналий! В их числе: прима-балерина французского театра «Гранд Опера», скульптор, писатель и киноактриса Людмила Черина (Щэмырзэ Моникэ); героиня Франции, командор ордена Почетного легиона Эльмесхан Хагундокова; доктор филологии, критик, сирийская писательница Надия Хост; талантливый иорданский ученый, доктор антропологии, профессор Сатаней Шами; египетская киноактриса Мариам Фахреддин – потомок черкесских мамлюков; классик французской литературы в эпистолярном жанре Шарлотта-Элизабет Аиссе; великая ливанская певица Фейруз; знаменитая малокабардинская гармонистка Абида Умар (Амман); австрийский поэт Кундет Шурдум; «эмир арабских поэтов» Ахмед Шауки (Египет); крупный кавказовед Айтек Намиток (Турция); доктор юриспруденции, видный деятель черкесского зарубежья Хайри Думаниш (Турция); «бог борьбы», чемпион Олимпийских игр 1948 г. Яшар Догу (ГьукГэ); видный египетский политический деятель, борец за мир, публицист Халед Мохид-Дин (Жэмбей); министр иностранных дел, председатель Меджлиса, и. о. Президента Турецкой Республики Ихсан Сабри Чаглыянгийль (Хьунэжь)...

Перечень всех имен занял бы много страниц. 200 великих адыгов из них отмечены в биографическом словаре М. Хафицэ «Кто есть кто в черкесском зарубежье» (*Нальчик, 2022 г.*). Они показывают широкую панораму деятельности видных сынов и дочерей черкесского зарубежья, о которых также не знали на исторической родине. В книгах М. Хафицэ рассказывается также об известных адыгах, живущих на родине предков. Представители черкесской диаспоры имеют возможность узнать об их достижениях.

Постоянной составной частью деятельности М. Хафицэ было и остается укрепление связей с диаспорой. Газета «Черкес хэку» в номере от 17 августа 2002 года информировала читателей о том, что

Международная Черкесская Ассоциация и Адыгэ Хасэ КБР уже второй год приглашают детей из Сирии и Иордании. В том году 22 человека прибыли в Нальчик, для них были организованы экскурсии по достопримечательностям республики, а перед этим дети посетили выставку Мухамеда Хафицэ «Адыгэ хэхэсхэр» («Черкесское зарубежье») и сфотографировались на память на площади 400-летия присоединения Кабарды к России.

Как уже отмечено, установление и поддержание все более новых тесных контактов между всеми адыгами – несменяемая повестка для Хафицэ. Выставка «Черкесское зарубежье» призвана служить этой святой цели. Она открылась в Нальчике 20 мая 2002 года. Её пригласительный билет сообщал: «Международная Черкесская Ассоциация и общественная организация «Къэбэрдей Адыгэ Хасэ» приглашают Вас на открытие выставки «Черкесское зарубежье», которое состоится в Национальном музее КБР».

Выставка вызвала повышенный интерес у посетителей. Газета «Горянка» писала: «Предполагалось, что выставка завершит свою работу 20 июня, но, как сказал генеральный директор музея Бетал Керефов, её решено продлить до 25 августа. Экспозиция пользуется большим интересом со стороны наших посетителей. Ежедневно здесь бывает много людей, особенно молодежи – школьников, студентов».

Выставку 20 июня посетили Президент КБР В. М. Коков, председатель палат Парламента республики Заурби Нахушев и Мурадин Туменов. На выставке были представлены экспонаты, собранные Мухамедом Хафицэ за 35 лет (с 1967 г.), и включали живопись, графику, скульптуру, книги, периодические издания черкесского зарубежья, флаги, карты, фотографии и рекламные афиши адыгских ансамблей разных стран. Это была вторая выставка М. Хафицэ. Первая была организована в том же музее на основе собранных им экспонатов ещё в 1992 году, однако теперешняя отличалась несравненно более богатой экспозицией.

Официальные лица провели в зале музея больше часа. Делясь своими впечатлениями об увиденном, Валерий Коков сказал: «Мухамед, ты выставил здесь не свои картины или скульптуры – ты выставил свое отношение к истории родного народа. В этом оригинальность самой попытки выставки и, мне кажется, что эта попытка увенчалась успехом. Я искренне поздравляю тебя с этой замечательной выставкой и

С Валерием Коковым, 2003 г.

по-братски благодарю за кристальную преданность памяти предков, их истории, за подлинный патриотизм во имя будущего адыгов».

Вместе с тем, будучи мудрым политиком, В. М. Коков сделал пожелание: «Надеюсь, на следующей выставке будет глубже преподнесена история адыго-русских отношений». Прощаясь, Валерий Мухамедович записал в книге отзывов: «С чувством безмерной признательности за искреннюю преданность памяти народа, истории соплеменников и с огромной благодарностью за безграничный патриотизм воспринимается данная выставка. Желаю автору-устроителю успехов в нескончаемом творческом поиске во благо нашего народа».

В продолжение темы нужно сказать, что у Мухамеда Хафицэ есть давняя мечта – открыть в Нальчике музей «Черкесское зарубежье». Корреспонденту газеты «Горянка» Алене Таовой он в этой связи сказал: «Я шесть раз организовывал выставки в Национальном музее КБР и один раз в Черкеске, посвященные черкесскому зарубежью. В моей личной коллекции около 20 тысяч экспонатов, которые я безвозмездно подарил бы родной республике. За границей проживает 90 процентов адыгов, и у них очень много интересных материалов. Уверен, многие из них с готовностью пополнили бы коллекцию музея, созданного на государственной основе. Есть возможность открыть подобный музей в КЧР, Адыгее, за границей. Но хочется, чтобы весь собранный десятилетиями материал остался в родной республике. Надеюсь, моя мечта воплотится в жизнь».

Как бы подводя некоторый итог подвижническому служению М. Хафицэ, возрождению, казалось, навсегда прерванных крупными международными событиями связей между диаспорой и исторической родиной адыгов, профессор, вице-президент АМАН Лейла Бекизова писала: «Без доказательного материала, сосредоточенного в таких первых по заявленной теме публикациях Мухамеда Хафицэ... сегодня нельзя обоснованно говорить о восстановлении целостной судьбы народа в его историческом и культурном аспектах. Весь поисковый путь М. Хафицэ отмечен чертами, присущими Прометею адыгского эпоса Сосруко»...

Представляется ценным и отзыв профессора КБГУ Мухамеда Апажева. Он характеризует своего бывшего студента как «человека с большим тактом, журналистом со знаком качества, писателя со своим тавром, исследователя «со своей посадкой в седле», народного дипломата, открывшего нам и всему миру черкесское зарубежье и на наших глазах значительно раздвинувшего адыгский мир».

Шестидесятник

В историю русской художественной литературы и искусства 60-е годы XX века вошли как эпоха «шестидесятников». Под этим терми-

ном, прежде всего, подразумеваются Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Михаил Шемякин, Белла Ахмадулина, Инна Кашежева... Андрей Вознесенский – участник памятной встречи Н. С. Хрущёва с интеллигенцией, состоявшейся 7-8 марта 1963 года в Свердловском зале Кремля – вспоминал: «Крыть мой термин «вертикальное поколение» (Пушкин, Лермонтов, Маяковский, Пастернак, Ахмадулина. – С. Б.) начала первой, кажется, В. Василевская. Зал не очень-то понял, но возмутился... Но едва я, волнуясь, начал выступление, как меня сзади из президиума кто-то стал перебивать... Я обернулся. В некоторых метрах от меня вопило потное, искаженное злобой лицо Хрущёва... «Господин Вознесенский! Вон! Вы клеветецете на Советскую власть! Катитесь к такой-то матери из страны! Вон!»

С известным адыгским писателем Михаилом Лохвицким в мастерской скульптора Гиды Бжеумьхова. Нальчик, 1987 г.

Шемякину было не слаще: «Помню, в 1964-м мои работы были на выставке в Эрмитаже. Так её на второй день закрыли, сняли с работы директора Эрмитажа Артамонова, а работы арестовал КГБ. Нас, участников выставки, объявили идеологическими диверсантами». (*Вознесенский Андрей Андреевич. Аксиома самоиска. М. 1990, с. 172-173; Михаил Шемякин. Фантастика реальности. Составитель М. М. Хафицэ, Нальчик, 2008, с. 59*).

Субкультура русской советской художественной интеллигенции имела место и у кабардинцев. Она проявила себя в форме скрытой оппозиции к режиму личной власти, называвшейся Советской властью. Этот эпизод из биографии Мухамеда Хафицэ нашел беглое отражение в одной публикации. В ней читаем: «В университете М. Хафицэ стал редактором открытой впервые за 50 лет Советской власти, выходившей на кабардинском языке стенгазеты «Адыгэ хасэ». Однажды «редакцию» пришлось утихомиривать солидным «компетентным» деятелям. М. Хафицэ по этому поводу рассказывает: «Пришли дяди из КГБ, МВД, из обкома партии, пришли солидные профессора – воспитывать нас, а точнее – вывернуть нам руки, чтобы мы «не ушли в национализм». Упрекали, что мы не тем занимаемся, не то делаем, не то говорим. Нас человек десять, и их – столько же» (*«Советская молодежь». № 12, 30 марта 2016 г.*).

Конкретный диалог высокопоставленных деятелей и студентов во главе с редактором стенной газеты «Адыгэ хасэ» Мухамедом Хафи-

цэ – тема специального исследования. Здесь отметим лишь то, что он мог быть приблизительно таким, каким были воспоминания Андрея Вознесенского и Михаила Шемякина (Карданова). Лично помню, что, например, в 1962-1964 годах Сергея Есенина читали в узком студенческом кругу. В этой среде был популярен Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский и др. Внутренний оппозиционный настрой, можно сказать, сохранился в душе Хафицэ-шестидесятника, но ему удалось сдерживать его порывы в умеренном духе, что, в конечном счете, сыграло позитивную роль.

Народный депутат Верховного Совета КБР

Газета «Кабардино-Балкарская правда» в номере от 3 января 1990 года опубликовала сведения о выдвижении кандидатов в депутаты Советов всех уровней. В публикации отмечено: «В последние дни первого этапа выборной кампании наблюдался бурный всплеск активности избирателей: в рекордно короткий срок проведены многочисленные собрания в трудовых коллективах, по месту жительства граждан по выдвижению кандидатов в народные депутаты РСФСР, Верховного Совета КБАССР и местные Советы. Претендентов значительно больше, чем мандатов». Относительно М. Хафицэ сказано: «Пленум Правления Союза журналистов КБАССР выдвинул кандидатом в народные депутаты Верховного Совета республики по Кировскому избирательному округу № 10 ответственного секретаря журнала «Политическая агитация» Мухамеда Мусабиевича Хафицэ». Журнал издавался идеологическим отделом Кабардино-Балкарского обкома КПСС. Окружная избирательная комиссия, рассмотрев поступивший в комиссию протокол о выдвижении Хафицэ кандидатом в народные депутаты Верховного Совета КБАССР и заявление кандидата о согласии баллотироваться по указанному округу, постановила зарегистрировать его в соответствии с законом КБАССР».

Программа кандидата в депутаты М. Хафицэ отличалась отсутствием популистских обещаний и в то же время в полной мере отвечала насущным потребностям избирателей. Газета «Кабардино-Балкарская правда» 2 марта 1990 года опубликовала основные положения его программы. Автор содержательной статьи «От Союза журналистов» Анна Жильцова обнародовала выдержки из планов Мухамеда Хафицэ в его формулировке: «Я однозначно за исключение из Конституции СССР шестой статьи, за политический плюрализм. Необходимо разработать и принять Закон о партиях, общественных организациях».

Касаясь международных проблем, Мухамед Хафицэ писал: «Я давно занимаюсь историей русско-адыгских отношений XVI-XIX веков и могу с уверенностью сказать: точек соприкосновения, общности в этих отношениях в давние времена и сегодня много больше, чем причин для

конфронтации. Возможно, я буду излишне резок, но считаю – разжигание межнациональной розни – это преступление против отдельного народа, это преступление против человечности, а значит – человечества».

Программа кандидата включала такие давно назревшие проблемы, как строительство в микрорайоне дополнительного школьного здания, нового детского сада, ограничение строительства жилых зданий в густо заселенном районе, помощь многодетным и малообеспеченным семьям, инвалидам. В программе содержались пункты по духовному и нравственному возрождению общества. Статья знакомила избирателей с энергичной и неутомимой деятельностью кандидата, направленной на улучшение благосостояния советского человека, приводились данные о многочисленных публикациях М. Хафицэ, в том числе о соотечественниках за рубежом, дружбе и братстве народов Северного Кавказа.

Итоги выборов были обнародованы 7 марта 1990 года. Окружная избирательная комиссия сообщила, что по Кировскому избирательному округу № 10 победу одержал М. Хафицэ. Став депутатом Верховного Совета КБАССР, Мухамед Мусабиевич прилагал немало усилий к тому, чтобы претворить в реальные дела предвыборные обещания. Это приводило к возрастанию его авторитета и влияния на общественно-политическую жизнь республики, укреплению связей с адыгским зарубежьем.

Тхамата ОО «Адыгэ Хасэ» КБР – народный дипломат

Хасэ – один из древнейших адыгских терминов. Об этимологии слова ведутся споры, но тот факт, что оно встречается в адыгском нартском эпосе, говорит в пользу его принадлежности к лексике древнейших предков нашего народа.

В феодальный период Хасэ являлась единственным сословно-представительным институтом власти. С течением времени ее функции претерпели неизбежные изменения, и в нашу эпоху она представляет собой общественную организацию, которая занимается сохранением и развитием языка, традиций, культуры. В стране Хасэ возродилась в ходе перестроечных процессов и стала заметной структурой гражданского общества.

28 июля 2000 года в Нальчике состоялся внеочередной съезд общественного объединения «Адыгэ Хасэ» КБР. На нем тхаматой был единогласно избран Мухамед Хафицэ.

В этой связи вспоминается один эпизод. Не секрет, что кандидатура на ту или иную общественно-значимую должность, как правило, обсуждается кулуарно и в частном порядке. Накануне избрания М. Хафицэ тхаматой Адыгэ Хасэ ко мне в Архивную службу КБР позвонил мой друг профессор Хасан Думанов, работавший в то время директором Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований и по

совместительству – советником Президента республики. Он спросил: как я отношусь к кандидатуре Мухамеда Хафицэ на должность тхамеды Адыгэ Хасэ КБР. Я сказал, что лучшей кандидатуры невозможно себе представить. Об этом разговоре можно было здесь промолчать по моральным соображениям, но он уместен как свидетельство моего давнего глубокого уважения к неутомимой подвижнической деятельности М. Хафицэ, направленной на консолидацию всех здоровых слоев общества, на укрепление связей между всеми адыгами мира.

Ситуация, сложившаяся в республике с точки зрения ее стабильности, была непростой. Она довольно обстоятельно отмечена в развернутой статье Мухамеда Хафицэ «Лъэпкъ гупсысэм щхьэхуещагъэ езэгъыркъым» («Национальное сознание не терпит корысти»), опубликованной в газете «Адыгэ псалъэ» в номере от 14 апреля 2001 года.

Более сжато ее содержание изложено М. Хафицэ в интервью, данном корреспонденту газеты «Северный Кавказ» (2011, № 11) Луизе Оразаевой:

Вопрос: Мухамед Мусабиевич, этот съезд памятен некоторой скандальностью. Многие спрашивали, ведь уже есть Хасэ, зачем надо создавать новую?

Хафицэ дал исчерпывающий ответ: Мы не создали новое Хасэ. Мы только реформировали старое в связи с требованием Закона РФ «Об общественных объединениях».

Новый тхамеда критиковал бывших лидеров Хасэ за то, что они «вопреки уставу, переключились на политическую деятельность и встали в оппозицию к власти, тогда как народ их к этому не упломочивал».

Конфликт был разрешен в ходе судебного разбирательства, включая Верховный суд России, длившегося более 8 месяцев, в пользу нового, реформированного ОО «Адыгэ Хасэ» КБР. Его поддержал и V Конгресс Международной Черкесской Ассоциации: 57 – за, 7 – против и 17 – воздержавшихся.

С приходом Мухамеда Хафицэ у организации открылось второе ее гражданское дыхание. На этой ответственной должности он проявил себя принципиальным, но конструктивно гибким руководителем. Поддерживая необходимую связь с различными структурами власти, он делал все возможное в решении вопросов безработицы, наркомании, пьянства и др., которые всерьез не могут быть поставлены при иной позиции.

В том же номере газеты «Северный Кавказ» М. Хафицэ сообщал: «Почти каждый день ко мне обращаются до 10-15 человек. По выходным дням их число, как правило, увеличивается. Почти всем удается помочь. Но этого бы не было, если бы мы противопоставляли себя власти».

М. Хафицэ справедливо называют «послом доброй воли, который по божьей воле родился в нужное время и в нужном месте, совсем как

мессия» (*поэт, публицист Светлана Моттаева*). За Мухамедом закрепилось и другое призвание – народный дипломат. Это не означает, что он в оппозиции к власти. Его позицию, пожалуй, можно сформулировать в следующей редакции: надо, чтобы власть не допускала такой ситуации, когда народу приходится ходить в лохмотьях, но, с другой стороны, и народ не должен позволять власти обобрать себя как липку.

В статусе тхамеды ОО «Адыгэ Хасэ» КБР Мухамед Хафицэ принимает активное участие в деятельности Международной Черкесской Ассоциации (МЧА). Прежде всего, подчеркну: этот перевод далеко не соответствует оригиналу, который называется так: Дунейпсо Адыгэ Хасэ (ДАХ). Единый народ в ошибочном переводе предстает неким во множественном числе, т. е. неким сообществом народов. Правильный смысл аббревиатуры: Всемирная Адыгская Хасэ или Хасэ всех адыгов. Причем не обязательно, чтобы слово хасэ звучало в переводе. Пусть его знает весь мир – одним словом он будет богаче.

Деятельность М. Хафицэ в качестве тхамеды народного (гражданского) объединения многопланова и продуктивна. Приведу несколько примеров из множества его обращений к официальным лицам КБР и за рубежом страны. Газета «Адыгэ псалъэ» в июне 2002 года информировала читателей о том, что 8 числа этого месяца состоялась встреча М. Хафицэ с Президентом КБР В. М. Коковым. Рассказав о делах и предстоящих планах организации, Мухамед Мусабиевич обратился к главе республики с просьбой по ряду вопросов: отмечать ежегодно день рождения и ухода из жизни писателя и общественного деятеля Алима Кешокова, установить его памятник и присвоить его имя одной из главных улиц города Нальчика и других населённых пунктов КБР, учредить Госпремию имени выдающегося сына адыгской земли.

Другое предложение М. Хафицэ относилось к восстановлению исторической справедливости и возврату имени Атажуко Атажукина Нальчикскому парку. Эта мысль высказывалась и раньше и другими жителями республики. В частности, «Адыгэ псалъэ» 11 июля 1998 года опубликовало моё предложение об увековечении памяти виднейших кабардинских князей Кушука Жанхотова и Атажуко Атажукина. Возможно, М. Хафицэ помнил об этом, и с учетом ряда других просьб обратился к В. М. Кокову с предложением, в котором упоминались Шора Ногмов (место установления памятника первому кабардинскому историку пустует уже не одно десятилетие), М. Ю. Лермонтов, Бетал Куашев, классик мировой литературы Омер Сейфеддин (Хьэткъуэ), первоисходитель на Эльбрус Килар Хаширов.

М. Хафицэ 1 июля 2002 года вторично затронул вопрос об увековечении памяти Килара Хаширова. В этот раз он обратился к главе администрации города Нальчика с предложением назвать одну из улиц Нальчика и гостиницу «Интурист» именем первопроходца. «Если взять

по большому счету, – отмечалось в письме, – альпинистское движение в России начинается с этого знаменательного события 1829 года. Учитывая патриотическое и воспитательное значение затрагиваемого события для нынешнего и подрастающего поколений, общественная организация «Адыгэ Хасэ» и редакция газеты «Адыгэ псалъэ», выражая мнение ряда других изданий КБР, просят Вас оказать содействие в увековечении памяти выдающегося адыга Килара Хаширова».

По всем этим предложениям до сих пор нет удовлетворительного решения, за исключением возвращения имени князя Атажуко Атажукина Нальчикскому парку и скульптурного изображения (барельефа) М. Ю. Лермонтова. Как некогда сказал русский классик, «мы ленивы и не любопытны».

Важное обращение по факсу Мухамед Хафицэ адресовал королю Иорданского Хашимитского королевства Абдалле II бен Хуссейну 24 мая 2002 года. В нем говорится: «Ваше величество! Общественная организация кабардино-черкесского народа «Адыгэ Хасэ» обращается к Вам с надеждой и верой, что в День национального праздника Хашимитского королевства 25 мая Вы проявите присущую Вам королевскую мудрость, человеческую сопричастность, милосердие и амнистируете бывшего депутата Парламента Иордании, патриота Вашей страны Туджан Фейсал – вдову, мать двоих детей. Черкесы всего мира любят Вашего отца Хуссейна бен Талала. Многие экспонаты выставки «Черкесское зарубежье», открывшейся 20 мая 2002 года в Нальчике на основе моего личного архива, посвящены Вашей прекрасной семье – прадеду Абдалле I, деду Талалу бен Абдалле, отцу Хуссейну I бен Талалу, сыновьям Абдалле II бен Хуссейну, принцу Али бен Хуссейну и другим Вашим ближайшим родственникам, а также верным сыновьям королевства – черкесам Мирзе-паше, Саиду аль-Муфти, генералам Фоазу Бермамыту, Мухамеду Идрису, братьям Ихсану и Тахсину Шурдум, Ануару Мухамеду и другим.

Весь черкесский мир смотрит на Вас с надеждой.

С превеликим уважением к Вам тхамата ОО «Адыгэ Хасэ» КБР Мухамед Муса Хафицэ».

Письмо позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, М. Хафицэ беспокоила судьба соотечественников и за рубежом, во-вторых, вряд ли на исторической родине нашелся бы другой адыг, кто с личным знанием родословной короля Абдаллы II бен Хуссейна и имен видных государственных и военных деятелей Иордании, смог бы и при желании написать подобное обращение. Третий момент. Дипломатическое чутье подсказало тхамате Адыгэ Хасэ подписать его на арабский манер: Мухамед Муса Хафицэ.

Последствие письма было положительное. Немаловажен тот факт, что оно было написано М. Хафицэ. Возможно, и оно сыграло свою

роль. 27 июля 2002 года Туджан Фейсал получила свободу. Об этом стало известно из информации, поступившей из Аммана по факсу и опубликованной в газете «Адыгэ псалъэ» 29 июля 2002 года. В ней сказано: «Ди ныбжьэгъухэр, заухагъэм и тельхъэу къэува ди хэкуэгъу псори физгъэгъуфIэну сыхуейщ: мэкъуауэгъуэм и 27-м, Иорданием и паштыхь Абдаллэ бен-Хъуссейн и унафэкIэ, хъэпсым кърагъэкIыжаш политик цIэрыIуэ Фейсал (Егъэн) Туджан. Ди хэкуэгъур хуит къегъэщIыжынымкIэ къыддэIэпыкъуа псоми фIыщIэ ин фхудошI. *Амман щылажIэ Адыгэ ФIыщIэ Хасэм и секретарь Альэсчыр Мамдухъ».*

Творческая стезя

Вся сознательная жизнь Мухамеда Хафицэ связана с печатным словом. О первых его шагах в этот захватывающий мир газета «Советская молодежь» 30 марта 2006 года опубликовала развернутую статью Марины Кардановой. В ней сказано: «Заюковский колхоз имел около 200 гектаров, засеянных кукурузой в Куба-Табе. Школьников, как было тогда принято, часто привлекали к полевым работам. На уборке кукурузы соревновались: кто больше уберет початков. Мухамед, учившийся тогда в 6 классе и несколько раз занимавший первое место, решил написать о соревновании заметку в баксанскую районную газету «Коммунист». Заметку напечатали. И пошло-поехало.

*С Алимом Кешоковым.
1984 г.*

В студенческие годы началась его редакционно-издательская деятельность. Сначала он сотрудничал с вузовской газетой «Университетская жизнь», затем возглавил ее. Работал в редакции газеты «Советская молодежь». Настоящую школу журналистики М. Хафицэ прошел именно в «Молодежке», где был корреспондентом, заведомом и ответсекретарем. Годы работы: 1973-1978. Позднее он вспомнит: «В «Молодежке» я впервые почувствовал себя профессиональным журналистом, хотя до этого пять лет работал в газете «Университетская жизнь»... Тогда, как, впрочем, и сейчас, нас не баловали большой зарплатой, но ни до, ни после я не видел, чтобы люди работали с таким воодушевлением, с таким желанием».

После этого М. Хафицэ работает редактором в издательстве «Эльбрус». В 1991 году он назначается директором издательства Верховного Совета КБР.

Об интенсивности работы Хафицэ-публициста на рубеже 80-90 гг. Анна Жильцова в «Кабардино-Балкарской правде» от 2 марта 1990

года писала: «Кроме двух ежемесячных номеров журнала «Точка зрения», который в последнее время заметно изменился к лучшему, стал содержательнее и эмоциональнее, кроме спецвыпуска газеты «Семья и дети», есть ещё приложение к газете «Ленин гъуэгу» – «Адыгская словесность», есть многочисленные тематические страницы в «Кабардино-Балкарской правде», «Советской молодежи» о традициях и истории адыгов, о зарубежных соплеменниках, о дружбе народов, населяющих нашу республику».

В журналистике наиболее памятным для Мухамеда Хафицэ стал 1997 год, когда его утвердили главным редактором газеты «Адыгэ псалъэ». Заметим также, что это должностное перемещение как нельзя более соответствовало стремлению М. Хафицэ к сближению разбросанных по всему миру адыгов посредством мощного влиятельного печатного слова. Наряду с этим, он превосходно осознал, что газета – орган власти, и призвана служить её целям. Тем не менее, свою задачу новый главный редактор видел в том, чтобы она, будучи единственной на национальном языке газетой, отражала жизнь народа во всем её многообразии. Эту позицию Мухамед обозначил в ответе на вопрос одного высокопоставленного чиновника: «Что нового вы собираетесь привнести в газету?» – «Прежде всего сделаю так, чтобы в ней чувствовался дух адыгского народа», – ответил М. Хафицэ. Половина газетной площади должна была служить народу, а другая половина отводилась официальной информации, без которой средство массовой информации, финансируемое властью, не существует.

«Своей» половиной он вовсе не думал припудривать прошлое, но также был далек от мысли замалчивать нынешние неизбежные недостатки. Это видно из того, что девизом «Адыгэ псалъэ» Мухамед избрал программный для нравственного здоровья и политической зрелости народа совет, приписываемый видному кабардинскому философу и общественному деятелю Жабаги Казаноко: «ФифI фымыгъэпуд, фийей фымыгъэпщкIу» («Достойное не унижайте, плохое не прячьте»).

Хафицэ-руководитель наделен ценной чертой характера, в полной мере проявившейся на должности главного редактора. Он убежден, что «газета – не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор», но, что самое главное – коллективный организатор. Обыкновенно новый начальник начинает с острой критики своего предшественника, а он воспринимает все положительное, что накоплено ранее. Обратимся к примеру. Писатель и журналист Борис Мазихов, будучи главным редактором газеты «Адыгэ псалъэ», предложил организовать выпуск объединенных номеров трех республиканских газет – «Адыгэ псалъэ», «Черкес хэку», «Адыгэ макъ». Поначалу идея не встретила одобрения в определенных кругах, но впоследствии пробила себе дорогу в жизнь.

М. Хафицэ, заняв должность главного редактора, не только под-

держал это новшество. Он и перед этим активно работал над его реализацией, сотрудничая со всеми руководителями изданий братских республик. А теперь Мухамед, как писал Мазихов, значительно развил начатое дело, вложил в него весь жар своей патриотически нацеленной души, используя при этом богатый личный архив.

Подтверждением этих слов служит то, что из объединенных номеров при Мухамеде Хафице издан 101 номер. В дополнение к лестному отзыву профессионального журналиста и писателя Б. Мазихова отметим, что он называл своего преемника генератором идей.

Объединенные номера газет, информируя читателей о наиболее существенных моментах общественной и культурной жизни в братских республиках, сближают их духовно, ориентируют этнос на перспективные цели.

С приходом Мухамеда Хафице в «Адыгэ псалъэ» газета повернулась лицом к черкесской диаспоре. Ничего подобного в условиях советского времени не могло быть. На её страницах часто стали появляться ценные сведения о жизни наших соотечественников за рубежом. Тем самым «Адыгэ псалъэ» выражала мысли и чаяния черкесов, разбросанных по всему миру, и в значимой степени трансформировалась в Слово всех адыгов.

Газета широко и разносторонне освещала жизнь адыгов в прошлом и настоящем. Чрезвычайный интерес у читателей вызвала серия энциклопедических публикаций о кабардинских населенных пунктах КБР, Адыгеи и КЧР. Всего увидело свет 50 номеров, рассказывающих о прошлом и настоящем старинных адыгских селений.

Главный редактор отмечал, что газета должна публиковать не только материалы по сельскому хозяйству и дышащей на ладан промышленности. Она обязана давать информацию, в которой заинтересована массовая аудитория. Развернутые полосы, богато иллюстрированные фотоматериалами, знакомили подписчиков с историей, бытом, искусством, фольклором, известными представителями различных отраслей народного хозяйства, учеными, писателями, художниками, композиторами, спортсменами. Мухамед Хафице возвращал историю народу, от которого она во многом была оторвана. Оба они шли, как говорится, параллельным курсом.

М. Хафице – инициатор ряда начинаний. В заметке «Уготовано блестящее будущее» он сообщал: «Я был в числе тех, кто приложил свои силы, чтобы увидела свет газета “Горянка”. Что нас тогда объеди-

С Исааком Маибашем. Майкоп, 2013 г.

няло? Желание создать красочную, яркую, эффектную газету о женщине-горянке. Нас было четверо: Роза Сабанчиева, Евгения Белгарокова, Ирина Мезова и я, ваш покорный слуга, в качестве ответсекретаря».

С Мухадином Кандуром, 2015 г.

издательстве «Эльбрус» М. Хафицэ отредактировал десятки книг.

Много сил отдает он созданию и укреплению единого информационного пространства адыгов. С этой целью Мухамед собрал произведения наиболее видных писателей черкесского зарубежья под названием «ЩЭин» («Наследие»). Книга вышла в Нальчике в 2004 году. В краткой аннотации говорится: «В одномтомник избранных произведений писателей черкесского зарубежья включены переводы Хамида Кармокова и творческие портреты Мухамеда Хафицэ об авторах. Представлены известные французские, турецкие, египетские, иорданские прозаики адыгского происхождения. Книга является первым изданием подобного рода. В сборник вошли произведения Аиссе, Халиде Эдип Адывар, Омера Сейфеддина, Махмуда Теймура, Юсефа ас-Сибай, Абдурахмана аль-Хамиси, Мухадина Кандура.

М. Хафицэ уделяет пристальное внимание работам русскоязычных авторов, в которых затрагиваются русско-адыгские отношения, в том числе по вопросам, связанным с геноцидом адыгов. Под его редакцией в 2007 году в Нальчике вышла книга Игоря Куценко «Правда и кривда». Крупный Краснодарский ученый является доктором исторических наук, профессором, действительным членом Международной Академии высшей школы, Петровской Академии наук и искусств, Адыгской Международной Академии наук, заслуженным деятелем науки Российской Федерации, Республики Адыгея, Кубани, Почетным работником высшего образования РФ, награжденным орденами Дружбы народов и Почета. Однако главное не в высоких наградах – ими в наше время вдоль и поперек обвешаны непроходимые невежды. Главное в другом: Игорь Яковлевич Куценко – объективно мыслящий, свободный от политической конъюнктуры Ученый с большой буквы.

В отличие от ряда коллег по этносу, он пишет: «Бывший министр

национальной политики Российской Федерации В. А. Михайлов во время выступления в 1999 году, на котором присутствовал автор этих строк, поведал, как высокопоставленный представитель Чечни – Ичкерии заявил о претензиях к русскому народу. Валерий Александрович ответил: «На Кавказе есть единственный народ, который вправе выразить горькую обиду России за геноцид – это адыги. Но у этого народа хватило мудрости, чтобы не переносить на русское население гнев за преступления царизма» (с. 138).

Ещё одна сторона начинаний Мухамеда Хафицэ заслуживает особого внимания. По его инициативе и при непосредственном участии, на основе собранного им богатого материала 11 лет ежегодно выходит энциклопедический календарь на русском и кабардинском языках. Его ценность в том, что он расширяет информационное поле черкесского мира и способствует улучшению взаимопонимания адыгов. Издания такого рода до М. Хафицэ у нас не практиковались.

Институт «Адыгская Энциклопедия» при АМАН с 2011 г. издает серию «Черкесика». За 12 лет увидели свет 11 томов. Книги эти готовит к печати автор проекта и главный редактор М. Хафицэ. В 2021 г. институт издал солидный фолиант «Адыги: один из древнейших народов мира. Черкесская иллюстрированная энциклопедия».

Редакторская деятельность Мухамеда Хафицэ получила признание. Ему вручили премию Культурной автономии адыгов России в номинации «Лучший редактор XX столетия». В 2000 г. за большой вклад в развитие адыгской культуры и поддержку связей с черкесской диаспорой М. Хафицэ вручена премия «Отличие» Международного Черкесского Фонда.

«Мой язык – моя душа, мой мир»

Мухамед Хафицэ – инициатор культурно-просветительского движения, имеющего чрезвычайно важное значение с точки зрения сохранения самоидентичности народа. Речь идет о широко популярном конкурсе-фестивале среди адыгской молодежи «Си бзэ – си псэ, си дуней» («Мой язык – моя душа, мой мир»). Эта идея была призвана возбудить интерес подрастающих поколений адыгов к родному слову, уникальность которого нашла отражение в литературе.

Вот что писал член-корреспондент Петербургской академии наук Ф. А. Щербина (1849-1936): «Исторической судьбе угодно было надеть черкесов языком, который, как дикий горный конь, не позволял надеть на себя узду условных знаков письменности. По народному обычаю это было святотатственно; преступно было налагать оковы на вольный язык вольного народа». С одной стороны ценное замечание: каков язык – таков народ. С другой стороны, Щербина и не подозревал, что древнейшие предки адыгов – хатто-хеттский мир – первый в исто-

рии индоевропейский язык с письменной фиксацией, ранний период которого относится к XVIII веку до н. э.!

С тех пор много воды утекло. В силу различных социальных потрясений потомки носителей адыгского языка потеряли свою письменность. В XIX веке были предприняты попытки создания письменности на русской графической основе. Вероятнее всего, это имел в виду Ф. А. Щербина. По сведениям ученых, на сегодня в мире существуют шесть тысяч языков. Из них ежегодно вымирает около 20 языков. Еще более тревожна перспектива: половина всех языков может исчезнуть. Реальная угроза исчезновения нависла и над адыгским языком. Отсюда понятно, что сохранение и продление жизни языка является важнейшей составляющей деятельности Мухамеда Хафицэ. Осуществлению этой поистине судьбоносной задачи способствует и его неустанная напряженная работа на должностях главного редактора газет «Адыгэ псалъэ», «Черкесское зарубежье», «Хасэ», «Нарт». Этой святой цели во многом подчинена и деятельность общественных организаций «Адыгэ Хасэ» на Кавказе и за рубежом.

В частности, «Адыгэ псалъэ» публикует неологизмы, которые, будучи образованными на основе родного языка, становятся употребительными, чем наглядно оживляется язык и приспособляется к насущным потребностям современной информационной технологии и тем самым удлиняется его век.

В интервью, данном Муаеду Хаупшеву и Ахмеду Мизову в 2006 году, М. Хафицэ по поводу языковой политики газеты сказал: «Вы, вероятно, заметили, что в последние годы мы независимо от мнения или желания читательской аудитории, вернули в родную лексику немало слов – их около трехсот. Есть переводы из русского языка и переводы по смыслу слов».

Назовем несколько слов, которые, по сведениям заместителя главного редактора газеты «Адыгэ псалъэ» Марины Ширдиевой, стали более или менее употребительными, благодаря газетным публикациям: щэнхэбзэ, гьуэзджэ (вернул в лексику научный работник из Черкесска Хажмурат Шибзухов, щьыуэпс (природа), жьыуэпс (климат), санэуш (талант), санэушыфIэ (талантливый). Ввел эти слова в лексику Фахри Хуаж (Анкара). Сравнительно недавно вошли в широкий оборот со страниц газеты такие термины, как щIэнгьуазэ (энциклопедия), махуэгъэпс (календарь) и другие.

Под общим заголовком «Си бзэ – си псэ, си дуней» газета «Адыгэ псалъэ» постоянно информирует читателей о ходе республиканского конкурса, который проходит с 1999 года под эгидой «Адыгэ псалъэ», ОО «Къэбэрдей Адыгэ Хасэ», МЧА и Министерства просвещения и науки КБР.

К сожалению, есть немало широко известных в народе наших соотечественников, дети которых плохо знают родной язык или вообще не

говорят на нем. Попадаютются и манкурты, которые потеряли бесценные нравственные ориентиры адыгов, но не приобрели ничего позитивного у других народов. М. Хафицэ личным примером ведёт непримиримую борьбу против таких иванов, не помнящих родства. В одной публикации отмечено, что он «дочерей, если не разговаривали дома на родном языке, ставил к стене». В буквальном смысле – к стене, и они стояли там, пока не раскаивались и не просили прощения («Советская молодежь», 30 марта 2016 г.).

*Мухамед Хафицэ, Тимур Шаов (известный бард из Москвы), Мухамед Карданов.
г. Черкесск, 2009 г.*

Такая целенаправленная любовь к родной словесности дала свои плоды: старшая дочь Дана живет в Иордании, преподает адыгский язык в черкесской школе имени принца Хамзы. Ляца – экономист «КБР-Медиа». Замечу, что своим внукам Мухамед выбрал имена сугубо адыгские – Идар, Инал, Сана.

Цену манкуртам, конечно, знают в иноязычной среде, но их предпочитают тем, которые ратуют за свою национальную идентичность. Сменив имя Ислам на Ивана, легче поступить в столичные учебные заведения или устроиться на престижную работу, но ценой утраты национального самосознания. По данной проблеме я через газету «Московский комсомолец» в Кабардино-Балкарии в 2013 году обратился с письмом в Парламент КБР. Оказалось, напрасно.

В числе многих памятных мероприятий, проводившихся в рамках «Си бзэ – си псэ, си дуней», отметим одно соревнование, посвященное лучшей постановке учебно-воспитательного процесса по изучению кабардинского языка и литературы, а также истории народа в 2000-2003 учебном году. Комиссию из 19 человек по выявлению примерных коллективов возглавили Мухамед Хафицэ и заместитель министра образования и науки КБР Людмила Канкулова. Кроме названной цели, соревнование предусматривало изучение и распространение передового педагогического опыта учителей, использование на уроках принципов адыгского этикета.

На всех должностях, в том числе первого вице-президента Международной Черкесской Ассоциации, М. Хафицэ в прямом смысле слова сражается за сохранение каждого адыгского слова, имеющего ключевое значение. В этом отношении весьма показательна позиция относительно близорукого постановления исполкома МЧА «О самоназвании

и иноназвании черкесского народа», принятого 19 февраля 2011 года. Неправомерно назвав себя Международной черкесской ассоциацией, исполком констатировал: «В соответствии с уставом МЧА, официальными языками МЧА являются русский, черкесский, английский».

В уставе, мягко говоря, допущены две грубые ошибки: во-первых, самоназвание народа, восходящее своими корнями к незапамятным временам, заменено сравнительно недавним иноназванием, во-вторых, даже и это иноназвание организацией, считающей себя носителем этнического самосознания, отодвинуто на задний план. Другой момент. Среднего исторического знания достаточно для понимания важной вещи: не все черкесы в прошлом являются адыгами, в том числе и за пределами Кавказа, и они не могут взять на себя ответственность за их историю, какой бы она ни была.

Тем не менее, исполком, присвоив себе права Международной Черкесской Ассоциации, посчитал, что «правильным названием адыгов на русском, английском, арабском, турецком, французском и других языках является «черкесы». Заметим также, что уважающие себя нации свое самоназвание не меняют на иноназвание. Примеров тому множество.

Все изложенное здесь более чем уместно в связи с тем, что постановление принято неединогласно. М. Хафицэ, на мнение которого должны были ориентироваться другие члены исполкома, не поддержал постановление. Правда, он не проголосовал против, вероятно, во избежание раскола в руководстве, но и факт, что воздержался, говорит о многом. Против голосовал юрист высокого класса В. И. Губачиков.

Я не располагаю стенограммой обсуждения вопроса, но определенное представление о нем дает заметка заведующего сектором Архивной службы КБР А. Х. Абаева. Он пишет: «Наиболее оживленные дискуссии вызвало предложение исполкома МЧА о принятии единого названия адыго-черкесского народа – черкесы. Каншоби Ажахов предложил принять этноним «черкес» для консолидации адыгского народа. В свою очередь, тхамата «Адыгэ Хасэ» КБР Мухамед Хафицэ призвал не торопиться с введением в обиход этнонима «черкес». Резко выступил против его введения В. Губачиков... В результате, большинством голосов члены исполкома МЧА, при одном против (В. Губачиков) и одном воздержавшемся (М. Хафицэ) приняли решение о целесообразности считать иноназвание (на русском и иных языках) «черкес» (официальным, правильным. – С. Б.), а на адыгском языке самоназвание адыгэ. (См. Сафарби Бейтуганов: *Изнутри и извне. Нальчик, 2012, с. 150-155, Архивы и общество. № 18, Нальчик, 2011*).

Адыгам, как и многим другим нациям, не все равно, что о них думают народы. Однако в первую очередь их должна заботить объективная самооценка. Китайцы, например, себя называют *sina*. Адыгские

иноназвания Рима – Урым, Греции – Алыдж, Ирана – Къэжэр, Египта – Мысыр, Сирии – Щам, Грузии – Куржы, но никто из них вообще не думает перенимать иноназвание. И правильно делают. Надо уважать себя не в ущерб другим. В этом состоит подлинное самоназвание народа, тогда и родной язык заговорит в полную силу. А если кто-то всерьез думает, что принятие этнонима «черкес» сыграет объединительную роль, он витает в облаках. Адыг себя черкесом не назовет.

В связи с изложенным, необходимо указать и на другое важное обстоятельство. Принятие этнонима «черкес» логически повлекло бы за собой пересмотр устоявшихся лингвистических понятий «адыгский язык» и «абхазо-адыгские языки» на «черкесский язык» и «абхазо-черкесские языки». А таких языков сообщество лингвистов не знает и не примет. Получилась бы несуразица, когда народ и его язык носят различные названия.

Член исполкома и первый вице-президент МЧА

М. Хафицэ – делегат почти всех 13-ти Конгрессов МЧА. Принимал активное участие и в подготовке девяти его форумов. Об одном из них рассказала газета «КБП» в номере от 7 июля 2000 года. За подписью председателя Правительства КБР Х. Дж. Чеченова в ней опубликовано распоряжение Правительства «О подготовке очередного Конгресса МЧА в г. Нальчике», намеченного на 28-29 июля того же года. Был образован организационный комитет под руководством заместителя председателя Правительства Х. Х. Сохрокова. Его заместителем стал президент МЧА Б. Х. Акбашев. В состав оргкомитета вошел и главный редактор газеты «Адыгэ псалъэ» Мухамед Хафицэ (*Архивы и общество*, № 18, Нальчик, 2011 г., с. 122).

Повестка дня заседания Совета МЧА от 25 сентября 2004 года: «1. Отчет Исполкома МЧА о проведенных мероприятиях, посвященных 140-летию Русско-Кавказской войны (М. Хафицэ). 5. О журнале «Черкесский мир», издании альбома «Черкесы» и книги о первопроходце на Эльбрус кабардинце Киларе Хаширове (М. Хафицэ). 7. О проведении международного конкурса гармонистов имени Абида Умар (М. Хафицэ)».

Из восьми основных вопросов дня заседания МЧА четыре докладывал М. Хафицэ. Этот факт убедительнее всяких громких слов говорит о том, что на этом заседании не было ему равных по своей энергичной деятельности.

На VIII Конгрессе МЧА, который проходил в Майкопе в октябре 2009 года, он остановился на некоторых достижениях общественной организации, отметил, что расширился круг рассматриваемых вопросов. Обратил внимание делегатов на необходимость всестороннего и объективного изучения истории народа, знания родного языка всеми адыгами

и его совершенствования. Выразил сожаление, что количество адыгов, знающих язык предков, становится все меньше и меньше, напомнил, что главная задача – сохранить уровень теперешнего знания языка.

*С Анатолием Бицуевым,
1967 г.*

Касаясь деятельности «Адыгэ Хасэ», М. Хафицэ сказал, что вместе с Адыгской Международной Академией наук работает над созданием многотомной Адыгской Энциклопедии. Указал и на основное препятствие на пути к достижению поставленных целей – отсутствие материальных средств.

На заседании Совета МЧА, состоявшемся в п. Лазаревское Краснодарского края 9 августа 2008 г. было принято заявление по поводу трагических событий в Республике Южная Осетия. Оно было вызвано вооруженной агрессией Грузии против мирных жителей и группы российских миротворцев, повлекшей за собой гибель многих сотен людей и многочисленные разрушения. Наряду с другими, заявление подписал тхамата «Адыгэ Хасэ» КБР М. Хафицэ.

В план работы Исполкома МЧА, составленный 8 мая 2010 года, включен один вопрос, конкретно касающийся М. Хафицэ: «Размещение на сайте информационных материалов VII Конгресса МЧА, заседаний Исполкома Совета Ассоциаций». При его участии обсуждались: создание единого информационного пространства в диаспоре и на этнической родине; восстановление истинной истории черкесов; унификация адыгских алфавитов и принятие единого черкесского литературного языка, возрождение и развитие черкесской (адыгской) культуры, решение проблем образования и воспитания адыгской молодежи в духе принципов Адыгэ хабзэ, организация тесного экономического сотрудничества представителей бизнеса в диаспоре с исторической родиной, решение вопросов возвращения в Россию имеющихся за рубежом архивных материалов о черкесах.

Политик

Документы и материалы МЧА свидетельствуют, что М. Хафицэ не останавливается перед критикой её руководства за те или иные упущения и очевидные недостатки. В частности, на V Конгрессе, состоявшемся 28-29 июля 2000 года в Нальчике, он сказал, что за прошедшее почти десятилетие своего существования организация сделала лишь одну часть из того, что она могла бы сделать, и что, если и дальше так продолжится, ничего путного не получится.

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что у Мухаме-

да Хафицэ есть господствующая черта, которая позволяет считать его политиком. Он хорошо понимает, что оружие критика наносит себе непоправимый вред, когда применяется не в меру. Перед тем, как возглавить «Адыгэ Хасэ» КБР, он имел возможность в очередной раз убедиться в этом.

«Кабардино-Балкарская правда» 8 июля 2000 года опубликовала заявление президента МЧА Б. Х. Акбашева в адрес тогдашнего тхамеды «Адыгэ Хасэ» В. Хатажукова, в котором говорилось, что «в настоящее время между общественно-политической организацией и структурами, призванными осуществлять юридический надзор за её деятельностью, возникло во многом амбициозное недопонимание».

Руководство МЧА в очередной раз напомнило главе «Адыгэ Хасэ», что он «обязан, независимо от личных симпатий и антипатий, выполнять все оговоренные законом об общественных организациях, партиях и движениях требования». Судя по всему, этот совет не был услышан.

Став тхамедой общественной организации «Адыгэ Хасэ» КБР, Мухамед Хафицэ взял курс на мудрое конструктивное сотрудничество с соответствующими властными структурами, что сыграло позитивную роль в консолидации народов Кабардино-Балкарии и укреплении связей в стране и за рубежом.

Завершая эссе о жизни и деятельности замечательного сына адыгской земли Мухамеда Хафицэ, хочется вернуться к его первому подзаголовку. Кому-то покажется, что он выдержан в патетическом стиле. Однако несомненно то, что в адыгском мире с 50-х годов XX века идет процесс духовного сближения разбросанных по всему миру адыгов, наметилось дальнейшее взаимосвязанное развитие культуры в широком смысле слова. Народ, перенесший разорительную Кавказскую войну, переживает свой Ренессанс.

Известно, что классическое Возрождение делится на три этапа: Раннее Возрождение, Среднее Возрождение и Высокое Возрождение. У каждого из этих периодов свои выдающиеся деятели.

В числе наиболее известных представителей Раннего Адыгского Ренессанса (Возрождения), бесспорно, выделяется Мухамед Хафицэ. Поэтому он по праву должен быть назван основоположником и лидером Раннего Адыгского Ренессанса. Надеюсь, адыги имеют основание в современную демократическую эпоху рассчитывать и на Высокий Ренессанс.

ТЕНЬ СОКРАТА ИЛИ СВЕТ... ЛЮЦИФЕРА

(Контрапункты по книге С. Н. Бейтуганова «За мерой – инобытие»)

*Я словно ранен стрелой познания,
отравленной ядом кураре: видящий всё.
Фридрих Ницше*

С. Н. Бейтуганов

Современный книговорот поразительно насыщен. О чём только не напишут... Впечатление – сиречь некто дерзкий денно и ночью усердствует за «прилагающимися дверьми» фонвизинских флигелей. Не иначе как барствует искусственный интеллект с, увы, лакейскими ужимками. Оттуда и выводок – гривуазный шлейф вертявых компиляций. Трафик не ограничен. Пока... Стало быть, мели, Емеля, покудова твоя неделя.

Ах, оставьте, какие тут могут быть протесты! Книга книге рознь. Речь пойдёт об одной из тех, что, завладев читательским нутром, перекраивает его до сердцевины. Из тех, что и искушённого, коим (ну кто Богу не грешен) смею мнить и себя, бесцеремонно захлёстывает в летейски воды. На стрежне авторской мысли читатель и не предполагает возможных омутов, а очнувшись в дивных чертогах историко-философского и художественного бытия, он и не вспомнит, когда его заглотало. Создателем подобной пропедевтики основ читательского воображения может быть либо глубочайший мыслитель, либо... ведьмак. Взаимоисключения тоже (по Декарту – во всяком случае) маловероятны, т. к. здесь о новой книге С. Н. Бейтуганова (историка, философа, писателя) «За мерой – инобытие».

Автор – личность совершенно особенная, тут не может быть характерных определений. Не объять – не сформулировать. Независим во взглядах. Раскрепощён в суждениях. Эрудит и библиофил. По мне: из-под ресничного взмаха – окоём Вечности. Собственно книга – в неустанном бдении авторской мысли (души) – налившийся плод. Здесь прозрения и выводы самого афористичного современника – земляка. Казалось бы «я прочла» «За мерой – инобытие», ан нет! Книга вчиталась в меня. Въелась в мою суть. Завела в бесконечный лабиринт: плод – семя – мысль, а там – беспредельность другого семени от другой мысли. И тень, и бормоток сократовы: «Я знаю, что ничего не знаю...» под ницшеанское улюлюканье: «Когда спариваются скепсис

и томление, возникает мистика», – признаюсь, не раз приходили на ум. В самом деле, сколько же теней в словах мудрого афинянина и сколько света в его лукавых философских умствованиях? Но... охота пуще неволи, да и книга не отпускает.

Из шести разделов «За мерой – инобытие» первые четыре – авторские. Далее – интервью, рецензии, адреса.

В разделе «История в узловых эпизодах» рассуждает объективный историк-исследователь. В кратких эпизодах спрессованы глобальные исторические пласты. В каждой части – посыл в тщательных формулировках; тезис – в филигранной подаче и невероятнейшая по силе убедительности контраста в бейтугановском духе. Автор – мастер оригинальных ретроспекций и неожиданных параллелей. Почётный ареопаг древних философов всегда по ранжиру. Цитаты в точных хронологических ссылках. Бейтугановские справки дотошно выверены. Они последовательны и объективны. Своевременные ссылки на авторитетные источники логичны и обоснованы. В «...эпизодах» не просто раскрывается история в целой картине, но и вкупе приводится в действие мощная система доказательной базы. Автор краток, правдив, убедителен. Можно предположить по некоторым отрывкам: *«Умеренный патриотизм – альфа и омега здравомыслия. За этой гранью начинается фальсификация, непомерное возвеличение одного народа и принижение роли другого народа» (стр. 46).*

Данный раздел – уникальный вояж к истокам мировых религий, к зарождению философской мысли, к зачаткам художественного слова. Впечатляет и энциклопедичность познаний: возможно ли, чтобы человек «только с записной книжкой и ручкой» нигде и никак не оступился? Интересны краткие очерки «Религия и Сталин» (стр. 44), «Об исторических и других народах» (стр. 46). «Кабардинские жители и Николай I» (стр. 84). Подобными материалами и академичностью подобной подачи может похвастаться не каждый историк. Надо *читать* книгу, владея контекстом, цитаты не всегда дают полную смысла картину.

Автор не увязает в контаминациях. Не захлёбывается пресловутыми тавтологиями. Не застреножится он и при предъявлении веских аргументов. В частых ссылках на авторитетные научные источники – а среди них труды известного историка С. Соловьёва, работы авторитетнейшего В. Ключевского – автор конкретен. По своему кредо: всеохватность, объективность, кратость – Бейтуганов в некотором смысле напоминает исследовательский стиль В. Ключевского. Здесь присущие обоим и лапидарность, и художественно-изобразительная форма изложения.

У Бейтуганова не бывает хронологических провалов в подаче материала, равно как и зияющих пустот речи: *«Примеры могут быть*

продолжены, но и сказанного достаточно для понимания степени невежества любителей своих кротовых нор и пагубности национализма, экстремистские представители которого прикрывают свои амбиции защитой родины». (*Родина и кротовые норы*; стр. 68-69).

Собственные впечатления С. Б., его чувства и мысли переданы во втором разделе «Эссе». Обращение автора к нравственным и философским дилеммам многоаспектны. В небольших объёмах эссе – конкретные темы и оригинальный личностный подход к их раскрытию.

Здесь неожиданные тандемы: «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский и «Братья Карамазовы» (стр. 176), и деликатное раскрытие заданной идеи: «Иуда – антихрист?» (стр. 186). «Гений и злодей – две вещи совместные» (стр. 188). Тут же устами Моцарта:

...А гений и злодейство –

Две вещи несовместные. Не правда ль?

Автор – мастер вольных композиций. Бейтугановские ассоциации – «Герострат и Торквемада» (стр. 191), «Доктор Живаго – дитя доктора Фауста» (стр. 199), «Сила одной фразы» (стр. 205). «Высшее образование или диплом» (стр. 210) – на редкость глубокомысленны. Ни тени мешанства, ни йоты напыщенного псевдоадыгства.

В «Миниатюрах» (третий раздел) раскрывается Бейтуганов-лирик. При таких-то дарованиях автор мог бы создавать незабываемые лирические пассажи! В бейтугановских миниатюрах нередки чарующе-трогательные нотки. В переливчатых радужных кольцах картин распахивается широта души и лирическая индивидуальность автора-эстета. Не будь Бейтуганов настоящим носителем родного языка (безупречный классический адыгский), его русский лексикон мог бы оставаться сносным современным, т.е. «стандартно-грамотным»... Но с нами говорит затейливый художник могучего некрасовского! Стоит ли удивляться яркому калейдоскопу судеб в миниатюрах, если их автором является мастер речевых композиций... «Раненый камень – художественный образ народа – стал символом поэзии К. Кулиева. Певческое искусство И. Жанатаева воспринимается как задушевный голос раненого камня» (стр. 250). Интересны и композиции «К родословной Черта», «Мысль и вода» (стр. 262), «Общность интересов – вот что такое дружба» (265), «Сколько времени Адам и Ева пребывали в раю» (267), «Авторы, переводчики, обезьяны» (268), «Графоман и плагиат» (270). Трудно выбрать, где лучше – здесь множество необыкновенных мыслей.

«За мерой – инобытие» включает и афоризмы. Этот четвёртый раздел книги фосфоресцирует во всевозможных оттенках крылатого слова. В своей способности заключать самые запутанные идеи в искромётный афоризм, Бейтуганов, пожалуй, уникален. У нашего афористичного мыслителя целый легион отборных лучников. Вот некоторые:

«В правде меры столько же, сколько во лжи»,
 «Свобода – неволя высшего порядка»,
 «Вершина славы – начало её угасания»,
 «Случайность – способ существования необходимости»,
 «Испытание властью – экзамен по вопросам морали,
 который мало кто из должностных лиц выдерживает»,
 «Бутылка никогда не бывает надёжно закупоренной,
 если в ней сидит джин».

У Бейтуганова – автора более 20 книг – безукоризненный профессиональный синтаксис. Богатейшая лексика. Что же касается пунктуации... у создателя «За мерой – инобытие» обострённое ощущение этой дыхательной системы письменной речи. У него не бывает глухонемых ... тире.

В книгу органично вписалось интервью журналиста З. Гоплачева с автором. Весьма любопытные откровения философа и писателя из лет давно минувших.

«За мерой – инобытие» краткий энциклопедический справочник не только для историков-исследователей. Эта книга, как и прежние труды С. Бейтуганова, – незаменимый путеводитель в мир познания. Читатель подобной книги вынужден будет крепко задуматься, прежде чем самому браться за перо, за... слово.

Вот в общих чертах все – по первому пункту. Далее во втором – наше собственное проживание представленной книги, обращённое к автору от первого лица.

***

В эпиграфе к книге «За мерой – инобытие» цитата из В. И. Ключевского: «В жизни учёного и писателя главные биографические факты – книги, важнейшие события – мысли. Ваша биография насыщена удивительными фактами, они говорят за автора не менее красноречиво, чем их заглавия про содержание. Важнейших событий бесспорно: Вам не занимать. Где же впервые осенило Вас наиболее-важнейше-знаковое? Когда нашептало, что «природа хочет говорить Вашими словами»?

В интервью на 461 стр. неожиданно прорвалась щемящая, как всхлип, терция по... «Серой Шейке» Мамина-Сибиряка. В мгновение ока и захолонуло: была ведь *та* полынья! Левобережье студеной Балъкъ (р. Малка) в бирюзовых перекатах, тёплая протока справа от незатейливого мостка и... можжевельовый куст, прикорнувший в обрывистых кручах. Ах Вы, юный отрок из моих палестин! Как ясно угадываю теперь и первый Ваш абзац, и взерошенную Вашу кляксу! Премилая эта клякса, словно колючий цвет молодого шиповника в разлапистых трещинах Белой горы (Бгыху). Без такой и не зазвучать бы ни мыслям Вашим чудесным, ни моему неоперенному слову. Но

мы-то теперь знаем – полынни родных пенатов не замерзают и в лю-тую стужу, живительные тёплые токи бьются тихо и ровно.

Согласитесь, что Серой Шейке досталась (в лице Акинтича) участь *наилучшая из возможных*, а через осмысление оного Вам от-крылся путь наилучший (без всяких «из»...) к древу *самопознания*.

Не взыщите же с меня строго, поводырь, если, оступаясь об иную мысль, буду унесена через иные пни за бугераки. Неисповедимы пути мысли.

Нет... я не та, кто сумеет подать гранд-рецензию по Вашей книге. «За мерой – инобытие» по замыслу и содержанию есть системная ди-намика Ваших исканий и мыслей в ля мажор, а я не более чем жаво-ронок, верезжащий в силках птицелова. И что подобные песнопенья тому, у кого полный ягдташ пернатых покогтистей. Вы маститый лев мысли, и Вы же – кудесник слова. А во мне, таясь, шепелявит тот юр-кий бесенок, чья забава и хлеб насущный – заглядыванье за корсажи ловко затянутых словоформ. Полноте, ничего непристойного (неког-да Ронсар превосходно описал то, о чём Вы могли подумать)! Всего-то форма поиска чистоты слога. Без подобострастия и без лести: сре-ди грая гундосых оракулов и эпигонов слова Ваше речение – свежий бриз. Вы... златоуст! При многослойности удивительных глубин мысли Вы немногословны. В соколиной Вашей зоркости мерцают... простите, зрачок василиска (дилетанта и графомана чувствуете за версту).

«Интеллект – стезя бессмертия» – формула, которую вычислил Ваш цепкий ум. Но тут не без интриги... Стало быть, и Люцифер интеллектуал? А Господь? Что же тогда наилучшее для человека смертного: Бог – дилетант или гений восставшего ангела? И зачем он восстал? «Душа – от Бога, а ум – от лукавого» – это, я так смею пред-полагать... восстала гордыня умствующего против воли творящего, не велящего знать?

Ещё задолго до этого библейского действия, во времена весёлых олимпийских богов, у древних греков бытовало предание, по коему Мидас (царь) выпытывал у Силена (спутника Диониса): «Что для человека наилучшее и наипредпочтительнейшее?». Вспомните этот раскатистый хохот Силена перед ответом: «Злополучный одноднев-ный род, дети случая и нужды, зачем вынуждаешь ты меня сказать тебе то, чего полезнее было бы тебе не слышать? Наилучшее для тебя вполне недостижимо: не родиться, не быть вовсе, быть ничем. А вто-рое по достоинству для тебя – скоро умереть».

Любопытно, что думал Сократ по этому поводу? Мудрый афиня-нин, безусловно, знал шифры родного фольклора. Молчат и Диогены. Похоже, и Сократ доверял своим ученикам не более, чем Христос – своим. Мудрецы и пророки уходят от ответа витиеватыми софизмами (в книге предостаточно примеров). Ну а читатель? У него свои взгля-

ды и примеры: Христос сетует: мол, вы либо не поймёте, либо перепутаете. Мухаммед благоразумно воздерживается (лингвистическое золото). Будда в нирване. Моисей по-иудейски предприимчив: (поднаторел от Яхве?) ведь Танах (Пятикнижие) ничто иное, как предтеча «Апрельских тезисов» Ильича! Надо ли уточнять, по борьбе с кем... А Силен в лице своих апологетов (Вельзевул, Мефистофель, Сатана, Иблис, Люцифер) весьма деятелен. Он вездесущ! Сколько раз появляется на страницах «За мерой – инобытие», да и на всех полях и шпаргалках рукописей? В Виттенберге, в лаборатории доктора Фауста; в Дарьяльском ущелье, в будуаре юной Тамары; в одном из серийных *надрывов* Достоевского, в частности – в опочивальне Ивана Карамзова; и позавчера – в СССР, на Патриарших. Продолжить?

Раскаты селенова хохота не угадываются ли в мирской вакханалии – среди человеческого мора дня сегодняшнего? Люцифер – диссидент разве что на небесах, перед престолом Творца, а на брэнной земле его епархия. Он харизматичный лидер, озабоченный перенаселенностью поруганной планеты не менее, чем Ротшильды и некоторые... экологи. В Вашей книге довольно недвусмысленные примеры того, как «кузнец кует – лягушка лапу не сует». Но мы с Вами здесь – как две пластины одного кимвала...

О чём же умалчивал «Даймон» сына афинского каменотеса, по совместительству и кузнеца формулы самопознания. *Не велено знать?* Когнитивные возможности человека мыслящего на редкость продуктивны. Вы прекрасно подводите читателя к тому, что отсутствие информации рождает новый миф. Я бы здесь подвела к синониму – *и новую трагедию*. Природа не терпит пустот? Но сама же и создает эти пустоты! Сократ не сам ли запустил идею «познай себя», хорошо ведая, что *познавать* – глагол наказуемого свойства (именно эту категорию «грамматика» умалчивает среди прочих). Разве не в жажде познания человеческая мысль носится за ослепительно нагим серафимом... он, хоть и падший, но ангел, да ещё и бывший шестикрылый! А Сократ... он в плаще, да и с дырками не всё так банально – дыряво. Хламида-то, небось, отбрасывает много неопознанных теней без всяких прорех.

В названии Вашей книги заколдована вселенная. Изучив все параллели в неожиданных сопоставлениях, не мудрено и усомниться в понятии меры вообще. И потом... в ином бытии возможна *и иная* мера. В монологе с Вами я пытаюсь постичь, насколько эта *другая* не *кривая*. В чьей она может быть деснице – разума или чувств? И... что чему предпочесть: тень – свету или свет – тени? Вы – так гениально упростивший ницшеанское «По ту сторону добра и зла». Вы – видящий всё «изнутри и извне», не предполагаете ли новую утопию, суля инобытие – за мерой? Разубедите же меня... Вам достаточно одного краткого *тире*, чтобы все пазлы сложились. Посмотрите, ка-

кой променад ищущих и блуждающих в здешней мере. Вглядитесь в участников: пророки, первосвященники, святые апостолы, помазанные Божьи, великие – полководец, философ, поэт, живописец – все великие граждане предместья садов Гефсимании. И тут же тени: христопродавцы, фарисеи, детоубийцы, палачи, отцеубийцы, цареубийцы, ярыжники, тираны, мытари, блудницы, лжепророки, юродивые, кликуши – перепись населения Содомы и Гоморры. Могу ли здесь не заподозрить приёмы оптических ухищрений... Не могу! Тут-то Вы и пришли на помощь, обмолвившись, что и грешник и праведник живут в одном человеке. Развенчанные (не без Вашей помощи) и раздвоенные тени «якобы великих», переломленные в спектрах мерцания василискова зрачка... На то и щука, чтобы карась не дремал? Мне с Вами тревожно, златоуст, я начинаю подозревать, *кто во мне* может сидеть: во всяком случае, не какая-то там голенастая Яга в перьях! Признаюсь, давненько подозревала я, что эти-то дела не совсем чисты.

У автора «За мерой – инобытие» прописано невозмутимое: «Перестань говорить, когда есть кого слушать, брось слушаться, когда есть что сказать». Новое прокрустово ложе? Ведь кимвал о двух пластинах, иначе, откуда быть перезвону? Вы и так не оставили мне ни горбушки сытного словца. Несомненно, Вы лишены пошлого велеречия, при этом зачаровываете словом. А куда Вы, мастер, мыслите непрерывно (будучи безграничны в своей пронизательности), я обречена немотствовать. Но я жажду бесед с вами. Мне безмерно жаль тех неизреченных обрывков Ваших мыслей, кои могут угаснуть втуне. Поверьте, златоуст, я могла быть *Вашим Эккерманом*, ежели не пребывала бы в той *поздней поре*, когда и меня стало посещать *некое подобие мысли*. Бездна бездну призывает: за Вашей квантовой мерой забрезжила другая мера – ареал вывихнутого сознания возможных лжепророков. В брэнной мере, на заре новейшего (но по-прежнему стадного) общества человеки пахали – сеяли – веяли за... трудодни. По всей вероятности, аналогичная (в некотором смысле, и для простоты понятия) система обмена действует и в другом бытии. Мера у каждого своя – по трудодушам. Сколько опыта *самопознания* натрудила душа – мысль в муках любви, в лишениях мытарств, в тяготах телесных немощей и глада, в мигах безумного озарения, в радостях нового счастливого прозрения, в отчаяниях горьких падений и в эйфориях упоительных новых взлётов – столько же мегадуш он и узрит и обретёт в ареале инобытия. Весь этот накопленный опыт и станет его челом (лицом) перед порогом *вечности* (век) что и есть: *чело – век*. Так чем же не стезя бессмертия?! Правильно ли я понимаю? Насколько был прав Н. Гумилёв, иносказательно обронивший:

*Чтоб войти не во всем открытый,
Протестантский прибранный рай,*

*А туда, где разбойник и мытарь
И блудница крикнут: вставай!*

Действительно, умница! Зачем ему, так много любившему, так душу трудившему, обманчивый журавль в протестантских небеси, когда он уже ухватился за жаркую синицу, сумевшую поджечь даже море! А взгляните, какие знакомые тут лица: вся прощенная элита Распятого – льготный проезд в Царствие небесное.

***

В разделе «История в узловых эпизодах» приводятся любопытные отрывки «вопросов и суждений». Тут много персонажей. Позволю себе некоторые комментарии по отдельным из них. Отзывы – рассуждения...

Добролюбов и Тургенев. Неприятная история. Впрочем, с Тургенева станется... Но, согласитесь, Добролюбов прав и ситуативно, и по факту. Тургеневский герой всегда и везде сходит с дистанции читательских надежд в самый решающий момент. Тот же Инсаров... Что «накануне» было-то? А кто из героев Тургенева исполнил свою гражданскую миссию по авторской задумке: Лаврецкий? Санин? Рудин? Базаров? Они либо физически умирают, либо нравственно изживаются. Русское художественное слово не создало ни донкихотов, ни бравых швейков. Н. В. Были: Алексей Каренин (Л. Н. Толстого) и... золотая рыбка (А. С. Пушкина). А что, собственно, есть «гражданский долг»? Славянская мысль носится с этим словосочетанием как с писаной торбой и не имеет *что* туда вложить, кроме как «Лигейя, умиранье...» (О. М.).

Христос. Подозреваю, что Он скрывал имя Бога-Отца не без умысла. И был прав... При этом Он, по всей вероятности, назвал это Имя Пилату. На ушко... Помните, у Булгакова? По маршруту же прокуратора в ночи полнолуния можно не сомневаться о ком (о чём) могла идти речь.

Ридада. Нет ли у противника спрятанного холодного оружия?

Касожский великий князь Ридада мог предполагать и мерить исключительно в рамках собственного коварства, а... чистому всё чисто. Ридаде и в голову не пришла бы подобная низость. Он был воин, рыцарь чести.

...Откуда, мол, мне известно? Да это же секрет полишинеля: историк Карамзин старался для истории, а Ридада – великий князь касожский, стараясь для потомков, снова рассчитывал на свой дух. Не Ридада ли вещает через тысячу лет:

...Внемли, сын, не прекословь и помни:

Есть мстиславы, есть и Человек!

Слава поединка – миг единый,

Честь касога – на бессмертный век.

(1022-2022 гг. А. К.)

Гёте. *«Моё пожелание Гёте, которого самому не хотелось бы испытать, состояло в том, чтобы любовь подобная к Ульрике была бы для него предпоследней – могла бы выйти вторая Мариенбадская элегия! (стр. 76, С. Б.)*

Лютеранский бог благословил молодого Иоганна на настоящее светлое чувство. Гёте познал великое счастье любить и, сгорая, любить душу до донышка. Не каждому смертному – такое... И случился «Юный Вертер». И творил бы великий немец, и старел бы аки почтенный отец семейства, ежели бы не одно обстоятельство: в 1774 году Гёте приступил к работе над «Фаустом»... Тогда и закрутилась дьяволиада. Даже такой гений, как Иоганн Гёте должен бы крепко задуматься, прежде чем вкладывать свои мысли в горло демона. Мефистофель не гаер, не лицедей. Не актеришка он, даже на великих сценах! ...Долг платежом красен. «Мариенбадская элегия» – ёрническая ухмылочка Мефистофеля, дождавшегося своего часа. Дьявольская месть, продуманная тонко: в преклонные лета, да ещё и в такую особу, прости, Господи! Ну и заметался дьявольский жар кажущегося «Вертера». Сухая грудь стареющего (73 года) гения – не лучшее место для подобного пожара. А жаль, старость могла быть более величественной! Не Ульрику фон Левецов благодарить за «Мариенбадскую элегию». Все лавры – создателю «Фауста».

Кстати, с каждым, кто дерзнул воспользоваться его риторикой, дьявол обходился не лучшим образом. Гёте ещё повезло: состоялся милый обмен любезностями...

Почему у Достоевского не случился Дон Кихот?

Ф. М. Достоевский так и остался непризнанным зодчим образа незавершённого рыцаря. Но в книге «За мерой – инобытие» Вы высказались о том, что без Дульсинеи Тобосской не могло быть и Дон Кихота Сервантеса. Фёдор Михайлович был на правильном пути: предусмотрительно начал с дамы сердца будущего рыцаря, но непростительно замешкался в роковых изгибах очаровательной Грушеньки, а тем временем роман пришёл к своему эпилогу. Кандидатов в рыцари – братьев Карамазовых – было четверо, а не трое. Куда девать Смердякова – баловня Карамазова-отца, и его же – «Валаамову ослицу»? Мог... мог быть Дон Кихот у Достоевского, но Грушенька обесчестила фабулу. Автору только и оставалось-то спровадить всех претендентов в палату № 6... что он и сделал.

«Недавно я стихами как-то свистнул...» *

Автор «Стансов» один и над снегами? Ужель по сей день зябнет?... Снега ведь! Уповаем, что графиня И. Г. Полетика (Строганова) с первой же оказией вышлет пару подшитых сибирских валенок.

---

*А. С. Пушкин. ПСС., т. II. Изд-во АН. СССР, 1956, стр. 255.

Ждать осталось... до греческих календ. Вам же, златоуст, для досуга пересылаю быль «Как Иванушка-дурачок за чудом ходил» в пересказе А. М. Горького. Небезынтересная историйка.

Пушкинисты же, охающие со скальпелем, равно как и воздыхатели, ахающие без лорнета, – утешьтесь, мы знаем, что «Пушкин – тога, Пушкин – схи́ма, Пушкин – мера, Пушкин – грань» (М. Ц.), но мы также знаем, что Гораций поучал «почаще поворачивать стиль», а не наворачивать комиксы в духе Франсуа Рабле. Впрочем... куда только не занесут царевы дивиденды!

«Хищники на Чегеме» пера А. С. Грибоедова?»

Поэту-дипломату где только не мерещились эти хищники! В Эривани и Тебризе; на Пречистенке и на Басманной; на Охте; во дворце у Нессельроде; в доме Левашовых и в болгаринской гостиной; в оскале Пушкина и в... нумерах. Да, Грибоедов был сторожко-мнителен. Перед новым отъездом в Тебриз, не он ли писал Ф. Булгарину: «они отправляют меня на съедение...» «Туркманчайский мир» в депешах стал его голгофой, а участь поэта была предрешена пятнадцатью курурами (перс.) от Аббаса-Мирзы. Да мы и не забываем, что Грибоедов – шурин графа Паскевича, очередного «усмирителя» Кавказа. В одной из Ваших книг, в исторических этюдах переданы весьма объективные материалы по кавказским поездкам А. С. Грибоедова. Поэт был настоящим рупором царизма. «Чегемцы» – не более чем фигура речи в одических воздаяниях «любезного Сашеньки» зятю-благодетелю на Кавказе. Граф Паскевич и продавливал его кандидатуру в Коллегию иностранных дел.

А. С. Грибоедов – автор не только комедии «Горе от ума», но и соавтор, и главный герой собственной драмы от *вороного*. За музицированием в английской миссии у Макдональдов (в Тебризе) поэт запамятовал исторический плач персов по имаму Хусейну ибн Али. Убийца святого имама ибн Саид восседал на вороном коне. Грибоедов же въехал в Тейрань (Тегеран) на... вороном.

Чёрная мессия для перса! Фанатизм толпы да пустая казна династии Каджаров, не готовых расщедриться на *спорных* два курура – чем не пасть хищника? Это была настоящая псовая охота. Царь легко сбыл с рук вчерашнего лирического вдохновителя по истреблению кавказских горцев. Поэт не должен манкировать даром художественного слова. Стихи – тончайшая сфера провидения. Они сбываются. С небольшими пространственно-временными погрешностями, но сбываются.

Философия шагренево́й кожи. У Вас здесь любопытная аналогия с Фаустом. И некоторые мысли по А. Моруа... Шагреневая кожа – единственное произведение Бальзака, которое *не может*ся перечитывать часто. За исключением Валантена-старшего, да откровений старика-антиквара, все – сущий вздор! Эти Растиньяки – сибариты, Феодо-

ры... К концу романа измотанная душа читателя – скукоженный лоскут ослиной кожи с... лист барвинка. На сегодняшний день авторские права гениального француза жестоко попораны. Впрочем, надо признать и некоторые усовершенствования со стороны присвоителей, ведь банковские кредитные карты по исполнению желаний – прямоугольны.

Треугольная шагреня здесь стала пластичной. В остальном – хрен редьки не слаще, только вот Бальзак остался с носом.

Бунин и... Бунин

Перечитал первый том «Братьев Карамазовых», три четверти – совершенный лубок, балаган...» Он же во втором томе: «То и дело до крайней глупости неправдоподобная чепуха!» (стр.182, С. Б.). Далее на другой странице другой эпизод:

«Вы для меня – первейший мастер в литературе русской – это не пустое слово, не лесть», – сообщил А. М. Горький И. А. Бунину в 1916 году, и последний не возражал первому. Впоследствии И. А. Бунин писал: «Говорил и о Тургеневе. Я вспоминал, как Горький басил про него со своей лошадиной высоты: «Парное молоко!». Это же не критика, а брань. Здесь в пору вспомнить, что есть и другие высоты, не в пример лошадиной ниже, в том числе – ослиная. Из этой же категории парнокопытных».

Далее комментирует и заключает С. Б.: *«Отзыв о Горьком, писателе с мировым именем, вероятно, худшее из всего, что сказано И. А. Буниным и с точки зрения формы, и с точки зрения содержания» (стр. 249. С. Б.)¹.*

Как тут не вспомнить Фрэнсиса Бэкона с его «кораблями мысли!» Однако, хорош Бунин... Да, лубок! Но посередь этого лубка покоится прах Бунина-отца, коего сын (Бунин) так трогательно живописал в «Жизни Арсеньева», Да, балаган! Не Достоевский повинен в том, что действительность губерний и уездов Руси кишмя кишела не токмо юридическими, кликушами, но и всякими буни-оборотнями под птичьими фамилиями штабс-капитанов.

По поводу же «худшего из всего, что сказано Буниным... «Ой ли?! Худшее он успел и сказать, и сделать ещё на орловщине: с несметными мухами, с мышинным душком (бун. опред.) от подмышек юных или почтенных особ, и с... инцестом чуть ли не за каждым верстовым столбом. Не в Приморских ли Альпах, не в Парижах ли у И. А. Бунина проклюнулся этот едко-фальшивенький барский тенорок? Чудесным образом – не исключено, что по нобелевским куртинам – бунинское тонкое обоняние передалось снобу-петербуржцу Сирину (Набокову). У последнего не душок-запашок, а кое-что и потерпче. От обоих долго и смрадно свербит в носу.

---

¹ И. А. Бунин, ПСС, том I; том II;

Рано, ох, рано почил Н. С. Лесков. Он-то вытряхнул бы эмигрантскую хворь землячка-орловца с солью, с перцем, да с собачьим сердцем. Ещё «квасу жбана» не пожалел бы на посошок. Бунин сам отчётливо просится на страницы «Бесов» Достоевского. Этого он второму и не простил, очевидно. А Горький остался на «своей лошадиной», но высоте. Он не променял отчизну на понюшку заморского табака. Да упокоятся все с миром!

Печень от бога бессмертна – заголовок одной из миниатюр (стр. 269), где приводится: «Одна из глав “Отверженных” Виктора Гюго озаглавлена “Бессмертная печень”. Имеется в виду печень прикованного к скалам Эльбруса Прометея <...>» (С. Б.).

Заголовок представляет немалый интерес для лингвистов. Печень *тхъэ-м-щыгъу* (адыг.) из двух основ *тхъэ* (тха – бог); (м) – пад. эргатив; *щыгъу* (адыг.) – пребывать – с чем (кем)-либо. Одна из исконно-адыгских лексем, не подвергшихся фонетическим процессам. Лексикологам стоит обратить внимание и на слово *тхъэмбыл* (лёгкие). Почему же здесь не *тхъэмпыль*? Именно второй вариант, где пыль – наверняка мог быть исходным, потому как был – лишено понятийного смысла, в то время как пыль (висячий, завис) все объясняет: *тхъэм-пыль* – висящий (повисший) на *тха* (боге). Здесь очевидна консонантная диссимилиация согласного в губном. Впрочем, пусть меня поправляют фонологи. В книге встречаются и другие неисследованные слова: *псыхъуэ* и *психо*. Здесь любопытная параллель смысла.

Не подлежащая тлению выставка на Эльбрусе

Идея, предложенная Вами в разделе «История в узловых эпизодах», весьма оригинальна. Достойны и экспонаты: «*повязка Конфуция, дырявый плащ Сократа, бочка (пифос) Диогена Синопского, землянка кабардинского мудреца Бекмурзы Пачева*». Да, будет ради чего покорять высочайшую вершину Европы!

Но... дырявый плащ Сократа... Надеюсь, Вы не станете отрицать, что тот, в ком звучит великая мысль, и тот, кто способен постигнуть эту мысль во всей её бессмертной мудрости, одинаково равны перед ликом Гармонии. Плащ Сократа давно стал... харизмой. Во всяком случае, я – дальнороящая – вижу его на тех, в ком сияет свет Мудрости. Носите же и Вы этот плащ. Несите мысль во здравии, и свет – в бдениях ума. Дырками сократова талисмана извне и изнутри зияют ненасытные глазницы познания, Вами завладевшего.

Философ – кладезь странностей высшей пробы (С. Б.) * Трудно не согласиться с Вами, и отрадно читать подобное именно у Вас! Ведь этот случай – единственный, где женщина вне подозрений: философское научное Слово не знавало имён дочерей Евы... Создателю

*С. Н. Бейтуганов «За мерой – инобытие» Нальчик, 2022, стр. 249.

– не на кого пенять за надкушенный плод. И изгонять неоткуда! А сколь часто изгоняли меня... По ветхому завету; по Мильтону; нынче – и по Бейтуганову. Пышные были проводы: по гордиевым узлам летописцев – под лютни эссе и миниатюр – сквозь шпицрутены хлестких афоризмов. Однако Вы и одарили меня по-царски! В загнетках конюшен Авгия и для меня отыскалось *нечто*. Ах, не торопитесь знать *что*, а успейте разглядеть, *как* шествую я с этим «нечто». Как... вдохновлённый Рерих – если бы тому удалось открыть Шамбалу... Как рыцарь-тамплиер, если бы тот сумел отыскать чашу Грааля. И как я – с... пенкой радуги в ладонях. Благодарю Вас, златоуст, за сей неожиданный дар от Вашего кладезя: уношу за пределы всех мер «Кипарисовый ларец» Иннокентия Анненского. Чем не индульгенция во всех бытиях?!

Во искупление же собственного дилетантства и излишнего упрямства, всплывших в здешней мере, Вам – мастеру дешифровки – доверю:

Родимые пятна – чернила на пальцах –
тавро неприкаянных слов,
на скорую руку сколоченных пяльцах
служу вышивальщицей снов.
Терпенья, бумага! Простите, чернила...
кикимора смотрит строфой,
вердикт поколения: «не любя – не мила,
век новый, формат цифровой».
И ведьмовских уст размыкаю витийство,
аукаю: кто есть живой!
В андроидах ропшет веков разночинство,
в айфонах урчит домовой.
Глядишь – скоморошество с гиком к Парнасу,
соловушкой кычет сова,
Камена в опале. Еретика – в рясу,
а юноше все трын-трава!
Мои письма – да в острожное рабство?
Чернильных наяд на подвой?
Сошлите, молю, в Берендеево царство,
там... Лешего стану вдовой.

ЦЕЛЬ – ТВОРЧЕСТВО
К 80-летию Х. М. Тхазеплова

Хасан Миседович Тхазеплов родился в 1943 году в селении Старый Черек Урванского района КБР. После окончания школы несколько лет проработал водителем в колхозе, в 1962 г. поступил на отделение механизации сельского хозяйства и вскоре был призван в армию. После службы, в 1965 году, восстановился в университете. Затем поступил в Литературный институт им. Горького, в связи с чем перевелся с очного на заочное отделение в КБГУ. В 1970 г. получил диплом инженера, а в 1974 г. завершил учебу в Литературном институте. С 1975-го по 1976 г. работал инструктором при Урванском райкоме КПСС. В 1976 году по предложению Адама Шогенцукова и Хачима Теунова возглавил бюро пропаганды художественной литературы при Союзе писателей КБР. С ноября 1994-го по 1998 год Х. М. Тхазеплов – председатель Союза кабардинских писателей. С 1995 по 1998 гг. – сопредседатель Союза писателей КБР.

Х. М. Тхазеплов – член Союза писателей России с декабря 1979 года, долгие годы был главным ученым секретарем АМАН. В 1999 г. был удостоен звания «Заслуженный деятель культуры Российской Федерации». В 2009 году стал лауреатом премии Международного фонда им. М. Ю. Лермонтова.

С 2000 года и до своего безвременного ухода из жизни занимал должность главного редактора журнала «Литературная Кабардино-Балкария».

Хасан Миседович – лауреат Большой литературной премии 2018 года за книгу стихов «Путь караваника», его перу принадлежат более 30 книг. Он – автор лирических стихов и новелл, человек разносторонних интересов, простирающихся от поэтических реконструкций восточных форм до изобретательской деятельности.

СЛЕДУЯ ТРАДИЦИЯМ ВОСТОКА

Удивительно богата мировая поэзия по формам и по стилю выражения в творческом наследии великих восточных поэтов – Омара Хайяма, Амира Хосрова, Хафиза Ширази, Абдулкадыра Бедия,

*Хасан Тхазеплов, Фёдор Болтыханов, Сафар
Макитов, Хаути Сохроков, Ахмат Созаев,
Валентин Кузьмин, Хачим Кауффов*

Алишера Навои, Низами, Рудаки, Саади, Огахия. Наряду с крупномасштабными поэмами, дастанами, значительное место занимают в ней малые поэтические жанры – газель, касыда, рубаи, гошма, кыта и т.д. Среди них широкое распространение получило четверостишие (рубаи).

Четверостишие распространено на огромном

геокультурном пространстве Востока и Запада. Общекультурное значение литературы подчеркивал немецкий поэт и философ Гете, который соединил художественную культуру народов Запада и Востока. Он выдвинул идею всемирной литературы как явления целостного, имеющего общие законы развития.

Эти поэтические традиции унаследовал и Хасан Тхазеплов, выступавший под литературным псевдонимом Хасани. В его четверостишиях раскрылся подлинный талант нравственно-философского характера.

Следуя традициям Востока, он написал около двух тысяч рубаи, но место и значение истинного поэта определяется не количеством сочиненных стихотворений, а масштабностью и самобытностью его поэтического видения, самостоятельностью голоса, открытием в национальной литературе новых возможностей и перспектив. В рубаи Хасани, как в и других его произведениях, продолжается поиск собственного направления, собственных тем, передающих глубинные состояния души, внутреннюю жизнь человека.

Перед нами возникает картина углубленных размышлений над вечными вопросами человеческого бытия, включая те пороки, что простекают из самой сущности устройства общества.

Чу, шумливые народы! – на планете суета.

Высшим символом явились непонятные врата.

За вратами – лик в тревоге, а на лице – строгий взгляд,

Словно небо плащаницей смотрит в душу неспроста.

Отмеченные богатой образностью, сложной метафоричностью, глубоко самобытным видением мира, эти строки буквально завораживают, покая читателя философским осознанием человеческого бытия. Здесь автор воспринимает индивидуальное человеческое бытие исключительно как часть бытия универсального. Оно не может

быть вычленено из этого единства, не имеющего ни начала, ни конца, так как неизменно несет в себе все, что вмещает мироздание:

*Есть у каждого из нас на земле задача –
В воплощениях своих стать духовно зрячим.
Тайна в том, что жизнью всей в небе что-то строим,
Удивляясь иногда, иногда и плача.*

Человек и общество предстают здесь как утверждение духовной жизни в универсальном бытии, что указывает на неистребимый оптимизм поэзии Хасани, исходящей из веры в бесконечность жизни, где человек охраняет все живое своим существованием, не приемля порочности и ханжества:

*Жизнь не вовсе колесница, как нам это ночью снится,
Будто грозная десница, катит нрав свой – в душу вливается,
А душа, что из кошмара мчится в царство, в жизнь играя,
Мимо ада, мимо рая, где сам ад в тот рай стремится.*

В рубаи Хасани везде присутствует доброта и здравый смысл, утверждение того, что каждый человек должен знать свое место и свое предназначение в этом мире.

*В грешном мире, в котором людьми мы зовемся,
Кто со злом, кто с добром до могилы деремся,
Не могу распознать я отличий меж нами,
И тогда, когда вместе мы в дружбе клянемся.*

В его стихах таится своеобразное утешение, так как жестокость всегда наказывается, а носители зла не могут уйти от возмездия. И если этого наказания не происходит при жизни на земле, то неизбежность кары будет преследовать в мире ином. Но человек есть человек, и он нередко грешит, услаждая себя дарами мира.

*Где зурна в соблазнах плачет в песнях сердца Хасани,
Там наложницы танцуют, возбуждая все в крови.
Жизнь, что нам Аллах дарует, истекает каждый миг,
Потому с любовной страстью ты красавиц обними.*

И потому Хасани, как и другие поэты во все времена, задается вопросами: что есть жизнь? Кто дает и отбирает эту жизнь? Откуда я и куда направится мой путь? И для чего все это? Ответить на эти и подобные вопросы пытались многие, в том числе и Омар Хай-

Слева направо: Борис Кагермазов, Зейтун Толгуров, Ахмат Созаев, Хасан Тхазеплов

С членами «Адыгэ Хасэ» КБР

ям, но все попытки были тщетными. Видимо, так будет всегда, поскольку при решении одного вопроса неминуемо возникают и множатся новые, на более сложном уровне, и эта чередка бесконечна. Можно ли сравнивать жизнь Омара Хайяма и жизненные обстоятельства Хасани?

Конечно, эпоха, в которой жил великий поэт Востока, отделена от нашей десятью столетиями, но все же можно провести некоторые параллели. Омар Хайям – сын ремесленника, Хасани – сын крестьянина; Хайям – ученик Нишапурского медресе, Хасани – воспитанник интерната; Хайям – придворный астролог, близкий к властителю, Хасани – работник райкома партии, близкий к первому лицу района; Хайям сумел выжить после убийства покровителей, Хасани с ранних лет выживал в большой семье, после ухода из жизни его отца; Хайям имел глубокие познания в математике, Хасани – инженер, кандидат технических наук, имеет множество технических патентов и опубликованных статей в разных областях науки и техники; Хайям – астроном, у Хасани почти все творчество охвачено темой Космоса, в которой звучит глобальный вопрос: кем станет человек в далеком будущем, если раньше он не уничтожит себя? Этим же вопросом задавался и Э. К. Циолковский.

Омар Хайям – особая ступень в истории человечества и прямой продолжатель великого Ибн-Сины (Авиценны), который использовал форму рубаи еще раньше.

С Абдулкеримом Соновым

Но Хайям поднял эту форму на несравненно высокий уровень, его рубаи, с присущей им выразительностью и сжатостью, наполнены мудростью, элегическим чувством, метким остроумием.

При чтении рубаи Хасани перед глазами невольно встает великий Восток, уходящие вдаль пески пустыни, и на этом фоне – неспешной вереницей – караван вер-

блюдов. Это не воображение, а реальность истории. Все это воспроизводят рубаи, а это требует определенных усилий, широкого диапазона мышления и философского склада ума. Именно этим и отличается творчество талантливого русскоязычного поэта Хасани. Его мировосприятие и миропонимание беспредельно и всеохватно, как говорили древние греки, все во всем. Своим творчеством он расширяет геокультурное пространство и является вектором соединения поэтической культуры Востока и Запада. В этом заключается главная заслуга Хасани в современной северокавказской поэзии, а первое издание его стихотворений в форме рубаи вызвало огромный читательский интерес не только в нашей республике, в России, но и в республиках Средней Азии и Казахстане.

С Тазалом Машуковым

Я уверен, что люди будут читать его рубаи с большим интересом, прикасаясь душой с самой тонкой сферой, имя которой поэзия. И это не абстракция, а реальность жизни и народной мудрости Востока, который способствовал возникновению философии и культуры человечества.

Рубаи – это шедевр мировой поэзии, об этом свидетельствуют многовековые этногенетические и культурно-исторические связи многих народов мира. Рубаи – это огненный факел, вечный спутник в нашей жизни, так как содержат в себе народную мудрость, накопленную тысячелетиями истории человечества.

Хасани пишет глубоко содержательные, философские рубаи, не повторяя никого, отражающие не только прошлое, но и современную жизнь. Он внес определенный вклад и в кабардинскую поэзию и достойно вошел в современное геокультурное пространство. А это редкое явление в современной литературной жизни.

На каждом историческом этапе развития художественной культуры действуют определенные парадигмы. В результате этого идет ломка старых форм и методов стихосложения. Переход от локально-национально-специфического к общечеловеческому совершается в процессе расши-

*Хасан Тхазеплов, Адам Нахушев,
Андрей Хакуашев*

С Борисом Утижеевым

рения геокультурного пространства. Можно утверждать, что современная поэзия обогатилась с появлением рубаи Хасани, имеющих глубокий социально-философский смысл. В них раскрылся самобытный талант Хасана Тхазеплова, питаемый глубоким знанием философии, культуры, литературы Востока.

Если взять все творчество Хасана Тхазеплова, то при разнообразии тем, мотивов и настроений легко обнаруживаются две ведущие и противоборствующие тенденции, или темы. Это тема неумемного восхищения красотой мира, ненасытного наслаждения жизнью, высокого и вместе с тем лиричного прославления счастья, любви и добрых человеческих чувств. Во всем этом одновременно звучат страдания души, сердца, тяжелый вздох скорби, а порою и насмешливая нота неудовлетворенности окружающей жизнью и протеста против социального зла. Человек, родившийся во время самой жестокой войны с фашизмом и переживший перестройку социального строя, не мог остаться в стороне от таких великих потрясений. Вот почему у Хасана Тхазеплова и у Хасани мы находим утверждение радости жизни гуманистическим духом, признание в человеке доброго начала и творца своего счастья. И все же эта вера жизнелюба не могла и не может не сталкиваться с тяжелой действительностью, происходящей вокруг нас и во всем мире, где народные массы обречены на нищету и страдания. У него радость и горе живут по со-

Слева направо: Аскер Додуев, Уфук Тузман (Турция), Нюрлю Гербеков (КЧР), Хасан Тхазеплов

седству. А когда поэт обращается к Всевышнему, словами «Бог», «Аллах», то он ищет защитника, воплощения благих стремлений человека, в котором он сам ищет опору и источник вдохновения. Для людей с обостренными чувствами путь в поэзии – это тяжелый путь сквозь повседневную су-

ету, социальную несправедливость, где личная свобода человека не зависит от него, где свет и счастье зависят от социально-политического характера устройства общества.

Не уделив внимания поэзии Хасана Тхазеплова, мы существенно обедним наше понимание идейной атмосферы прошлых веков и нашей эпохи, в которой преобладали и преобладают острокритическое

отношение к окружающему, жажда перемен, поиски путей к преобразованию жизни через познание мира в самой природе, углубление в сложные проблемы человека, общества и культуры.

В своей статье о Тхазеплове доктор филологических наук

Светлана Алхасова пишет: «Кабардинскому поэту Хасани удалось, быть может, нарушить великую истину, заключенную в изречении Гераклита Эфесского: “Дважды в одну реку не войдешь. Все течет, все изменяется”. Войдя в реку Истории, кабардинский автор создал свои рубаи. И все же Хасани не нарушил глубокой мудрости древнего грека: в его четверостишиях – поиск собственных путей в поэзии рубаи, свой собственный взгляд на поступки людей, явления и события в современной ему действительности, свои тонкие, порой очень глубокие наблюдения, философские выводы. Несомненно, на поэзию Хасани наложили свой отпечаток этнонациональная специфика, эпоха (очень далекая от эпохи О. Хайяма), геополитическая культура адыгов. Но так же, как и его великий предшественник, Хасани не приемлет пороков общества, ханжества, злословия, лжи, жестокости, жадности, меркантильности...»

*Салих Эфендиев,
доктор философских наук, профессор.
2012 г.*

На заседании Президиума АМАН

Хасан Тхазеплов с коллегами после вручения ему большой литературной премии России. Москва, ЦДЛ. 15.01.2018 г.

СЛОВА ПОСЛАНЦА К ЗВЁЗДАМ

Озарённый
Солнечным сияньем,
Я летал над сумраком равнин
И желал поведать вам,
Земляне,
О тоске космических глубин.
Голос солнца
Слышал безутешный,
Светом проносившийся во мгле:
«Люди, люди,
Вашей жизнью грешной
Много зла
Вы принесли Земле.
Ведь она
Одна во всей Вселенной,
Но её вы исказили лик, –
Для того ль он красотой нетленной
В хаосе космическом возник?..»
Я вернулся
На родную Землю,
Думы солнца вам передаю
И хочу, чтоб, им душою внемля,
Вы остановились на краю...

***

Кровь лилась, –
И в бесконечных войнах,
Люди,
Вы не думали о том,
Как прожить
Свободно и достойно,
Сохраняя в целости
Свой дом.
Только ныне
Разум стал слышнее
Тёмных человеческих страстей:
Не нужны

Кровавые затеи
Меж живущих на Земле
Людей.
Мы на белый свет
Из тьмы явились,
Чтобы жизнь Земли
Не прервалась,
Чтоб земное сердце
Вечно билось,
С человеческим поддерживая связь.

***

В ночной тиши
Я слышу:
«Мама! Мама!» –
Из темноты
Смертельный
Зов земной;
Свидетель и участник
Страшной драмы,
Хочу откликнуться,
Но слабнет голос мой.
Скажи, Земля,
Где мать твоя отныне?
Как отыскать её
В мерцающей пустыне?

***

Я – Человек!
И ныне охраняю
Просторы искалеченной Земли;
Безжалостно
Сегодня я караю
Тех, кто её
От ран не сберегли,
Кто растоптал
Цветы равнин зелёных,
Кто замутил
Прозрачные ключи,
Кто, упиваясь
В бесконечных войнах,

Себя вели с ней,
Словно палачи,
Кто, наслаждаясь сочными плодами,
Крушил сады,
Ей причиняя боль,
Кто раздувал спесиво
Розни пламя,
Тем самым предавая хлеб и соль;
Я вижу –
Плачут матери и дети
И стонет от насилия
Земля, –
О, люди, вы передо мной
В ответе,
А пред Землёй –
В ответе буду
Я.

СЛОВО ЗЕМЛИ

Я – целый мир!
Я – часть Вселенной!
Одни живём
В космическом огне...
Мы связаны природою нетленной:
О, люди,
В вас я,
Как и вы –
Во мне.
О, люди, люди,
Злость свою умерьте, –
Вас о любви и нежности молю!
Когда вокруг костры бушуют смерти,
От боли содрогаясь,
Я скорблю.
Я до сих пор кормлю вас
И лелею,
Даруя жизни радостные дни,
Я отплатить вам за добро
Сумею, –
Не зажигайте смертные огни.
Меня спасая

От пожарищ века,
Спасаете от гибели себя...
Дойдёт ли
Стон мольбы
До Человека.
С которым общая у нас
Судьба?!

***

Мне старец
Говорил угрюмый,
Что человек –
Болезнь Земли,
Где б ни ступал он,
Там мгновенно
Цветами язвы расцвели.
И старцу я тогда
Ответил,
Что человек –
Земли родник,
Что он
Душой и сердцем
Светел...
И старец прикусил язык.

РАССКАЗ МАТЕРИ

Грудными были вы детьми,
Когда, уснувших в колыбели,
Похожи на исчадь тьмы,
Фашисты
Вас убить хотели.
И я укрытие нашла
В воронке
От шального взрыва;
И вас туда перенесла,
Дождавшись ночи
Терпеливо.
Соломой мёрзлой
Лаз закрыв,
В воронке той

Жила я с вами, –
А огненный войны нарыв
Чудовищем свистел над нами.
Не помню,
Сколько скорбных дней
Я провела в воронке мрачной, –
Затих бессильно крик детей
Во тьме
Зловонной и незрячей.
Я грызла
Каменный чурек
Желая накормить вас
Грудью,
Но только слёзы из-под век
Стекали ядовитой ртутью.
Не молока –
Хотя б воды
Один глоток
В трескучей суше...
Уже объятия беды
Невинные сжимали души.
И к богу
Обратилась я
С мольбой о влаге
Драгоценной, –
И капля влаги на меня
Упала данью безвозмездной:
То яблоня поила нас,
Корнями почву прорывая,
Снарядом срезанная,
Лаз
В воронку
Ветками скрывая.
И, словно бы к моей груди,
К её корням тянулись губы...
Земные нас спасли сады,
Войной израненные грубо.
Счастливей не было меня
Среди людей
В тот вечер мрачный,
Когда ваш стон среди огня
Услышала
Во тьме незрячей.

ЗАВЕТ ОТЦА

Отец мой стал
Землёю вешней, –
К нему, как на свидание, иду.
Я с ним
Ночной порой неспешно
О жизни и о смерти
Речь веду.
Отец!
Не в силах слёз своих
Сдержатъ я,
Отец!
Ты слышишь ли
В пустынной мгле?
Отец!
Прими меня в свои объятия, –
Мне без тебя
Тревожно на земле.
Но памятник, как страж,
Не откликаясь,
Тяжёлой думы полн,
Хранит в себе
Былых и новых поколений завязь, –
Она передалась
Моей судьбе.

СЛОВО ТОГО, КТО УКРАШАЕТ ЗЕМЛЮ

Дарю Земле
Любовь и честность,
Дарю ей
Труд упорный свой,
Дарю её
Жизнь и человечность,
Дарю ей
Правду и покой.
Дарю детей своих в награду
И говорю:
«Цвети, Земля!»
И большей

Нету мне отрады,
Чем видеть вешние поля.
Всё, что в душе
Моей хранится,
Готов Земле родной отдать,
Чтоб ликовала,
Словно птица,
Её живая благодать.

***

Землю
Взрывы сотрясают...
Звёзды
Освещают ночь.
Кто, безумный,
Мне мешает
Мрак бессонниц
Превозмочь?
Я хотел бы на рассвете,
После ночи, как всегда,
Золотое солнце встретить,
А не в прахе города!

***

Ребёнка
Убаюкала Земля
И в нежные туманы
Спеленала,
Цветами озарённые поля
Упали в колыбель
На покрывало.
И песня колыбельная
Звучит
В притихшем мире сладко, одиноко,
Но где-то вновь
Оружие гремит
То с Запада, то с Юга, то с Востока...

...Эй, перестаньте
Оружием бряцать,
Чтобы не страшно детям
Было спать...

Переводы Ю. Никонычева

ДОБРАЯ ПЕСНЯ

Солнце ли высветит радости наши,
День ли настанет вчерашнего краше,
Время ль наступит посева семян,—
Добрую песню разносит Хасан.

В зной ли палящий, в жестокую вьюгу,
Чтобы сердца прикипели друг к другу,
Чтобы не сбился с пути караван,—
Добрую песню разносит Хасан.

Чтобы с мечтой о несбыточном чуде
Не расставались хорошие люди,
Чтобы их души не застил туман —
Добрую песню разносит Хасан.

ПОДРУГА ДУШИ МОЕЙ

Ответ газете «Заман»

В одном из номеров республиканской газеты «Заман» была напечатана заметка с фотографиями трех красноармейцев. Публикация заканчивалась так: «Эти три фотографии найдены в архиве нашей редакции. К сожалению, об этих людях ничего не известно. Ходят слухи, что все трое из Зольского района. Возможно, это так и есть. Судя по военной форме, они – фронтовики. Какова их судьба? Если кто-нибудь о них что-то знает, очень просим откликнуться...»

Дорогая редакция газеты «Заман»! Позвольте подробно ответить на ваш вопрос. Этих солдат я отлично знаю. Все трое – родные старшие братья моей матери, сыновья Аппаева Кази – Мухаммат, Узеир и Мажир. Они сражались за родину и геройски погибли в ожесточенных боях 1941-1942 годов. Узеир был танкистом, защищал Ленинград, а Мухаммат служил в авиации. Обоих призвали в Красную Армию в 1939 году. Великую Отечественную войну они встретили в рядах вооруженных сил СССР и одними из первых вступили в бой с врагами.

Фронтовые дороги Мухаммата можно проследить по его письмам, которые он писал своей матери Балаяк. На поле брани за Кавказ был ранен, лежал в госпитале Краснодара. Через некоторое время, вылечившись, он рассказал об этом в одном из своих писем. Два месяца спустя его ранили снова. В письме, отправленном поздней осенью 1941 года, есть такие строки: «Ана, мои раны зажили, я поправился и уже в третий раз готовлюсь к сражению...».

О том, что Мухаммат воевал на Кавказе, понятно из его посланий: «Ана, если над Хабазом полетит самолет, знай, быть может, это буду я. Не бойся, немцев до вас не допустим, мы их раньше разобьем. Что-то давно от Узеира нет вестей. Давай, Ана, до скорой встречи!...». К сожалению, это было его последнее письмо.

13-го февраля 1942 года на имя его матери пришло новое известие, но оно было не от Мухаммата, а от его командира и товарищей-однополчан: «Ваш сын, лейтенант Мухаммат Казиевич Аппаев, защищая отечество, геройски погиб...» Все произошло на глазах командира полка: самолет Мухаммата сбили под Москвой, в небе над селом Иваново.

Позже эту печальную историю рассказал Мажир, его старший брат, единственный из сыновей Кази и Балаяк, который успел в то время создать свою семью. В марте 1942 года Мажиру пришла по-

вестка. Его вместе с тремя десятками земляков всем селом провожали на войну. Ждать сражения долго не пришлось. Старшина Мажир Аппаев вместе со своей необученной, необстрелянной частью попал в самое пекло.

Это все мы тоже знаем из писем, которые Мажир посылал молодой жене. Он писал, как за один день семь раз ходил в атаку, как отомстил за погибшего младшего брата Мухаммата. Мажир не успел узнать, что, защищая Ленинград, в 1941 году погиб и другой его младший брат Узеир. Жена Мажира, Созарукова Зарият, первая невестка в большой семье Аппаевых, прожила с мужем не больше года, но не разлучалась с ним всю оставшуюся жизнь. Вместе делила и горе, и счастье, ад переселения и радость возвращения, до последнего вздоха сохраняя супружескую верность мужу и память о Мажире. Зарият так и не поверила, что он погиб, и всегда говорила: «Вы увидите, он жив, он вернется!» Клятва у нее была одна: «Мажир алай сау кьайтсын!», то есть «Как дай Аллах, Мажир вернется живым и здоровым».

Из писем Мажира своей жене:

«Как бы то ни было, подружка души моей, мое сердце не боится. Даст Аллах, увидимся. Ты тоже не бойся, не грусти. Будь благодарна Аллаху, будь покорна судьбе, не забывай помогать бедным едой и чем еще сможешь. Не печалься, не хмурься среди людей, зная их судьбы, я пережил много бед, слава Аллаху. Из моих односельчан со мной уже никого не осталось, зато нашел много хороших русских друзей.

Сейчас мы находимся около станции Буровой. Пишу во время отдыха в лесу. У меня все хорошо. Написал – Мажир, получит подружка души моей, Зарият...»

Человек, который в свои самые тяжелые дни так пишет, предан жизни и заставля-

Мажир Аппаев

Мухаммат Аппаев

Узеир Аппаев

ет жить и любить эту жизнь других. Как не вспомнить слова Гёте: «Лишь только тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой...» В другом письме Мажир писал: «Я очень тебя прошу, береги огонь в доме, чтобы он тебя всегда согревал. Пришло время посева, не запускай огород. Верь зерну, время сейчас плохое. Прошу, чтобы исполнила все мои просьбы, подруга души моей. Моя, а значит и твоя мать, Ана, тебе аманат, а ты Аллаху аманат, Билина тебе аманат. Давай, будь здорова, крепко жму твою руку, и до скорой встречи».

Какая глубокая любовь, какая бездонная вера друг в друга, в победу...

Билина – это моя мама. Она жива и здорова. И сегодня она клянется: «Жашла алай сау кьайтсынла». («Дай Бог, чтобы ребята вернулись живыми»).

В детстве я часто и подолгу гостил в Хабазе у бабушки Балайк, она была дочерью Каншау-хаджи Уянаева. Каждый раз мне показывала фотографии своих сыновей и их пожелтевшие треугольные письма, завернутые белой простыней, и всегда говорила: «Если будешь хорошо учиться, и не будешь бояться, ты тоже будешь как они, особенно как лётчик Мухаммат».

Прошло много лет, я окончил школу. Подготовил и отправил документы в Армавирское высшее военное училище. Но не тут-то было... Лишь только собрался ехать на экзамены, как мать Билина упала передо мной и сказала: «Ты что, их судьбу хочешь повторить! Не жалеешь себя, других пожалей», – и заплакала. Я не смог переступить через маму, послушался. К сожалению, это был последний раз, когда я послушался материнского слова и доверился судьбе...

Теперь хочу поведать историю этой удивительной семьи. Начну рассказ словами о Зарият. Кем была жена героя?..

Перед войной Созарукова Зарият руководила комсомольской организацией села Хабаз. С 14 лет начала трудиться в колхозе наравне со взрослыми и всегда перевыполняла планы и нормативы того времени. Она обходила и объезжала бригады, кошары, первой из девушек Хабаза села на лошадь. Колхозники даже поговаривали: «Давайте, ребята, давайте, девочки, хоть и устали, выкладывайтесь, не подведем, а то не понравится нашему вождю». Вот так шутили и жили, такое уважение заслужила молодая девушка.

В то же самое время одну из передовых бригад колхоза возглавлял Мажир Аппаев, сын Кази. Вот за него-то и вышла замуж наша знаменитая комсомолка. Они создали крепкую и счастливую семью.

Увы, счастье оказалось недолгим, но семья осталась крепкой навсегда... Началась война. На фронт ушел не только Мажир, но и ее брат Осман. Зарият исполнился всего двадцать один год. С тех пор она жила

вместе с большой семьей Мажира. Вместе и дружно пережили войну, переселение и возвращение на родину.

Какая семья не испытала беду и горечь потерь?! Таковых нет. Эта беда и горечь по сей день продолжает тяготить нашу общую судьбу и судьбу каждого. А доля несчастий, выпавших на головы Аппаевых, во-истину, не знает пределов.

Еще в конце 1937 года по доносу одного из родственников, деда Кази, главу дома и кормильца, арестовали сотрудники НКВД за то, что он обучал селян азбуке и азам религии.

Из Нальчика приехал следователь, начал допрос. В одной комнате оказались доносчик, Кази и его младший брат – Мухаммат. Когда следователь вышел во двор покурить, Мухаммат сказал: «Кази, чему быть, того не миновать, дай я с ним покончу!» – и схватился за свой стул. На это дед ответил: «Оставь его, Мухаммат, не бери на себя грех, его Аллах давно прикончил». Об этом случае в селе знали все. Прошло чуть больше недели и решением «тройки», Кази приговорили к расстрелу, который немедленно привели в исполнение 9-го января 1938 года в Нальчике.

Исполнение приговора – это не что иное, как убийство, во-первых, ни в чем не повинного глубоко верующего человека, а во-вторых, кормильца тринадцати детей и жены Балаяк. Остались четырнадцать разбитых сердец, четырнадцать жизней с туманным и очень печальным будущим. Да, они убили Кази, но не смогли убить любовь к отчизне, которую он успел привить своим детям и ученикам.

Хочу назвать имена всех детей Кази: Мажир, Узеир, Мухаммат, Аслыхан, Фатимат, Къыралхан, Амин, Налжан, Билина, Халимат, Айшат, Сейпуллах, Юсуп... Трое (Мухаммат, Узеир, Мажир), как я уже писал, погибли на фронтах Великой Отечественной войны, четверо (Къыралхан, Халимат, Сейпуллах и Юсуп) умерли в первый год изгнания, в Казахстане. Аслыхан до войны вышла замуж за дигорца Адильгереев Хатаева, а потому избежала участи спецпереселенца. Остальные четыре сестры и мать – выжили. В этом заслуга Амина – единственного мужчины, который остался и принял на свои юные плечи ответственность за некогда большую семью. Он всех выдал замуж, определил и возвратил в родные края. Сам же после депортации поступил и окончил университет. Долгое время работал главным агрономом в родном селе Хабаз. К Амину часто приезжали профессор Аскерби Аппаев и Кайсын Кулиев, иногда с гостями, но чаще просто так, желая проведать Балаяк, которая, несмотря на пережитые беды, оставалась радушной, дарила людям улыбки и тепло, принимая судьбу такой, какая она есть.

Зарият Созарукова, ее первая сноха, до конца своих дней сохранившая верность и никогда не считавшая себя вдовой, жила и ждала.

Она ждала, вот-вот откроется дверь и войдёт Мажир, и она теперь его одного никуда не отпустит. Она повторяла: «Не только у него погибли братья, но и мой родной брат не вернулся с войны, значит, мы пойдем мстить вместе. Есть же у нас поговорка: «Душман ёлю болмай, уллу кёллю болма», что значит «Враг опасен пока не в могиле». Но, увы, время идет и берет свое. Зарият усыновила свою племянницу, вырастила и посвятила ей остаток жизни. После кончины Зарият, ее дочь Бозиева Фазилят передала мне письма Мажира. Спасибо ей огромное. Хочу привести еще несколько посланий павшего воина своей любимой жене.

«Дорогая подруга души моей Зарият!

Сначала передаю привет тебе и всем, кого я оставил. Хочу знать, как твое здоровье, как вы поживаете. Если хочешь спросить, как у меня дела, скажу – очень хорошо, я жив, здоров. Каждый день проходят учения, готовимся к наступлению. Помимо того, что по тебе скучаю, нет никаких печалей, дай Бог нам скорой встречи.

Получил твое письмо. Обрадовался, будто увидел тебя, увидел твой свет, моя дорогая душа Зарият. Читал твое письмо, как послание с небес. Я очень доволен тобой, тут говорить нечего. Дай Аллах, чтобы так же Он был довольным нашей жизнью, нашей встречей и нашей неразлучной и счастливой судьбой. Я признателен тебе, пусть будет также довольным тобою и мною Аллах, моя душа Зарият. Но у меня появилась боль в груди, когда, во-первых, ты спросила, что я ем, не холодно ли мне, во-вторых, когда ты сказала, что целыми днями пропадаешь на работе, а ночью, как сирота, приходишь и долго не можешь заснуть. О таких вещах прошу, не беспокойся, не грусти. Еще никто не смог обойти судьбу, что нам определил Аллах. Храни в груди Аллаха, не противься Его велению. А за то, что ты внимательна к маме и Билине и отдельно заботишься о них, прими мое особое уважение и благодарность. За меня ты можешь быть спокойна. Я не голодаю, что здесь дают – хватает. Мне и не холодно. Жаль, что нет табака, а в остальном все хорошо. Выдали красноармейские книжки, сняли размеры, скоро дадут форму. Нет причин, чтобы ты переживала, я прошу, никогда не грусти. Большой салам всем, кто нас провожал, наших разбросают по разным частям. Обними маму за меня, скажи ей, что все в порядке. Давай, счастливо оставаться, Бог даст, с радостью вернемся. Следи за хозяйством, я всем доволен. Крепко жму твою руку.

Получатель – Зарият, дорогая подруга души моей.

Отправитель – Мажир. Мой адрес: Кизлярский округ, Шелковской р-н, станица Новоцедриновка, п/я № 9/13. Аппаеву Мажиру».

Письма Мажира Аппаева написаны в апреле и мае 1942 года. По адресам легко можно узнать, в какую сторону передвигалась Красная Армия.

---

17 апреля 1942 года.

«Дорогая подруга души моей Зарият!

Пламенный красноармейский привет, как здоровье, как вы все живете? Что касается меня, я во здравии, чувствую себя хорошо. Единственная печаль, что я оторван от всех вас. Ничего, пока человек не увидит заранее предопределённую дорогу судьбы, покоя не будет. Всё же, я попрошу тебя об одном, не опускай руки, держись. Следи за здоровьем, береги себя. Помогай бедным, давай милостыню, всегда оставайся бодрой, так будет лучше. Мы сейчас уезжаем, куда, не знаю, наверное, на фронт. От судьбы не уйдём. Быть может, Аллах на малое время нас разлучил для испытания. Пусть Аллах даст нам встретиться живыми и здоровыми.

Будь стойкой, очень скоро увидимся. Очень-очень скоро. Ты тоже молись, проси Аллаха. Крепко жму твои руки. Много не пишу, но ты должна понять многое. Пусть твоя жизнь будет такой, как я хочу. Всем передай привет, крепко жми руки всех сестёр и братьев и наших матерей. Из нашего села осталось одиннадцать человек, пока выезжаем все вместе.

До скорой встречи дорогая подруга души моей.

Мажир».

Перед началом боев Мажир отправил ещё одно письмо, ставшее предпоследней весточкой с фронта.

«Дорогая подруга души моей Зарият, сначала хочу спросить о твоём здоровье и благополучии, о жизни села, о здоровье близких.

А если спросишь обо мне, я здоров и спокоен, жив, кроме того, что скучаю по вас, другой печали нет. Пускай Аллах тебя сбережёт, всё же никогда не унывай, борись за жизнь, моя душа. Мы уже в Батайске в пять утра выгрузились из машин.

Что бы ни случилось, от веления Аллаха ни в чём не отступим. В моём сердце нет даже самой малости страха, хвала Аллаху и его милосердию! Аллах велик, на него полагаюсь.

Собираются очень большие силы, везде красноармейские полки, наверное, теперь мы с Гитлером рассчитаемся раз и навсегда. В этот раз мы точно его разобьём.

Держись и ни о чём не грусти, Бог даст, очень и очень скоро увидимся, моя родная, крепко жму твою руку, ещё раз говорю, не грусти, я же сказал, скоро увидимся, ещё раз крепко жму твою руку, нет времени больше писать, до скорого, моя дорогая!

Написал – Мажир,

получит – Зарият, подруга души моей.

20 апреля 1942 г. Среда, 13 часов.

Теперь всё проясняется. Из писем Мажира можно понять, что его отправили под Харьков. Там готовится прорыв. Но, увы, об этом сражении не любят говорить...

Харьковская операция проводилась с 12 по 28 мая 1942 года, став одним из самых крупных сражений Великой Отечественной войны. Задуманная как стратегическое наступление с целью разгрома немецкой группировки, обернулась чудовищной катастрофой. Четверть миллиона человек попали в окружение и были уничтожены или взяты в плен.

Старший брат отца, Таукес Шийихович Додуев находился в этих краях в то же самое время, по крайней мере, последнее письмо он послал из Харьковской области...

Хочу сказать несколько слов и о нем.

У нас дома был большой сад, каждый год приходили перекупщики, скупали фрукты почти задаром и вывозили на север. Я однажды сказал отцу: «Ата, – говорю, – весь труд пропадает, вы тоже поехали бы в какой-нибудь город, как наши соседи, людей бы увидели, а то со времен ссылки не бывали нигде. Возьмите мать с собою, и вперёд! Твоя кузница никуда не денется, по крайней мере, возьми отпуск». – «Да куда нам идти, у всех обжитые места, знакомые. И ещё, что-нибудь случится, мало ли!» – ответил отец.

У меня был хороший товарищ, писатель из Удмуртии Владимир Самсонов, с которым я познакомился в 1979 году в Москве, на VII совещании молодых писателей СССР. И он всё время приглашал меня в Ижевск. И я предложил отцу: «Поезжайте к Самсоновым, они как раз живут рядом с рынком. Помогут определиться и торговать помогут».

Отец и мать быстро согласились, отправились в Удмуртию. Самсоновы отца и мать встретили радушно. Мать устроили у себя дома, а отца – рядом в гостиницу «Ижевск». В двухместном номере гостиницы проживал постоялец, седой коренастый мужчина. Увидев отца, он неожиданно спросил, даже не поздоровавшись: «Ты не Додуев?» – «Да, я Додуев», – ответил отец. «Знаешь, у меня был пулемётчик с Кавказа, его фамилия Додуев. В мае 1942 года под Харьковом в одном из сражений погиб прямо на моих руках. Какой был славный пулемётчик! Он точь-в-точь был похож на тебя. Такой пулемётчик... такой пулемётчик... Вначале подумал, что вошёл он, мой пулемётчик...»

Потом я и мои сестры всё время упрекали отца, почему он не взял адрес этого человека, не спросил его фамилию, имя, как можно быть таким беспечным?

Таукеса Додуева в селе Шики знали как заядлого охотника. Он мог выстрелом перебить пополам палку, подброшенную вверх.

Одно из первых своих стихотворений я написал в честь Таукеса Шийиховича Додуева и посвятил его Жансурат – единственной сестре шестерых братьев, старшим из которых был Таукес.

ЖАНСУРАТ

Он охотник лучший был в округе...
Знали Таукеса все, конечно.
«Вы с ним так похожи друг на друга», –
Мне сказала ты порою вешней.

Нет ни фотографий, ни могилы,
Только неизбежная утрата,
И о том, что мы похожи были,
Говорить, пожалуйста, не надо.

Старше я, но разве в этом дело,
Коли на ветру шальном не сдюжил?
Я не слишком сильный и не смелый,
Чтобы повстречались наши души.

Но весной, когда Победе рады,
Таукес, конечно же, отыщет
В этом мире схожего собрата,
Будет он меня светлей и чище.

У горя, что за собою потянула война, нет никакого края и никаких границ. А потому не должно быть границ нашей благодарности по отношению к тем, кто принес Победу. Эта благодарность должна переходить из поколения в поколение и остаться навечно. Иначе все может повториться заново и с новой силой, но потом благодарить, быть может, будет некого.

Победа была одержана во имя свободы и мира на земле. Поэтому нельзя забывать и не почитать каждого, кто к ней причастен. Это наш каждодневный долг. А долг, как говорится, платежом красен. Тут, конечно, уместно вспомнить И. Канта, который говорил: «Долг – одно из самых дорогих слов. Он находится на такой высоте, что человека делает выше самого себя». Да, исполняя свой долг, мы очищаемся, чтобы не стыдиться ни самих себя, ни дней, прожитых нами.

МАГИСТР ИГРЫ: НАТАЛЬЯ СМИРНОВА

*Рассудок, умная игра твоя –
Струенье неведущего света,
Легчайших эльфов пляска, – и на это
Мы променяли тяжесть бытия.
Герман Гессе. «Игра в бисер»*

Линии жизни и судьбы доктора филологических наук, профессора Натальи Анатольевны Смирновой в некоторых своих аспектах удивительным образом зеркально отражены в романе Германа Гессе «Игра в бисер».

Кафедра зарубежной литературы КБГУ, где с 1981-го по 2010-й год работала Наталья Анатольевна, была своеобразной Касталией Гессе, идеальной «республикой ученых». Здесь преподавали настоящие интеллектуалы – Рано Набиевна Каюмова, организатор и духовный центр этой «республики», поэт Петр Хатутович Кажаров, специалист по античной литературе Борис Инзрелович Тетуев, американист Нина Адамовна Шогенцукова, будущий культуролог Зухра Ахматовна Кучукова.

Именно здесь, на кафедре, Наталья Анатольевна, подобно герою романа Йозефу Кнехту, стала Мастером Игры, ее Магистром. А главным достижением касталийской интеллектуальной жизни являлась Игра в бисер – сочинение метатекста, синтез всех отраслей знания в одно, универсальное искусство. Или же, словами самого Гессе, «игра со всеми смыслами и ценностями нашей культуры».

Те, кому посчастливилось слушать в университете лекции Натальи Анатольевны или же присутствовать на заседаниях руководимого ею литературного клуба «Александрия» при Государственной национальной библиотеке, были свидетелями и *со-участниками* той самой Игры. Но для Натальи Анатольевны Игра не была самоцелью, ее целеполагание было сформулировано в уставе клуба: «Вовлекать в дело чтения тех, в ком содержится хотя бы смутное обещание читательской судьбы».

«Вовлекать» – было главным, определяющим в деятельности Н. А. Смирновой. Работая в университете, она активно вовлекала студентов в орбиту интеллектуальной жизни – это и заседания литературного кружка при кафедре зарубежной литературы, и театрализованные постановки, и посещение театральных премьер и

художественных выставок. Так, в начале 1990-х годов, в Доме молодежи, силами студентов под ее руководством была осуществлена полноценная театральная постановка по произведениям зарубежных и русских писателей-романтиков. Мне тогда посчастливилось по предложению Натальи Анатольевны написать стостраничный сценарий и подобрать часовое музыкальное оформление.

В 2010 году Н. А. Смирновой, по разным обстоятельствам, пришлось уйти из университета. Одним из главных обстоятельств, как мне представляется, было наступление, по определению Гессе, «фельетонистической эпохи» с ее «зыбкостью и фальшью духовной жизни», когда «образование и искусство превратились в поддельное образование и поддельное искусство».

Но Наталья Анатольевна продолжила свою просветительскую и подвижническую работу в клубе «Александрия». И снова возникает прямая аналогия с Йозефом Кнехтом, оставившим «республику ученых» ради свободы и просвещения: «Не может кончиться работа жизни... Так в путь – и все отдай за обновленье!» («Игра в бисер»). Действительно, Наталья Анатольевна получила больше свободы и в выборе тем, и в формате встреч с писателями, художниками, учеными, которые она организовывала совместно с сотрудниками библиотеки.

Заседания клуба не ограничивались филологическими штудиями и обменом мнениями, как, к примеру, в телевизионной передаче Игоря Волгина «Игра в бисер». Это всегда был синтез музыки, живописи и Слова, что приближало заседания к театральному действу. Магия театра. (И вновь Гессе с его Магическим театром из «Степного волка».)

С театром, в частности с нальчикским муниципальным театром «Коврик», Наталья Анатольевна была связана очень тесно, не пропускала ни одной премьеры. В 2012 году вышла прекрасная книга «Авансцена Казбека Дзудтагова», авторами-составителями которой выступили Наталья Смирнова и Мария Котлярова. Им удалось максимально полно отразить деятельность театра и воссоздать многогранный, сложный образ его руководителя и вдохновителя Казбека Касполатовича Дзудтагова.

Общественную и просветительскую деятельность Наталья Анатольевна сочетала с главным занятием своей жизни – наукой. Из-под ее пера вышли многочисленные монографии, статьи, учеб-

Н. А. Смирнова

ные пособия: «Джон Фаулз: текст–интертекст–метатекст» (1999), «Тезаурус Джона Фаулза» (2000), «Жизнь и мнения лорда Байрона, джентльмена» (2001), «Оскар Уайльд: *Arg Longa*» (2002), «Аристос» Генрика Ибсена» (2004), «Слова, слова, слова...». Шекспировский метатекст в русской и западноевропейской литературе» (2008) и др.

Все ее научные труды отмечены высоким профессионализмом и глубоким погружением в исследуемый материал. Как ученого Наталью Анатольевну отличала необыкновенная, доходящая до щепетильности научная честность и добросовестность, что в наше время всеобщего плагиата большая редкость. Ей приходилось слышать от своих коллег едкие замечания по поводу обилия сносок в ее работах. Но она не могла бы позволить себе присвоить даже запятую. Тем ценнее ее *собственные* научные открытия и выводы.

Среди научных работ Н. А. Смирновой особо выделяется «Тезаурус Джона Фаулза» – фундаментальный труд о творчестве английского классика, который составил бы честь любому научному и исследовательскому сообществу, будь то в Москве, Казани или Санкт-Петербурге. Но, к сожалению, у нас эта книга прошла практически незамеченной.

В 2009 году Н. Смирнова под псевдонимом Полошевская (фамилия ее матери Антонины Михайловны) выступила как писатель с повестью «Сказка о времени». Повесть стала частью «Нальчикской саги» из пяти повестей и романов: «Тысяча первый роман о детстве» (2010), «Вокзальные просторы» (2015), «Средняя школа, или Задача на вычитание» (2016), «У Ни Вер Сити» (2017).

Художественное творчество любого писателя можно рассматривать как неравную борьбу со временем, как один из способов захватить и запечатлеть действительность, отразить движение внутреннего и внешнего мира. В этом ракурсе «Нальчикская сага» близка к семитомной эпопее Марселя Пруста «В поисках утраченного времени». Но в отличие от Пруста у Смирновой нет развернутых психологических портретов, аналитических погружений, пространных описаний. «Сага» – скорее *роман с филологией*, может быть, именно поэтому так настойчив авторский прием выделения слов, разбивка их на слоги в поисках изначального, глубинного смысла, подтекста, смысловых связей, что, в свою очередь, сближает манеру ее письма с некоторыми культурологическими работами замечательного ученого и философа Георгия Гачева. И это закономерно, поскольку в сути своей «Нальчикскую сагу» можно определить, как *культурологию времени и возраста*.

Совершенным Магистром Игры Наталья Анатольевна представила в своих романах-коллажах «Галерея зеркал» (2018), «Галерея зеркал. Ковчег» (2019). Насколько сложны по структуре и замыслу эти

романы, сказано в авторской аннотации к роману «Ковчег»: «Это вновь недостижимая попытка объять необъятное: рассказ о поэтах, поэзии, литературе, ее отражениях в зеркалах читателей-воспринимающих. Это современный гипертекст, со всеми вытекающими отсюда последствиями». Наталье Анатольевне удалось совершить переход от метатекста «Нальчикской саги» к гипертексту «Галереи зеркал».

Нельзя обойти вниманием еще одну замечательную книгу Н. А. Смирновой «Чтоб пробудить крылатость в человеке...» Жизнь-творчество: Керим Отаров» (2014). Перед автором стояла очень непростая задача: «Написать о том, о чем написать невозможно, – о поэзии». Невозможное оказалось возможным и воплотилось в книгу-эссе о народном поэте Кабардино-Балкарии Кериме Сарамурзаевиче Отарове (1912 – 1974).

«Никогда не думала, – пишет Н. Смирнова, – что приду к Кериму Отарову – поэту и человеку, – через Марину Цветаеву, Райнера Марию Рильке и Бориса Пастернака, через их переписку-откровение 1926-го года, в которой все – это неммыслимое, но вечно чаемое *послезавтра* Поэзии и *вечное сегодня Духа*». Жизнь и творчество поэта Н. А. Смирнова вписала в контекст мировой культуры. Надо сказать, что творчество не каждого поэта способно выдержать испытание великим контекстом, но поэзия Керима Отарова, а шире – балкарская поэзия, встающая со страниц книги именами Кайсына Кулиева, Танзили Зумакуловой, Ибрагима Бабаева, Али Байзулаева, предстает равновеликой мировым поэтическим вершинам. «Балкарская поэзия, – пишет автор, – облечена высоким правом *подымать* взгляд на вершины, которые являются сутью ее экзистенциальной природы».

Широкий культурный фон, глубокие смысловые пласты, движение поэзии во и вне времени – все это присутствует на страницах книги, которую с полным правом можно назвать одной из самых лучших и глубоких о поэтах и поэзии. В ней во всей полноте ощущается живое биение Жизни и Поэзии. Она обогащает понимание и восприятие жизни и творчества не только Керима Отарова, но и мировой культуры в целом.

Наталью Анатольевну отличала необыкновенная щедрость – признак великой души. Она любила делать подарки, и подарки были самые неожиданные – маленький кувшинчик, в котором живет джинн, бабочка на магните – символ вечности из «Ста лет одиночества» Гарсиа Маркеса, редкая книга, очень нужная и необходимая именно сейчас. И ничто так не радовало ее саму, как книги.

Внешне Наталья Анатольевна была похожа на эльфа – невесомого, прозрачного, излучающего доброту и красоту. Безупречный

стиль в одежде, уникальные броши и воздушные шарфики подчеркивали ее вземную хрупкость. И тем удивительнее было открыть в таком человеке стойкость, позволявшую ей с достоинством преодолевать житейские невзгоды и трудности и оставаться неизменной в преданном служении Слову и Культуре.

Переводчик романа «Игра в бисер» Е. Маркович пишет об авторе: «Гессе – хранитель и продолжатель лучших традиций культуры прошлого – был «служителем нового» (как назвал его тот же Томас Манн), он старался сохранить для этого нового все то, что он любил и почитал в прошлом».

И еще одна цитата из Оскара Уайльда, которого так любила Наталья Анатольевна: «Человек сложной души ... сам представляет собой творение искусства, ибо жизнь, подобно поэзии или скульптуре, или живописи, также создает свои шедевры».

Наталья Анатольевна была хранителем традиций и служителем нового, она являла собой шедевр жизни и искусств. Она оставила яркий след не только в науке и литературе. Я уверен, ей, подобно Йозефу Кнехту, удалось «разбудить и навсегда покорить своей великопейной личностью не одно сердце».

2023 г.

Асланбек БЕКУЛОВ,
руководитель секретариата
руководителя Администрации Главы КБР,
председатель Общественного совета
общества книголюбов КБР

ПОЛНОМОЧНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ
Вспоминая В. С. Жамборова

Впервые я увидел Владимира Султановича Жамборова в августе 1984 года, в здании Облсовпрофа, когда он вместе с председателем республиканского областного комитета профсоюза работников госучреждений Фаиной Османовной Баковой¹ проводил инструктаж в нашей группе перед поездкой в Болгарию на курорт «Золотые пески».

В июне этого года мы с супругой создали семью, и родственники подарили нам путевки для отдыха («Золотые пески») тогда был одним из самых престижных видов отдыха для советских людей).

Владимир Султанович в тот период возглавлял одну из крупнейших партийных организаций республики (на правах райкома) треста «Каббалкпромстрой», которым руководил мощный В. И. Попович.

От поездки остались самые лучшие впечатления: теплое море, хороший отель, пепси-кола в свободной продаже. До сих пор вспоминаем круглые глаза официантов, когда мы дружно просили добавки хлеба.

Владимир Султанович с улыбкой на лице и с шутками-прибаутками создал в группе добрую атмосферу, которая успешно сочеталась со строгой дисциплиной (на курорте было много соблазнов для советского человека). Отдых прошел без конфликтов и происшествий.

Позже мы жили по соседству, часто встречались и обменивались впечатлениями и воспоминаниями.

В конце 80-х В. С. Жамборов в качестве профессионального строителя был направлен в африканскую страну Гвинею (он хорошо знал французский язык).

В. С. Жамборов

¹ Фаина Османовна и сегодня возглавляет указанный профсоюз. К столетию российского отраслевого профсоюза по итогам 2020 года реском вошел в десятку лучших по стране. Коллеги по ЮФО и СКФО уважительно называют её «Гроссмейстер профсоюзной работы».

На заседании Правительства КБР

Успешно проработав там семь лет, вернулся на родину. Его вклад в развитие экономики был высоко оценен в Москве. В Нальчик поступило «Благодарственное письмо МИДа РФ», очень редкая награда для нашей республики.

После возвращения на родину он начал работать в администрации «Свободной экономической зоны», передовой в то время организации республики. Достаточно быстро дорос до заместителя руководителя и в 1997 году был назначен на должность министра внешних связей КБР. Его заместителем работал мой друг Ахмат Гыллыев, бывший комсомольский работник, известный спортсмен и книголюб, и я из первых рук знал, что Владимир Султанович успешно справлялся с новым участком работы.

С Ахматом мы вместе играли в футбол и теннис, обсуждали книжные новинки, ездили в горы на экстремальный курорт Джилы-Су. К сожалению для меня, восемь лет назад он был переведен на работу в Москву, в Постоянное представительство КБР при Президенте РФ на должность заместителя, сегодня он первый заместитель.

Богатый опыт Владимира Султановича, его профессионализм, высокий авторитет, умение уважительно строить отношения с людьми независимо от их социального статуса привели к назначению на высокую должность Полномочного представителя нашей республики в Москве, их пути с Ахматом опять пересеклись.

Человек, работающий на этой должности, фактически является лицом нашей республики в федеральных органах власти, благодаря его успешной работе было реализовано несколько крупных инвестиционных проектов в КБР, сотни наших земляков-москвичей получили поддержку в трудных жизненных обстоятельствах.

В 2010 году В. С. Жамборов был переведен на работу в Нальчик, на политическую должность Руководителя Администрации Президента КБР.

Три года под его руководством коллектив, где я занимал должность руководителя секретариата, функционировал, как швейцарский часовой механизм. По мнению многих моих коллег, В. С. Жамборов – один из лучших чиновников новейшей истории республики. К сожалению, судьба отвела ему короткую жизнь, и, не дожив до шестидесяти пяти лет, он ушел из жизни от сердечного приступа, оставив яркий след на земле.

Павел СИДОРУК,
председатель совета Кабардино-Балкарского
общественного движения «Сябры»

БЕЛОРУССКИЙ АНГЕЛ ДАГЕСТАНСКИХ СЕЛЕНИЙ

В июле 2022 года на территории Цумадинской районной больницы в селе Агвали Республики Дагестан открыли памятник легендарной медицинской сестре из Беларуси Асе Денисенко, беззаветно служившей горцам. На мраморной плите памятника высечены слова: «Незабвенная, восхитительная и родная наша сестра Ася Денисенко! Помним Тебя и Твой Подвиг! Судьбой мы были одарены Тобой! Ты не погибла в горах, а поднялась и возвысилась...».

А. С. Денисенко

Сирота с твёрдым характером

Корни её родителей белорусские, она хорошо владела русским, белорусским, украинским языками, а также языками горцев – дидойским (бесписьменным) и аварским. Не отыскать в мире второй с такой судьбой!

Ася родилась в августе 1939 года. Отец её, Степан Петрович Денисенко, родом из Городокского района Витебской области. Прошёл дорогами Великой Отечественной от Бреста до Сталинграда, а затем до Кёнигсберга и Праги. Война закончилась для него на Дальнем Востоке, он награждён орденами и медалями, в том числе «За победу над Японией». После войны подполковник Денисенко служил в Приморском крае и в дагестанском Буйнакске.

Мама, Ольга Яковлевна Карпова, тоже из Витебской области, умерла от туберкулёза в 27 лет. Ася вместе с младшим братом Геннадием воспитывалась в детском доме сначала в Приморье, а затем в Дагестане, ибо отец-офицер не мог ухаживать за детьми. Ася хорошо знала грусть и тяжесть сиротства.

Училась Ася Денисенко в Дагестанском фельдшерско-акушерском училище. Ей как отличнице, воспитаннице детского дома и сироте директор училища Изет Шапиевич Мунчаев предложил остаться работать в Махачкале, но она попросилась в самый отдалённый район Дагестана. И там выбрала Хушет – труднодоступный аул, что на высоте 2900 метров над уровнем моря. Непостижимо. Недостигаемо. Проверяла себя или же это гены отцовской храбрости, отваги и самопожертвования?

«Я в поднебесье. Орлы летают под окнами...»

Август 1957 года. По райцентру Цумадинского района Агвали быстро разнеслась весть о том, что среди приехавших на работу в район есть девушка сказочной красоты. Когда же главный врач района Мариям Кахиева увидела Асю, то решила, что в высокогорный аул отправлять её небезопасно, и предложила место в районной больнице.

Из дневника Аси: «М. М. Кахиева старалась устроить меня получше, не понимая, что лучше для меня там, где труднее, и в Цумаду – самый отдалённый район Дагестана – я попросилась, несмотря на предостережения подруг. “Цум” по-аварски – “орёл”. Значит, судьбе угодно, быть мне Орлёнком».

Ася стала заведующей фельдшерско-акушерским пунктом, в ведении которого были далеко расположенные друг от друга пять аулов и 25 хуторов. Хушет находится в 94 километрах от райцентра. Двое суток пешком, на лошади туда не проехать. В одном месте тропа идёт по краю скалы, над бурлящей в 70 метрах внизу рекой – навесные брёвна. Горцы называли это место Орлиное Гнездо, а позднее скалу назовут Асиной...

По прибытии в Хушет восемнадцатилетняя Ася написала в дневнике: «Я в Хушете. Мозоли на ногах... Усталость безмерная. Кажется, что смогу встать лишь через неделю. Но это с непривычки. Какой могучий, красивый и суровый край! Я в поднебесье. Заворожена. Персики в долинах, ледники перед домом, а орлы летают под окнами. Сказка. Божественная красота. Дивно!»

На следующее утро Ася попросила сопровождающего и пешком отправилась обходить все аулы, фермы, чабанские стоянки на летних пастбищах. На всё это ушла неделя. Она радостно удивлялась новому миру, новым людям, их характерам, традициям, открытости, душевности, дружелюбию и бесхитрости.

Ася заводит медицинские карточки на всех жителей участка, ведёт приём и патронаж больных. Берётся за изучение аварского и дидойского языков, на которых говорят в этих краях. Очень скоро она уже могла объясняться с горцами. Обращаясь к больному, повторяла: «Пожалуйста,правляйтесь! Ради детей, ради Аллаха! Не подводите меня!»

«Направлена нам Богом и Судьбой»

Бывший секретарь Хушетинского сельского совета Рамазан Салихов рассказывал: «О работе Аси можно было бы написать большую книгу. Она была очень душевным, дорогим, желанным и родным человеком для каждой семьи наших аулов. Она рассеяла все наши подозрения о пренебрежительном отношении русских к горцам, что генетически передалось нам ещё со времён шестидесятилетней Кавказской войны XIX века. Ася была направлена нам Богом и Судьбой».

Девушка была единственным квалифицированным медицинским

работником на добрую сотню километров. Люди называли медпункт, расположенный в небольшой сакле, «Асиной больницей», и стала Ася Денисенко для них и институтом Склифосовского, и министерством здравоохранения, и исповедальней.

«Возле тяжелобольного или роженицы, оказывая помощь, нередко Ася бывала до утра. Очень грамотная была и обладала большим талантом утешения и успокоения. Ей верили, и это сильно помогало больным, – рассказывает санитарка Салихат Магомедова. – Особенно заботилась она о детях-сиротах, ибо помнила о своём детстве».

Из дневника Аси: «Дров ещё не заготовили на зиму. Лекарств не хватает. Денег не дают. Женщины сено таскают на спине, им тяжело, и болеют они тяжело. Им нужны лекарства. Ругалась с председателем колхоза, который нагружает женщин непосильной работой ради выполнения колхозных планов».

Ася призывала мужчин быть бережными к жёнам, дочерям, сёстрам, матерям. Она восхищалась яркой красотой горянок, которая быстро увядала из-за жаркого летнего солнца и холодного зимнего дыхания ледников, но больше из-за тяжёлого труда в семье и в колхозе.

Старейшина Хушета Магомед Эльмурзаев вспоминает: «Она много читала. Мало спала. Доила вместе с горянками коров. Косила сено вместе с мужчинами. Была весёлой, как ребёнок, и лихой, как джигит. Каждый считал для себя за честь принять её в своей семье. Она была Ангелом. Никто не посмел бы её обидеть. Ася изучала народную медицину, готовила и назначала больным настойки на талой воде из целебных трав. Интересовалась акупунктурой, которую издревле здешние люди проводили с помощью игл из смолистых деревьев, мастерски вправляла вывихнутые суставы, накладывала гипс, применяла мануальную терапию. Её пытливым ум занимало всё, что шло на пользу людям...»

С гор – снова в горы

Из дневника Аси: «Поговаривают, что меня собираются переводить в райцентр, а мне хочется остаться здесь. Наверное, это называется чувством дома. Ведь дома-то у меня не было всю жизнь. Здесь я всех знаю. Знаю каждую тропинку и каждый родник. И меня все знают. Меня любят все. И я их люблю. Я счастлива с ними!»

И всё-таки после долгих уговоров главврача Ася согласилась переехать в районную больницу старшей медицинской сестрой, где её профессиональный и организаторский талант проявился ярко. Она стала душой и стержнем цумадинской больницы.

«Меня по-прежнему не оставляет мысль об учёбе, – пишет она в своём дневнике. – Смогу ли я поступить в институт? Смогу! Я не хуже других! Удивляюсь себе: работаю, работаю и не устаю. Откуда силы берутся? Молодых специалистов для профессионального становления непременно

нужно направлять на самые трудные участки. Тогда они вынуждены стать профессионалами. Обстановка заставит».

Через год после перехода Аси на работу в районную больницу делегация уважаемых аксакалов Хушета и других аулов пришла к главному врачу с просьбой: «Верните нашу Асю. Нам плохо без неё!».

Пригласили в кабинет главврача и Асю: что она скажет? Не хотели её отпускать, знали, что она собирается поступать в институт, но и отказать жителям отдалённых аулов нельзя, ведь никто, даже мужчины-фельдшеры, не хотели работать в таких тяжёлых условиях за скромную зарплату. Ася обняла аксакалов и сказала твёрдо: «Они любят меня, и я люблю их! Я тоже скучаю без них. Поеду. Я там нужнее!»

...Она трудилась в районе уже седьмой год, хотя после трёх лет работы по направлению училища могла бы уехать в любой город Советского Союза. Но Ася уже не мыслила иной жизни.

Она хорошо знала и уважала традиции горцев, но перед началом уразы – исламского месячного поста, когда днём воздерживаются от еды и питья, – приходила к имаму со списком сельчан, которым по состоянию здоровья соблюдать пост опасно. Мнение Аси было авторитетным и для исламских проповедников. Из уважения к жителям этих вершин она сама стала соблюдать уразу, не будучи мусульманкой.

Когда в Дагестане началась кампания по переселению на равнину жителей высокогорных аулов, Асе тоже выдали переселенческий билет. Но она ответила: «Я перееду только вместе с последним хушетинцем!» Никто не посмел ей возражать. А может, надо было уговорить её, тогда и горцы охотнее бы согласились?..

Вершины человеколюбия

Каждый месяц Ася ходила пешком из своего далёкого селения в районную больницу – на совещания, профессиональную учёбу, за медикаментами и книгами.

Из дневника Аси: «По пути в Агвали лёд провалился, и я упала в Андийскую Койсу, меня понесло. Хорошо, что не в основной поток попала. Вылезла, пошла еле-еле и, вся во льду, дошла до ближайшего села Цумада-Урух. Там меня встретили незнакомые люди, переодели в новую одежду, накормили мясным бульоном и чесноком, чтобы не простудилась, и уложили спать. Не простудилась».

...Всякий раз по пути в райцентр Ася останавливалась в Нижних Хваршинах у Хандулай. Добрая горянка полюбила медсестру, как родную дочь. Беда подстерегла Асю 13 марта 1965 года. В горах ещё лежал снег. Ася, как обычно, по пути из Агвали в Хушет пришла к Хандулай поздним вечером. Та постелила ей постель, приложила руку ко лбу, прочла молитву и ушла спать. То ли всерьёз, то ли в шутку Ася иногда просила горянку научить её мусульманской молитве,

но Хандулай вполне серьёзно отвечала: «На таких, как ты, Бог сам должен молиться!»

Утром Ася собралась в дорогу. Горянка с мужем стали отговаривать её, мол, за ночь выпало много снега, дорога скользкая и опасная. Ася объяснила, что её ждут в Хушете роженица и пастух с воспалением лёгких. После её ухода Хандулай не находила себе места, упрекала мужа, что отпустил Асю, выходила на улицу, сердце чувствовало беду.

Через три часа пришёл сосед и позвал мужа горянки. Что-то прошептал ему за дверью. Мужчины быстро ушли. В ущелье на белом снегу под скалой у реки лежала Ася...

Люди спустились к ней, уложили погибшую на лестницу, привязали верёвками. Помогая друг другу, стали подниматься в аул. Скорбным был этот путь.

Геннадий, брат Аси, работал тогда медбратом в Буйнакске. Местные жители обратились к нему с мольбой оставить сестру навсегда с ними рядом. Геннадий согласился. На похороны пришли все местные жители, пришли из окрестных аулов и хуторов.

В день похорон Аси у сельского почтальона из Митрада Саадула Давудова родилась дочь, и он назвал её Асей. Не с той ли самой поры так много девочек в Дагестане нарекают Асями?

Фельдшерско-акушерский пункт в селе Хушет сегодня носит имя Аси Денисенко. Горцы называли её именем и скалу, и ручей. А министерство здравоохранения Республики Дагестан учредило диплом имени Аси Денисенко, который вручается лучшим медсёстрам, фельдшерам и акушерам республики, и памятную медаль Аси Денисенко «За безупречную работу и героическую верность профессии».

Могила Аси находится в селе Нижние Хваршины Цумадинского района. На каменном надгробии начертано: «Поднялась и возвысилась». Горцы поясняют эту эпитафию так: Ася не убоялась, а поднялась к жителям поднебесья, полюбила их, вдохновенно служила им, а гибель по пути к роженице вознесла её на небеса.

В ОЖИДАНИИ СМЫСЛА

Из записных книжек

***

Однажды мой ум перестал разделять звездное небо, людей, вещный мир, переживание событий, и я начал воспринимать их в единстве и родстве друг с другом. Появилось смутное сознание того, что откуда-то извне прорывается чья-то очень важная для меня мысль. Но мысль эта никак до конца не проясняется, и я продолжаю жить в тревожном ожидании ее смысла.

***

Всю свою жизнь мы стремимся познать истину или хотя бы угадать направление к ней. Хотим найти и примериться: соответствуем ли ей. Но истина не знание, которое можно получить. Не информация, которой можно овладеть. Не опыт, который можно обрести. Тем более – не действительность и наше ее восприятие. По-моему, истина – это то, что замыслил Бог по поводу этого мира и Его отношение к своему замыслу. Истина – это эталон Бога, которым он мерит все сущее. Мы ничего о том эталоне не знаем, и знать, вероятно, не должны. Потому слепо блуждаем по жизни, не разбирая, так ли живем, соответствуем ли ему хоть в какой-то мере.

***

Человеку необходимо осознать, что он является сердцем этого мира. Только в этом случае он может быть проводником Божьего замысла, и только тогда его ожидает гармоничная жизнь. То есть ему важно знать, что там, где находится он, и есть территория Бога, а сам он – средоточие Вселенной.

***

Все волнения в душе, вызванные такими причинами, как благополучная социальная жизнь, удовлетворение своих страстей или реализация творческих начал не есть счастье, – они всего лишь возбуждают нервные клетки, отвечающие за приятные движения ума и тела. Ведь потом все равно наступает разочарование и опустошение. Истинное счастье – это не что иное, как предчувствие человеком Божьего замысла, его восторг от возможного ему соответствия, когда в некий необъяснимый миг он вдруг ощущает неразрывную связь с Вселенной и откуда-то получает знание о бесконечности своего существования.

***

Я никогда не воспринимал течение времени как ритмично отмеряемый часовыми механизмами процесс, то есть линейно. Такое время – человеческое изобретение для упорядочения нашей жизни, тогда как истинное движение времени, как мне кажется, происходит по совершенно иным законам. Некие физические процессы Вселенной так влияют на окружающий мир, что изменяют привычное для нас течение времени – то убыстряя, то замедляя, то преобразовывая, а то и вовсе останавливая его ход. Как объяснить это явление – не знаю, но уверен, что все мои успехи и неудачи напрямую связаны с непредсказуемыми кульбитами времени, которые без всяких церемоний носят меня по бесконечным просторам этого волшебного королевства.

***

Неопределенность для подавляющего большинства людей – мучительное состояние. Они, конечно же, предпочитают определенность, пусть даже как неприятный факт – зато все ясно. Для меня же неопределенность в самый что ни на есть раз: здесь я чувствую себя в безопасности, в роли наблюдателя, я в засаде и всегда готов к внезапному нападению. Я научился комфортно жить при неопределенности, чтобы определенность не стала потом разрушительной. Неопределенность – это всегда волнующий процесс. Я еще не разгадан, от меня всего ожидают или не знают, чего именно ожидать. В этом состоянии я нахожусь в выигрышной ситуации для успешного выступления. У меня есть возможность проявить себя неожиданно не только для других, но и для себя – сколько всего впереди, чтобы удивить всех и удивиться самому! В этом смысле неопределенность больше дает творчеству, чем ясность и определенность, когда всё уже на свету, исполнены все номера, вручены награды и ничего не осталось, кроме фальшивых валютящихся обсуждений и скучного фуршета.

***

Нам дано много знаков, намекающих на нашу нездешность, на существование иных измерений, на присутствие во Вселенной некоей высшей силы. Но они не открываются нам в той степени ясности и убедительности, что позволило бы сделать хоть сколько-нибудь определенное заключение по их поводу. Усложняет задачу и отсутствие в нас должной прозорливости, духовной глубины и нравственной прочности. Влечение к ложным ценностям, религии, самомнение, догадки, алчность, сомнения перед каждым выбором, унижение совестью – вот малая часть способов, которыми нас испытывает Создатель перед тем, как открыть истину. Но мы так заплутали в поисках, что понять нам ее не скоро будет по силам.

***

Бывает, иногда мне недостает сил для творчества. И тогда я думаю: откуда я мог бы их взять? Конечно же, у моих юношеских лет, где по причине растерянности и незнания себя, много сил осталось невостребованным. Еще можно занять у будущего, но с опаской: ты не знаешь, много ли времени тебе осталось, сколько и чего у тебя в запасе. Немереным зачерпыванием оттуда можно опустошить свою сокровищницу, а потом и вовсе не на что будет жить. И только у детства я уже ничего не возьму, его ресурсы совершенно истрачены. Я прожил тот период сполна и ничего нереализованного в себе не оставил – оно было абсолютно счастливым.

***

И в тысячный раз можно повторить: горестное заблуждение, что радость жизни – в обладании материальными благами, в движении по горизонтали в измерениях прошлого, настоящего и будущего. Нет, истинная радость – в постоянном видении себя в Вечности, в обостренном восприятии красоты и тайны Божьего мира, даже в предощущении этой тайны, в переживании первобытного восторга от самой жизни, в вере и ожидании чуда нерукотворного.

А впрочем, кому что.

***

В жизни я часто оказываюсь в мире давно забытых снов. Стоит мне снова в них очутиться, как они оживают всеми прежними красками, голосами знакомых людей, чувствами, которые имел к ним я, а они ко мне. Более того, жизнь в этих повторяющихся снах не стояла на месте, а развивалась по своим причудливым законам: при внешней схожести она качественно изменялась. Такое ощущение, что сны эти теперь находятся не во мне – я проникаю в них, как в волшебную страну. И я задаюсь вопросом: сны ли это вообще? Может, они объяснение бесконечности нашего существования, когда, погаснув в земной жизни, мы продолжим жить в этих странных отражениях, находящихся вне нас. А что если нам отпущена не только эта незначительная по продолжительности земная жизнь, а дана вся Вселенная на вечное пользование, и без всяких условий?

***

Как объяснить непосвященным, почему я время от времени замыкался в себе, не умея жить жизнью деловых бодрячков, справедливо вызывая недоумение у близких мне людей. Я делал это потому, что боялся допустить даже малейший всплеск в невидимых сферах, которые открывались мне в такие часы. Видимый мир при этом исчезал – и я даже при всем желании не смог бы в нем участвовать.

***

Все попытки художника произвести на свет что-либо значимое, заявить о себе – являются ничем иным как страхом оказаться никем, не состояться, не сбыться, превратиться в ничто, не оправдать замысла Создателя на свой счет.

***

Было мне тогда лет пять. Где-то высоко над землей в кабине какого-то летательного аппарата я смотрел на участок поля прямо за нашим домом. Этот зеленый и ровный луг, каким он был в действительности, я увидел сверху в виде спиралевидно вспаханного поля. Не пойму, почему поле я увидел вспаханным именно спиралью? Что я мог знать о спиралях? – ничего. Где я мог видеть такого рода летательные аппараты? – нигде. Телевизоров тогда не было не только у нас, но и ни у кого на всей улице, книг и газет, разумеется, я не читал, и видеть даже не мог по причине их отсутствия в нашем доме. Но всего любопытнее то, что я смотрел на землю как чужой, не испытывая к ней чувства привязанности, без мысли причастности к тем, кто на ней живет, и к тому, что на ней совершается. Это странное ощущение осталось в памяти навсегда. Более того, с этим ощущением я живу всю свою жизнь.

***

С детства у меня странные отношения со временем. Такое ощущение, что его слуги с неумолимой настойчивостью и терпеливой снисходительностью следуют за мной по пятам, с тем, чтобы я, как и все люди, признал власть и подданство Его Величества – Времени. Раз за разом они меня настигают, но я в последний миг от них сбегая и прячусь до следующего случая. Я прячусь, чтобы не подчиниться Времени и не позволить ему остановить особый ход времени внутри меня.

***

Молитвы, просьбы и воззвания к Богу, равно как и другие попытки проникновения на Его территорию, должны происходить только через милосердие, добрые помыслы, благородные поступки и любовь к ближнему – напрямую, без посредников. Все иные, напоказ устраиваемые способы обращения к высшей силе есть проявление извечной склонности человека к ряженью и фиглярству.

***

Меня не столько заботит тайна возникновения Вселенной и все сокрытые в ней законы, – мне довольно гармонии и разумной стройности Божьего мира, – сколько волнуют два изрядно замучивших меня вопроса: для чего создан человек и откуда в нем такой феномен, как совесть?

***

У меня есть сознание того, что я хранитель некоей тайны, содержание которой мне пока не известно. Мысль об этой тайне и ответственность перед тем, кто мне ее доверил, делают, как мне кажется, мою жизнь осмысленной, значимой и даже бесценной. Тайна эта оберегает меня от всех бед во времени, которое уходит – и я об этом откуда-то знаю – далеко за пределы моей короткой земной жизни.

***

Талант рисует свежими красками знакомый нам мир. Узнаваемые черты в его трудах роднят нас с художником, вызывают восхищение, мы радуемся совпадению его мыслей и чувств с нашими. Да, говорим мы, он пишет правду, именно так и происходит в жизни. Гений же – это всегда прорыв, открытие нового мира: он обнаруживает предметы, явления и душевные движения, о существовании которых мы и не подозревали. Гений дает новое представление о мире и природе вещей, он – еще один шаг по направлению к истине.

***

Полагаю, далеко не вся информация о нас, предоставляемая нам Создателем для обращения, сосредоточена исключительно в нас самих, то есть непосредственно в границах нашего тела. В связи с этим приведу в пример один опыт, некогда полученный мною. Я стоял на сплошной линии дороги в ожидании конца автомобильного потока, чтобы завершить переход. Получилось так, что я находился лицом к встречному движению и спиной к той полосе, которую я уже миновал. В какой-то момент в сознании мелькнула картина, что на меня сзади едет автомашина, идущая на обгон на высокой скорости. Я также отчетливо «увидел», что левые колеса ее значительно заехали за сплошную линию, на которой стоял я. Надо заметить, что я не мог ни видеть эту машину, потому как, повторяю, находился к ней спиной, ни слышать ее звука в общем шуме – я просто об этом откуда-то узнал. Позднее сделал вывод, что вокруг меня есть мое («родное») поле, границы которого пересекла эта машина, и оно не преминуло мне тут же об этом сообщить. Но не это открытие меня удивило. Меня удивило то, что вместе с сообщением о нарушении «моих» границ, мне была дана еще одна конкретная информация, что эта машина непременно меня собьет (так и произошло) – я ее получил как неминуемое событие, я увидел его как уже свершившийся факт. Думаю, именно по этой причине я не стал ничего предпринимать. Это видение заняло неизмеримо ничтожное время. Значит, это поле не только информационное, передающее нам сигнал об обнаружении в наших границах чего- или кого-либо, но и пророческое, сообщающее нам о том, что нас ожидает и чего нам не избежать. Но когда и в каких ситу-

ациях нам ждать сообщений из этого поля, как установить с ним непрерывную связь и как его контролировать?

***

Порою думаешь: разве дано нам простить человека, унизившего и оскорбившего нас, а то и обокравшего и оболгавшего? Допустим, из милосердия или поддавшись уговорам близких, мы все же протянем руку обидчику и произнесем слова прощения. Но разве можем мы вынуть из сердца боль и забыть о ней, если она непереносима, если совершенное против нас преступление исковеркало или даже погубило нашу благополучную жизнь? Будет ли этот акт истинно всепрощающим? Без сомнения, нам дано право прощать, но имеем ли мы силу простить? До конца ли нас освободит от боли слово «прощаю». По нашему ли – человеческому – ведомству проходит сей «документ»? Да, мы можем принять раскаяние обидчика, снять с его души тяжесть поступка. Но сможем ли излечить рану в груди по своему хотению? А может, сила, которая снимет грех с его души и залечит рану в нашем сердце, находится не в нас, а в другой «канцелярии»?

***

Не имея веры, можно благополучно прожить всю жизнь. Но, думаю, нельзя прожить и часа, потеряв веру.

***

Люди не подозревают, что истинная близость между мужчиной и женщиной происходит до близости телесной – здесь столько случайных связей, что ее нельзя брать в расчет. Истинная близость происходит в момент узнавания в другом человеке волнующей родственности от одного только предчувствия, что наши предпочтения совпадают с тайными узорами души другого человека. Этот момент явно не подконтролен нашему сознанию. Толчком к узнаванию может стать внешность, взгляд, голос, запах – что угодно. Получается, бессмысленно возмущаться и с удивлением вопрошать, что он или она нашли в ней или в нем? Узнавание происходит вне зависимости от нашей воли, мы не в силах повлиять на этот процесс, следовательно, не имеем здесь свободы выбора. Не есть ли это узнавание тем, что мы называем любовью? Сколь существенный повод принять сторону узнавших друг друга людей, каким бы странным ни казался их выбор.

***

Вступая в отношения с другим человеком, мы с этой минуты начинаем меняться. И не можем не измениться в силу мгновенного взаимодействия наших энергий – физической и духовной. Наиболее чувствитель-

ные натуры эти изменения ощущают сразу. А если этот процесс имеет характер эмоционально выраженный, с полным и ярким переживанием всего событийного ряда, то нет сомнения, что многие свойства нашего организма претерпевают существенные изменения. Хорошо бы провести химический анализ во всех наших органах после подобного «вторжения», чтобы убедиться в правильности такого вывода. Возможно, здесь ключ ко многим нашим заболеваниям, а равно и чудесным исцелениям. Можно привести примеры, доказывающие эту точку зрения. Например, гении, у которых подобное воздействие вызвало вспышку и развитие их таланта – весьма скромного в начале пути и ошеломительного в дальнейшем. Тогда как другие, имевшие столь же выдающиеся дарования от природы, навсегда ушли неузнанными человечеством. У большинства из нас, вероятно, есть некий преобразователь внешних воздействий, который так или иначе позволяет нам оставаться самими собой, хотя и не защищает нас полностью. Мне кажется, человек основательно не меняется в силу своей ограниченности, отсутствия стремления к совершенству, подсознательного нежелания перемен. Хотя, возможно, именно они и защищают нас от бесконечной мутации.

***

Мне кажется, люди, много успевающие делать в жизни, больше всего заботятся о карьере, успехе, славе и деньгах, нежели о душах своих. Нелзя заботиться о душе в таком деятельном угаре.

***

Я давно уже ничего не преодолеваю и ни с кем не борюсь.

***

Мы не знаем так называемой объективной реальности, в которой существуем. Мы создаем свою реальность, для себя выгодную, надежную и уютную. Но и ее мы в той или иной мере постоянно преобразовываем, подстраивая каждый раз под меняющееся свое Я. Если бы придуманная нами реальность оставалась неизменной в нашем воображении, то мир наскучил бы нам очень быстро, мы потеряли бы к нему всякий интерес и желали бы скорого конца. А люди, которые разочаровываются и ломаются от бессмысленности своих жизней, должно быть, попросту перестают изменять «свою» реальность, а вместе с нею перестают меняться сами. В этом случае им неминуемо откроется абсурдность этого мира, и тогда они либо станут несчастнейшими из людей, либо попросту погибнут.

***

Благодарен Создателю, что не было и нет во мне и тени зависти к

ближним, много преуспевающим в делах житейских. Вероятно, нет этого чувства потому, что знаю точно, как несчастны бывают они за внешним своим благополучием.

***

Любовь – это еще значит, что ты не боишься оказаться беззащитным перед любимым человеком.

***

Познание – это качественное улучшение того, что заложено в тебя Создателем. Истинное знание не есть совокупность приобретенной и поглощенной информации.

***

Одни люди познают жизнь посредством приобретения знаний, другие через личный опыт, через опыт души. Знание, не прошедшее через мое сердце, никогда не станет для меня опытом.

***

Человек должен уметь ощущать свободу здесь и сейчас во всякий момент своей жизни. А не иметь ее как результат борьбы и революций.

***

Я говорю: в моих сочинениях нет ни одного реального события. Но в них нет ничего такого, чего бы я не пережил лично. Но чуть по-другому, в другое время, в другом месте.

***

Если желаешь найти подходящую себе женщину на все времена, следует оставаться самим собой. И она непременно явится. Если хочешь завладеть на время ее сердцем – надо быть таким, каким она хочет тебя видеть здесь и сейчас.

***

И почему это успех одного оскорбляет всех других.

***

Одно из моих правил: когда мирное соглашение не помогает, чтобы предотвратить кровопролитие, остается только одно – мирное соглашение.

***

Не случились в моей жизни люди, которые могли бы стать мне примером. Вот я и остался самим собой без всякой на то моей заслуги.

***

Я всегда стараюсь открыть сердце другого человека через свет в его глазах.

***

Избегаю людей, которые могут говорить много, долго и обо всем.

***

Бесконечно одинок человек, который не смог создать свой мир и населить его своими иллюзиями.

***

Все мои неприятности predeterminedены – я всегда чувствую их приближение. Но ничего не могу с ними поделать.

***

В литературе, театре, кино и других видах искусства теперь не способны выразить истинную любовь, глубину и многообразие жизни. Почему-то даже считается высшим мастерством неумелое и скучное их отображение, ошибочно принимаемое за новое слово в искусстве.

***

Театр жил бы вечно, не погуби его бездарные экспериментаторы. Можно без конца придумывать новые формы, но если у актера на сцене стеклянные глаза, разговаривает он со зрителем, точно с телеграфным столбом, и ничего не знает о тайных движениях человеческой души, то, сколько тут ни экспериментировать, а зрителя не обманешь. Не нужно забывать, что человеку нужен человек со всеми его страстями и слабостями, ему всегда необходима открытая душа или возможность самому открыть свою душу.

***

Иисус Христос. Вот как должен умирать истинный философ и учитель. Это самая красивая и самая загадочная смерть за всю историю человечества. Даже умирая, он все еще верил в правду, о которой рассказывал людям. А этот его недоуменный возглас: «Отец, зачем же ты покинул меня?» – самые таинственные и самые трогательные слова, когда-либо произнесенные на земле.

***

Враждующие люди на удивление похожи друг на друга. И те и другие, как правило, люди непорядочные и недалекого ума.

***

Жил, неся в себе одну лишь доброту, справедливость, бескорыстие и любовь к ближним. И даже тогда нашлись люди, осквернившие и опозорившие весь смысл его существования, и так изуродовали образ его, что он даже не понял, о ком идет такая жестокая и грязная молва.

***

Он позволил людям приблизиться к себе, попробовал жить их жизнью – заботами, стремлениями, старался наполнить свое существование их интересами. И что же? Все это время его сердце не светило, он был недобр, не любил, он пребывал во мраке низменных инстинктов и интриг.

***

Он мог дать мудрый совет другому, как не попасть в беду. Но сам подал в нее раз за разом. Своего рода искупление грехов ближнего, неосознанное принесение в жертву себя ради благополучия другого.

***

Часто спекулируют понятием – «ради будущего». Не есть ли это трусость перед живой жизнью, предательством настоящего.

***

Взять для наглядности наиболее известных героев русской литературы: Печорина, Чичикова, Хлестакова, Болконского, Безухова, Обломова, Мелехова – в каждом из них я узнаю себя. Более того, все они со всей законченностью своего типа умещаются и свободно живут во мне. Читаешь об одном и думаешь: «Вот же – он весь я». Читаешь о другом: «Бог мой, все это есть и во мне».

***

Кто-то сказал, что жизнь есть борьба, вероятно, имея в виду обреченность человека бесконечно преодолевать трудности, встающие на пути. Я же не борюсь с внешними трудностями, я обречен бороться только с самим собой.

***

Подлинный аристократизм души, честность, бескорыстие, интеллигентность есть качества... как бы это лучше сказать – тупиковые, что ли. Люди, обладающие ими, как правило, легко уязвимы, и одолеть их легко. Таких редко встретишь на политических и финансовых вершинах, то есть в самых влиятельных сферах человеческой жизнедеятельности. У них нет никаких шансов превзойти людей алчных и средних способностей, нацеленных, как правило, удовлетворить свои желудки и набить карманы, ибо

движущая сила и мотивация, владеющая ими, гораздо сильнее возвышенных движений души первых. Потому-то во все времена варварство и подлость всегда оказывались победителями над утонченностью и другими возвышенными чертами.

***

Смотрю фрагмент бала из документального фильма. На лицах одних надменное выражение превосходства над другими: в деньгах, в титулах, в одежде, красоте и т.д. И вдруг я представил их теми, во что они превратились через непродолжительное время – скелетами. Бал скелетов. Время отняло у них все остальное. Повод переосмыслить свою жизнь.

***

Во все времена у высокого искусства была, есть и, вероятно, будет только одна задача: преломление света вечных ценностей в фокусе современного общества.

***

А. Зиновьев сказал, что XX век – последний человеческий век. И в самом деле, дальше, надо полагать, наступит эпоха без любви и милосердия, эпоха бессердечности и бесчеловечности. Они будут не более жестоки, чем предыдущие, но тепла и уютности душевной в них будет гораздо меньше.

***

Странно, я не сделал выгоды из всех благоприятных условий, что устраивала мне Судьба. Это что: бессмысленная честность? наивная беспечность, обыкновенная бесхозяйственность? или полное равнодушие к себе?

***

Я спасаюсь только тем, что во всех своих поражениях ищу зачатки будущих моих побед.

***

Теперь, как никогда, надо поддержать, спасти чистые, возвышенные и благородные души, которые в наше время могут исчезнуть из-за недостатка к ним внимания и отсутствия условий для их существования и развития. Человечество веками создало и копило в них самые высокие свои достижения, опыт нравственной чистоты и ярчайшие всплески умов.

***

Совесьть – это когда в тебе есть неосознанная уверенность в том, что

о каждом твоём слове и поступке знает и судит весь мир. И еще: совесть – это когда ты осознаешь, что неким чудным образом продолжаешь быть нравственно подсудным знакомым людям, даже давно ушедшим от нас.

***

Человеку с деньгами легко говорить, что деньги не самое главное. Это, примерно, то же, что и призывать «по-честному», то есть в твою пользу, делить награбленные деньги, когда револьвер в кармане только у тебя.

***

Распрямитесь, поднять руки вверх и дотянуться до самых звезд. И что тебе за дело до земных дрязг.

***

Справедливость – самое поруганное и чаще других извращаемое людьми понятие. Как только справедливость должна сбыться в отношении нас, другие заинтересованные люди перетягивают ее на свою сторону. Так же и мы стараемся перетянуть справедливость на свою половину, когда ее заслуживают другие. В любом споре нам кажется, что правы, конечно же, мы, и справедливое решение должно быть в нашу пользу. Нам эту справедливость всегда недодают, и мы считаем себя ущемленными. Так же думают и наши противники... Из справедливости сделали содержанку двух господ, каждый из которых шепчет ей на ушко, что-де он лучший любовник. И она, бедняжка, вынуждена соглашаться с каждым из них втайне от другого, чтобы сохранить устойчивый доход и получение дорогих подарков.

***

Как же не стыдно, говорю я всякий раз, когда некоторые мужи требуют, чтобы в момент их представления оглашали весь перечень накопленных ими званий и заслуг. Нескромные и малоумные, они носятся со списком своих регалий как с выводком непослушных утят. Большая их часть либо выклянчена у правительства, либо организована при поддержке влиятельных знакомых, либо попросту куплена. Куда достойнее выглядели бы они, если достаточно было объявить их имена и фамилии, как в случае с людьми, имеющими заслуженную известность. К чему, например, всякий раз перечислять заслуги, скажем, Ньютона, Бетховена, Льва Толстого, Ван Гога, Альберта Эйнштейна или Чарли Чаплина? Стоит произнести эти имена, как сразу соглашаешься с несомненной их значимостью и величиной. Но ничтожные и смертные должны рядиться в яркие одежды подобно уличным проституткам, чтобы привлечь внимание большего числа людей. Ремесло обязывает.

***

Меня до сладостной дрожи искушают возможные комбинации моих мыслей, которые порою в течение одного лишь мгновения могут слагаться в несколько враждебных армий и объявлять друг другу войны. И что странно: при этом я без всякого затруднения остаюсь в добром здравии и твердом разуме. Похоже, никто этого не замечает. Мой ум играет сам с собой, не отражаясь ни в одном из зеркал, доступных постороннему взгляду.

***

Когда пишу, мысли часто возникают бесцветными, голыми и, если так можно сказать, бесполоыми. В момент, когда пытаюсь их распознать, они мутны и безличны, чтобы я мог их как-то оформить и дать им нужное направление. Я только лишь догадываюсь о причине их возникновения и месте в моем сочинении. Но вот они появляются в освещенных комнатах моего сознания и начинают наряжаться в одежды. Я, автор, всего лишь скромный служащий костюмерной, и мое мнение по поводу их платья носит лишь рекомендательный характер. Капризный нрав диктует им, моим мыслям, без конца менять наряды: строгий стиль тут же меняется на банальный ярко-пестрый с вызывающими дешевыми украшениями, а иная гостья, тихая и скромная поначалу, на глазах переменяется в своенравную и взбалмошную. Так и появляются они, непредсказуемые до последнего момента, и ложатся в строку, выражая порою не совсем то, что я хотел сказать, и, вероятно, совсем не то, что следовало бы написать.

***

Лучшее отдохновение для меня – это чтение кулинарных рецептов. Ничто так не отвлекает от грустных мыслей, как это занятие. Кто-то напивается или много курит, беспричинно сердится на близких людей, занимается самоедством, а я вот читаю рецепты вкусных блюд, которые, впрочем, после смакования в воображении, тут же забываю.

***

Кто не построил свой мир, тот вечно будет жить под тенью чуждых богов и быть приживалой в чужих мирах.

***

Сколько же раз мне приходилось на кого-то работать! Нечистые на руку партнеры уводили все нажитое, и я раз за разом вынужден был дела начинать сначала, с полного нуля, они же на таких, как я, составляли себе состояние. Если вы постоянно не будете наводить порядок в себе и вокруг себя, в отношениях с людьми, ставить все на свои места по доброму разумению и справедливости и строго следить за всем процессом, то вскоре

обнаружите, что окружающие удобно устроились рядом, чтобы получать от вас выгоду: от вашего имущества и денег, от вашей деятельности, вашего таланта, иными словами, питаются силами вашей жизни. Плоть вашу и кровь, данные вам для облачения вашей души и служения Богу, они принесут на съедение своим чадам, не знающим иного существования, кроме как жрать и плодиться – точно так же, как гиена приносит добычу своим детенышам, чтобы продолжить свой адовый род, который никогда не разбирал красоты поедаемых им газелей.

***

Прожив добрую половину жизни, он вдруг убедился, что ни сам он, ни его чувства, ни образ его мыслей не интересуют никого. Значит ли это, что его духовная жизнь так убога и нища, что не привлекла ничье внимание, или же убоги и нищи окружающие его люди и в целом общество, в котором он живет?

***

Каждое мое утро – это болезненное отрезвление от сладкого пьяного веселья, которое еще только несколько часов назад казалось нескончаемым. Я боюсь утра: я не хочу вступать в освещенный им мир, я не желаю входить ни в какие отношения, я не хочу трудиться ни на какое благо, я не в состоянии творить... День же мой – это совершеннейшее недоразумение: все мои попытки изобразить свою заинтересованность в жизни, зарабатывание денег, желание быть значимым и забота о будущем столь смешны, жалки и бессмысленны, что порою хочется остановиться посреди дороги, на полуслове в разговоре, в момент рукопожатия, на пике делового соглашения или даже в самый жар романтических отношений и признаться себе и другим, что вся наша жизнь – глупая затея, кто бы ее ни придумал... Но вечером, оставив позади суету дня со всеми переживаниями, зная, что они отстанут от меня до следующего дня и мне не нужно о них заботиться, я вдруг наливаюсь желанием жить во что бы то ни стало, вопреки всем трудностям и неверию в себя... И только глубокой ночью, которая каждый раз оказывается волшебной, я живу полной жизнью – мне не хватает всего мира, я не могу упиться его красотой, моему сердцу недостает силы, чтобы пережить все сладкие волнения, возникающие в нем. Мне открываются незнакомые миры, я могу совершать то, чего утро боится, день не позволяет, а вечер совершить не решается. Между мной и какой-то неведомой мне могущественной силой происходит тайное соглашение, и я получаю способность видеть то, чего прежде не замечал, знать то, о чем даже не помышлял, любить ту, которая была мне недоступна, и самому стать любимым ею, – передо мной возникает новый мир: красивый, загадочный, благополучный. И в этот момент приходит

вера, природа которой совершенно мне необъяснима, а вместе с нею – понимание того, что много лет назад в моем появлении на свет был особый, величественный и неумолимый смысл.

***

Сторонний космический наблюдатель не увидит в движении и развитии человечества ни гуманизма, ни благородства, ни смысла. Но, приблизившись к миру людей, все эти достоинства он найдет в каком-нибудь отдельно взятом человеке, кто напряженными духовными исканиями и поступками неосознанно искупает грехи всего человечества.

***

Порою собираешься выйти из дома – открываешь дверь, а за нею ничего нет, под тобой только небо с медленно проплывающими облаками, сквозь которые пробиваются лучи восходящего солнца. Идти как бы уже некуда. Да и незачем.

***

Самое близкое родство я ощущаю в момент, когда представляю своих родителей детьми и становлюсь им равным.

***

Никогда я не бываю так занят как в часы лени и безделья.

***

То, что я называю ленью в себе, вовсе не лень в обычном смысле. Это в первую очередь трудность, связанная с открытием нового пространства (знакомая каждому художнику), когда каждый раз в муках ты рождаешь из себя новый мир, новых людей, новые отношения. Из страха не справиться с этой задачей ты всякий раз оттягиваешь время ее выполнения. Это состояние в себе я часто и, вероятно, ошибочно называю ленью.

***

Мой ум не располагает шаблонами, нет у него заготовленного решения того или иного вопроса, он не склонен принимать что-либо на веру, избегает участия в выражении общего мнения. Представление о вещах, пусть даже самых незначительных, он обречен открывать для себя всегда заново, изо дня в день.

***

Бога мы наделили человеческими чертами и свойствами нашей души. Так какой же божьей благодати мы ожидаем?

***

Хотим мы того или нет, но все человечество сольется в единый народ с общей культурой, экономикой, языком и пороками. Если, конечно, доживем. Что очень сомнительно.

***

Который день я прожил без глубоких радостных переживаний, подавшись общему настроению, создавшемуся вокруг меня. А ведь этот мир надо открывать ежедневно и каждый раз необходимо иметь в себе мужество и мудрость находить в нем смысл и желание счастья.

***

Многие люди попадают в этот мир, как в тюрьму. И вся их дальнейшая жизнь – это усилие не погибнуть, выжить, во что бы это ни стало и выйти на свободу. А для чего, для какой цели? – даже не задумываются.

***

Маленьким мальчиком я узнал от старших товарищей, что я, как и все они, смертен. Прибежав домой, я отыскал в саду мать и спросил: правда ли это? Чем объяснить жестокую неосторожность мамы, ответившей, что смертны все. Только они, старшие, уйдут раньше, а мы, дети, позже. Так мне открылся Бог с надменной ухмылкой. Из доброй, уютной, волшебной утробы детства он выставил меня одного в свой жестокий мир и хлеба в дорогу не дал.

***

В этой жизни я мог быть кем угодно и мог прожить какую угодно жизнь. Но я ставил себе среди прочих одно условие, и оно самое главное: моя жизнь непременно должна была быть достойной. Но достойной, по мнению общества и близких родственников, я не смог ее сделать.

КНИГИ Т. М. КАТАНЧИЕВА О КАБАРДИНСКИХ ОБЫЧАЯХ – ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ВКЛАД В АДЫГОВЕДЕНИЕ

Катанчиев Таля Мемович – известный общественный и государственный деятель, заслуженный юрист РСФСР, депутат Верховного Совета КБАССР 4-х созывов.

Он родился 1 января 1922 г. в сел. Кызбурун-I (ныне – Атажукино) Баксанского района КБАССР в крестьянской семье. В январе 1942 г. был призван в 115-ю Кабардино-Балкарскую кавалерийскую дивизию, в составе которой воевал с врагом в Сальских и Калмыцких степях, активно участвовал в обороне Сталинграда, в битве на Курской дуге, а также в освобождении оккупированных врагом территорий России, Украины, Белоруссии, Польши; добивал гитлеровскую армию в ее логове – Германии. Почти всю войну с октября 1942 г. до 7 февраля 1945 г. он был на самых передовых и опасных участках – в разведке. Во время боевых действий был трижды ранен.

За мужество и героизм в этой жестокой войне Т. М. Катанчиев награжден 40 орденами, медалями, знаками и благодарностями: из них 3-мя орденами – Красной Звезды и Отечественной войны 1-й и 2-й степеней; 31-й медалью и знаками, в том числе правительственными – «За отвагу» (дважды), «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией», медалью Жукова, знаком «Отличный разведчик». Имеет шесть благодарностей Верховного Главнокомандующего товарища Сталина «За отличные боевые действия».

После войны, вплоть до ухода на пенсию в феврале 1986 г., в течение почти 38 лет, его трудовая деятельность связана с органами суда, прокуратуры и юстиции. С января 1971 г., в течение пяти лет он являлся министром юстиции (членом правительства) республики.

С 1976 по 1986 гг. (10 лет) Таля Мемович работал Председателем Верховного Суда КБАССР.

Трудовая деятельность Т. М. Катанчиева отмечена многими успехами. Он удостоен 37 наград: в 1977 г. награжден орденом «Трудового Красного Знамени» (в советское время только 2-е судей из Кабардино-Балкарии получили эту высокую награду). Имеет 36 других наград, из них: 6 медалей, 8 знаков, 10 грамот и почетных грамот, 5 благодарностей и денежных премий или ценных подарков и 3 приветственных адреса от центральных (СССР и РСФСР) и местных (КБАССР) органов власти.

Около 15 лет Т. М. Катанчиев являлся председателем Совета ве-

теранов 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Он являлся инициатором реконструкции бывшего памятника воинам 115-й кавдивизии, в связи с чем открывал новый памятник вместе с первым Президентом КБР В. М. Коковым.

Родина высоко оценила его заслуги, о чем свидетельствуют приведенные данные биографии и 77 наград, в т.ч. боевых – 40, трудовых – 37.

Его память увековечена присвоением его имени школе № 3 в родном селе Атажукино и названием улицы в г. Нальчике, в новом микрорайоне «Нарт» в районе «Дубки», а также установлением мемориальной доски из черного гранита в г. Нальчике на фасаде дома № 12 по проспекту имени В. И. Ленина, где он проживал.

Таля Мемович был очень любознательным человеком и давно хотел издать книгу об адыгских обычаях. Он начал писать ее во время работы в прокуратуре республики, примерно во второй половине 60-х годов. Много лет, в свободное от работы время, он настойчиво и скрупулезно собирал и обрабатывал материалы, после чего долго писал рукопись, как обычно, вкладывая в нее душу и сердце. В советские времена не было частных типографий, где, как сейчас, за определенную плату издадут любую книгу. Она должна была пройти обсуждение в КБНИИ, без согласия которого не издавался ни один научный труд.

После обсуждения в институте Таля Мемович долго не возвращался домой, а когда появился на пороге, по его удрученному виду мы поняли, что он крайне расстроен. Сотрудники института, несмотря на научные факты, подвергли его труд необоснованной критике, так как некоторые разделы работы не совпадали с выводами ученых института, носившими поверхностный характер. Отец не возвращался к этому вопросу около 40 лет до «перестроечного» периода.

Несколько доработав, он вновь предоставил ее уже другому директору КБНИИ Думанову Х. М., который также занимался этими вопросами. Изучив книгу, он сказал Тале Мемовичу, что она содержательная, в ней все грамотно изложено, но в некоторых местах она противоречит выводам других исследователей. Он предложил исключить их из текста, либо изложить в другом виде, заверив его в том, что в этом случае институт даст положительную рецензию и издаст книгу за свой счет.

Однако Таля Мемович, честный и уверенный в своей правоте, твердо ответил ему: «Хасан. Я ничего менять не буду, так как, сделав это, я поменяю наши древние обычаи, созданные нашими предками». Далее Таля Мемович привел многочисленные факты, подтверждающие его правоту.

Приведем несколько примеров некомпетентности некоторых работ КБНИИ. Так, Таля Мемович совершенно обосновано подвергает их критике: «Не прав А. Шортанов, который касаясь *адыгэ хабзэ* периода

родового строя и феодального общества, утверждает, что *«адыгэ хабзэ»* не знает неравенства людей. *Хабзэ* ни с кем не заигрывает. Оно для всех одинаковое, всех защищает... В работе «Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в 19 веке» Т. К. Кумыков считает, что мехкеме был духовным, т.е. шариатским судом, что он дела разрешал исключительно по Корану. Такой же вывод сделан и в «Истории КБАССР». Такого мнения придерживается и А. Т. Шортанов. Суд мехкеме не был шариатским судом. По его составу (одно духовное лицо из 12 его членов) он не мог быть исключительно духовным судом, хотя по форме действовал от имени Корана, но дела разрешались по нормам *адыгэ хабзэ*.

В «Истории КБАССР» нет последовательности относительно норм, которыми руководствовался суд мехкеме при разрешении дел. В главе 17 этой работы указано, что суды мехкеме «судили по Корану». В главе 20 той же работы сделан совершенно противоположный вывод о том, что «конфликты между князьями и уорками и последних с крестьянами решались по ранее существовавшим обычаям».

В соответствии с указанными фактами, ошибочность отмеченных выводов КБНИИ была настолько очевидна, что явно свидетельствовала об их формальном подходе к делу, тогда как Таля Мемович, как профессиональный юрист, досконально изучал все особенности и тонкости обычаев – *адыгэ хабзэ*.

В связи с такой критикой и ответом Тале Мемовичу для издания книги пришлось вложить свои средства, а также искать спонсоров. Ими были Ажахов Каншоби – банкир, меценат, советник Президента КБР, Президент МЧА (2009-12 гг.), академик АМАН, заслуженный юрист КБР, и А. Х. Вороков.

Так, в г. Нальчике, в издательском центре «Эль-Фа», в 2001 г., вышла в свет книга «Адыгэ хабзэ как кабардинское обычное право». Надо подчеркнуть, что Таля Мемович не был профессиональным ученым. Однако, несмотря на это, данная книга, как он сам пишет, является обобщающей работой и «первой попыткой рассмотрения основных вопросов кабардинского обычного права, (а не его отдельных деталей и вопросов)». В некоторых предшествующих трудах Т. Х. Кумыкова, В. К. Гарданова, Х. М. Думанова, Ю. М. Кетова и др. они были «затронуты, главным образом, в связи с исследованием других проблем истории» (выд. С. К.).

Поскольку Кабарда долгое время занимала доминирующее положение на Северном Кавказе, немало внимания этому уделили русские исследователи, особенно Ф. И. Леонтович и М. М. Ковалевский. В то же время, по мнению Тали Мемовича, «остается по настоящее время общим недостатком в этом вопросе отсутствие систематизации обычного права адыгских народов, в особенности Кабарды, по видам и от-

раслям права и должного юридического анализа известных нам сборников норм того права», что было осуществлено им (выд. С. К.).

Для освещения указанных вопросов Талей Мемовичем были изучены практически все труды по данным проблемам. Среди них – работы Ш. Б. Ногмова, Якуба Шарданова, А. А. Кучерова; иностранных авторов – Олеария Адама, Тавернье Жана Баптиста, Я. Я. Стрейса, Кемпфера Энгельберта, Де ла Мотрэ, Гербера Иоганна Густава, Главани Ксаверио и др. Кроме того, использованы материалы фольклора, а также многочисленные беседы с представителями старших поколений кабардинцев, знавшими древние обычаи.

В книге Тали Мемовича подробно, со знанием дела, за период с 15 – по 1-ю половину 19 вв., изложены характеристика общественно-политического устройства и формы правления в Кабарде; судебные органы, порядок их организации и деятельности; преступление и наказание согласно адыгэ хабзэ; история возникновения обычного права всех сословий, их соотношение и взаимосвязь. Глубоко проанализировано обычное право о собственности и ее охране, о семье и браке, а также о наследовании. С учетом укоренения у кабардинцев шариата, являющегося следствием принятия ими ислама, в книге рассмотрен вопрос влияния шариата на *адыге хабзэ*. Ранее не был разработан вопрос «отношения между нравственностью и кабардинским обычным правом, между *уорк хабзэ* (дворянским законом) и обычным правом», не «было единства относительно характера кабардинского обычного права, его отношения к кровной мести, к некоторым вопросам семьи и брака, некоторых судебных установлений, правового положения ряда категорий населения, форм собственности на землю... мало изучено и, по существу, не обобщено понятие преступления, виды наказаний, порядок их определения и исполнения по кабардинскому обычному праву... мало изучена форма правления нашим народам в тот период... в исследованиях советского периода историки либо упускают, либо лишь вскользь касаются вопросов наследования, обычного права по ранениям или увечьям, изнасилованию и похищению женщин», что также отрегулировано автором (выд. С. К.).

Данная книга Тали Мемовича пользовалась большим успехом у читателей республики. Учитывая спрос читателей и небольшой тираж предыдущей книги, Талей Мемович продолжил исследование ряда вопросов и дополнил их новыми довольно интересными материалами. Так, в 2003 г. вышла в свет книга «Кабардинское обычное право и его особенности».

В нее дополнительно включены новые темы: «Уорк хабзэ как кодекс чести привилегированных сословий Кабарды», «Сочетание элементов единообразия и партикуляризма в адыгэ хабзэ», «Шариат и его влияние на адыгэ хабзэ», «К вопросу о кровной мести в Кабарде», «О

названиях терминов «адыгэ хабзэ» и «уорк» в источниках по истории Кабарды». Этот вопрос более глубоко продуман и исследован с учетом разного подхода некоторых историков к *уорк хабзэ*.

Впервые в исторической литературе дано определение уорк хабзэ как кодекса чести привилегированных сословий Кабарды, созданного для поднятия авторитета и сохранения феодальных устоев общества. Дополнены главы книги о собственности, наследовании, семье и браке. В конце книги осуществлены довольно подробные выводы и заключения с перечислением наиболее характерных особенностей кабардинского обычного права.

В них в частности отмечено: «*Адыгэ хабзэ* в аспекте рассматриваемых в настоящей работе вопросов – это совокупность правовых норм кабардинского феодального права, регулирующих общественно-политические отношения во всех областях жизни... *Адыгэ хабзэ*, что дословно означает адыгский закон, хотя и не был писаным, из поколения в поколение передавался с изменениями и дополнениями как неизблемый образ жизни, и все его установки были обязательными для исполнения. Оно уважалось и почиталось в обществе, как непререкаемое предписание поведения человека в кабардинском обществе. В нем люди видели регулятор общественных отношений. Его авторитет подерживался князьями и уорками с употреблением всей их неограниченной власти... Авторитет адыгэ хабзэ как кабардинского обычного права был так велик, что некоторые исследователи сравнивали его по силе исполнения и действия с писаными законами государств... Правовые нормы *адыгэ хабзэ* как регулятора общественных отношений в Кабарде потеряли свое значение еще в 19 в., они остались лишь как историческое наследие прошлой, далекой жизни».

Т. М. Катанчиев пришел к выводу, что «В Кабарде еще с 15 в. был феодальный строй в виде феодальной сословно-представительной монархии с соответствующим феодальным правом – адыгэ хабзэ со своими специфическими особенностями» (выд. С. К.).

Эта книга пользовалась особенно большим успехом у читателей республики. Она занесена в престижный Всероссийский «МЕМОРИАЛ» международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества, в фондах библиотеки которого находятся около 30000 книг и брошюр на русском, украинском, английском, польском, немецком, французском, белорусском, итальянском и чешском языках.

Таким образом, Таля Мемович внес значительный вклад в историческую науку кабардинцев, он впервые систематизировал и исследовал в комплексе вопросы кабардинского обычного права, в связи с чем им изданы две вышеуказанные книги, которые пока являются первыми и единственными в этом направлении.

В номере:

<i>Зарина Канукова. Бег. Пьеса</i>	2
<i>Алим Алафаев. Стихи</i>	16
<i>Георгий Налоев. Битлас. Воспитатель. «Джейранчик»... Рассказы</i> ...	25
<i>Али Мамаев. Замок. Богач... Рассказы</i>	49
<i>Асият Кармова. Стихи</i>	61
<i>Марзият Байсиева. Деревянные башмачки. Аба. Рассказы</i>	67
Наш семинар. <i>Бэлла Бахова, Алина Богатырева, Анна Рябцева, Антемиркан Танашев, Женя Узденова. Стихи и проза</i>	82
<i>Сафарби Бейтуганов. Достойный не идет по следам других людей. Статья</i>	93
<i>Асият Кармова. Тень Сократа или свет... Люцифера. Статья</i>	122
Страницы памяти. Цель – творчество. Следуя традициям Востока. <i>Статьи</i>	135
<i>Хасан Тхазеплов. Стихи</i>	142
<i>Аскер Додуев. Подруга души моей. Статья</i>	150
<i>Джамбулат Кошубаев. Магистр игры: Наталья Смирнова. Статья</i>	158
<i>Асланбек Бекулов. Полномочный представитель. Статья</i>	163
<i>Павел Сидорук. Белорусский ангел дагестанских селений. Статья</i>	165
<i>Амир Макоев. В ожидании смысла. Из записных книжек</i>	170
<i>Султан Катанчиев. Книги Т. М. Катанчиева... Статья</i>	186

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета

В номере использованы фотографии А. Елканова

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.

Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс П5892

Компьютерная верстка *Ш. С. Ахматова*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 28.02.2023. Подписано к печати 05.04.2023.

Выход в свет 28.04.2023. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.

Тираж 1049 экз. Заказ № 732. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 41,77 руб., за 6 мес. – 125,31 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор – 40-28-49,

редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,

сайт: pressa.smikbr.ru,

e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в ООО «Издательство «Южный регион»,
357600, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Никольская, 5а

---

*Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электрон-
ной версией.*

*Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензи-
руются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей
может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут
ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не
принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке.
При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-
Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превыша-
ющем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных
(ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер
контактного телефона).*

24.03.23 г. марта в Нальнике – в Театре юного зрителя – состоялся юбилейный творческий вечер, посвященный 70-летию основателя и художественного руководителя театра, артиста, режиссера и педагога Аскера Налоева.

28.03.23. КБР, г. Нальчик. Возложение цветов к мемориалу «ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ СЛАВЫ»

